

2023

ТОМ: 4

■
ГОМЕР: 4

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

■

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том IV. № 4. 2023.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том IV. № 4. 2023.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Коротецкая А.И. (Россия), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том IV. № 4. 2023.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), *Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDVT), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Евдокименко А.С. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, Главный внештатный психолог ФМБА России*

Кетс де Врис Манфред (Франция), *Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (IPA). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).*

Кранц Джеймс (США), *Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Кречмер Томас (Германия), *Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Лейкина А.С. (Россия), *канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Лонг Сьюзан (Австралия), *Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Мамедов Шираз (Россия), *Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Медведев В.А. (Россия, Эстония), *канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психологического центра*

Мерски Роуз (США, Германия), *Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), *Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рафаелли Дерек (Великобритания), *Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Watzwiler Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Рингер Мартин (Новая Зеландия), *Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт*

Россохин А.В. (Россия), *д. психол. н., проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования*

Сиверс Бурхард (Германия), *Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Стрижова Е.А. (Россия), *канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Таккер Саймон (Великобритания), *Ph.D., проф., программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Уорд Грэм (Великобритания), *директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (APA), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шенкман А.И. (Россия), *Доктор эконо. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ*

Хиршорн Ларри (США), *Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Сама Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант*

Шаповалова Е.В. (Россия), *ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)*

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том IV
№ 4.2023**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Вассилис Капсамбелис
«Бред» как вид психической деятельности 6

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОПАТОЛОГИЯ

Пестов М. Г.
Диссоциация: философское и клиническое осмысление 21

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОСОМАТИКА

Фусу Л. И.
Сублимация смерти и сублимация жизни 33

Короткова К. А.
За пределами дуализма души и тела 41

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Полицина М. В.
Садистическая первосцена и ее влияние на эдипов конфликт 59

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИДЕРСТВА

Ярина М. С., Джабар-Заде Е. В.

Влияние психодинамических процессов лидера на динамику организационной трансформации 73

Разовский В. В.

Психоаналитический взгляд на стили политического лидерства в подходе М. Кетса де Вриса на материале художественных кинофильмов 90

Разумовская Т. А.

Лидер культа и его последователи на примере NXIVM: психоаналитическая перспектива 104

ПСИХОАНАЛИЗ ИСКУССТВА

Разовская Э. М.

Психоанализ творчества Сальвадора Дали 116

Никитин И. Ю.

Буковски. Психобиографический абрис 137

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

«Бред» как вид психической деятельности

Вассилис Капсамбелис

*(Пер. с фр.: Молингер Н. В., Захарова Л. В.
Научный редактор – Чекунова О. В.)*

Вассилис Капсамбелис – психоаналитик, психиатр, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13-го округа Парижа (AMS 13), главный редактор журнала «Revue Française de Psychanalyse»; уже много десятилетий работает с пациентами, которые функционируют по ту сторону невроза – с пограничными состояниями и психозом.

В данной статье исследуется психическая функция бредовой активности, бред рассматривается как самостоятельная психическая активность, продукт соединения проприоцептивной активности, связанной с биологической природой организма, и экстероцептивной активности, направленной на «иного, чем я», на объект.

Ключевые слова: бред, галлюцинация, бредовые идеи, неореальность, негатив, непережитый эмоциональный опыт, ониризм, шизофрения.

Цель данной статьи – рассмотреть психическую функцию бредовой активности: речь идет о том, чтобы изучить, как и почему «бред» (Ракамье) представляет собой самостоятельную психическую активность, с одной стороны, подобную, а с другой – отличающуюся от таких видов активности, как любовь или творчество, поскольку он мобилизует почти столько же психических сил, сколько и они, и приводит в действие на протяжении примерно такого же времени тот же набор компонентов (инстанций и «элементарных функций»: мышление, ассоциирование, восприятие, действие...) психической жизни.

Рассматривать бред как «психическую активность» – значит прежде всего определять его как продукт соединения двух внешних по отношению к психике движений: одного, коренящегося в *проприоцептивной* активности, связанной с биологической природой организма, для которого влечение является психической репрезентацией и «мифологическим» источником; и другого, коренящегося в *экстероцептивной* активности, воспринимающей или не воспринимающей сам организм, а именно активности, направленной на «иного, чем я», которого мы обобщенно называем объектом (в том смысле, в котором Паш мог сказать, что восприятие и любовь «возможно, имеют одну и ту же природу»). Следует также понимать, что эта связь между «объектом» и «экстероцептивной активностью» означает не то, что *источником* формирования объекта является восприятие, а то, что только восприятие позволяет психической категории объекта, как показал Винникотт, иметь то *качество* существования, которое необходимо для развертывания эффективной психической активности в направлении объекта (даже если в определенном количестве психических активностей, причем не самых важных, объект вообще не нужно воспринимать, а достаточно его вспомнить, представить или реконструировать / вновь найти).

В последние годы появилось много работ, посвященных механизмам формирования галлюцинаций и бредовых идей, их связи, с одной стороны, с языком (точнее, с вербальными следами репрезентаций слова), а с другой – с репрезентациями вещей (и в целом со следами, которые эти первые впечатления могут оставлять или не оставлять в психике). Ряд авторов, особенно франкоязычных (А. Грин, С. и С. Ботелла, Р. Руссийон, К. Жанин, Ф. Дюпарк и др.), внесли существенный вклад в изучение галлюцинации как одной из разновидностей психического функционирования в отношении того, что невозможно представить, и того, что находится в негативе. Эти работы продолжили более ранние исследования, в которых уточнялись характеристики бредовой идеи и ее связь с первичными, невербальными репрезентациями, относящимися либо к визуальному образу (Оланье), либо к эмоциональному опыту, который невозможно переработать (Бион, Винникотт). Мы упомянем эти работы лишь вскользь на пути нашего исследования, которое будет в большей степени фокусироваться на том, как работают эти процессы, чем на том, как они устроены; исследовать в большей степени ту работу, которую они производят, чем элементарные механизмы, которые позволяют эту работу выполнять. Отношения между данным исследованием и этими работами такое же, как между макроэкономическими и микроэкономическими исследованиями.

Можно сказать, что эти два различных и взаимодополняющих исследовательских угла зрения присутствуют и у Фрейда. Некоторые его тексты («Бессознательное» и «Метапсихологическое дополнение к теории сновидений» в «Метапсихологии», «Человек-волк» и комментарий к механизму проекции в случае президента Шребера и др.) относятся к первой категории: они пытаются ответить на вопрос о структуре и природе бредовой идеи и ее связи с галлюцинацией. Другие требующие внимания

тексты посвящены бреду как психической активности. Для чего он нужен? В чем он специфичен по отношению к другим видам психической активности? Что он дает бредящему субъекту?

Мы начнем с рассмотрения двух текстов из этой второй группы, в которых рассматриваются функции бреда как психической активности. Фрейд рассматривает с разницей в несколько лет: бред, который появляется в его комментариях к рассказу Йенсена «Градива» и который мы можем рассматривать как прототип бреда при острых психозах, и бред, который развивается в основном из гипотез «Введения в нарциссизм» вокруг понятия изъятия либидо, инвестированного в объект, что в современной психоаналитической литературе обозначается термином «дезобъектализация» (Ракамье, Грин). Изучение сходства и прежде всего различия между этими двумя видами бреда может позволить лучше понять специфическую функцию бреда при шизофрении – патологии, которая в большей степени, чем хронические бредовые психозы, будет находиться в центре нашего размышления.

Бред в повести Йенсена «Градива»

В библиографии Фрейда моделью этих острых бредовых эпизодов является Норберт Гарольд, молодой археолог, главный герой повести Йенсена «Градива», которого Фрейд рассматривал в качестве клинического случая для написания своего комментария о «бреду и сновидениях». С клинической точки зрения здесь объединены все факторы непсихотического острого бредового и галлюцинаторного состояния с выраженным компонентом спутанности. У молодого героя явно непсихотическая психическая организация с большими способностями к сублимации, но начиная с подросткового возраста он также подвержен достаточно сильному торможению своей генитальности; однако объект всегда присутствует, в отличие от того, что происходит при психозах, согласно Фрейду; он видимый – даже, когда на него не смотрят, – и этой игры между «видеть» и «смотреть» достаточно для того, чтобы организовать процесс символического смещения на барельеф и привести в движение мощное влечение, которое приведет будущего пациента в Помпеи. Там появляются другие компоненты острого эпизода, хорошо известные классической психиатрии, которые участвуют в завершении формирования спасительного бреда: неопытность в употреблении «превосходного сицилийского вина», а также слишком яркое солнце, которое может стать причиной солнечного удара для тех, кто привык к тусклому освещению научных библиотек. В итоге у молодого археолога случается психопатологический приступ, подобный тем, что переживают современные молодые люди под воздействием различных наркотиков – и которые, несомненно, находятся в том же контексте – в поисках компромиссов, связанных с генитальностью.

С этого момента руины древнего города становятся огромной сценой, на которой ненадолго разворачивается его внутренний театр: Норберт Гарольд с особой интенсивностью вдыхает запах роз Сорренто, получает их послания любви, разговаривает с подругой детства, которую он

не узнает, как если бы мраморное создание внезапно обрело свое живое воплощение. Он видит сны с открытыми глазами и при полном участии моторики: он бродит, ходит в гости, ведет монолог и спит коротким беспокойным сном. Это именно то, что психиатры XIX века обозначали термином «ониризм», а именно бредовая и галлюцинаторная активность, начало острого или подострого делирия, разворачивающегося на почве временно-пространственной дезориентации некоторой степени и спутанности сознания, который также поддерживается за счет бессонницы и постоянной интенсивной двигательной и психической активности, доводящей до изнеможения, приводящей в состояние вызывающего сильную тревогу возбуждения.

Зачем устанавливать связь между такими видами психопатологических бредовых и галлюцинаторных эпизодов и сновидениями? – на мысль о необходимости такой связи наводит как название эссе Фрейда, так и сам психиатрический термин «ониризм». Потому что в обоих случаях сила влечения будет преодолевать сопротивление системы «восприятие – сознание», прекратившей по ряду внутренних и внешних причин выполнение своей функции испытания реальности (в смысле подтверждения существования воспринимаемого). Так начинается мощное регрессивное движение по путям, столь хорошо описанным Огюстеном Жанно в его «*Непсихотическом бреде*», когда *страсть* к объекту берет верх над *возможностью* объекта. В результате возникает психическая активность, которой свойственно воскрешать прошлое и неживые предметы, присваивать весь окружающий мир с помощью непрерывного путешествия глаз, ушей и разума, превращать в предметный мир как можно большие части окружающего объективного мира.

Именно этот конкретный момент продемонстрирует нам расхождение путей между ониризмом и бредовой активностью шизофренических психозов. По мере того как субъект, находящийся в состоянии ониризма, осуществляет регрессивное движение от мыслей к звуковым и в особенности к зрительным образам, его продуктивность становится все более и более насыщенной, его внутренняя сцена расширяется, пока не охватит весь непосредственно воспринимаемый им мир: это типичное упразднение различия между «внутри» и «снаружи», которое всегда указывает на упразднение различия между проприоцептивным (внутренним) и экстероцептивным (внешним) возбуждением. Однако, в отличие от того, что мы наблюдаем при хронических психозах, внешнее возбуждение здесь будет рассматриваться как внутреннее и приниматься за таковое. Точнее, следовало бы сказать, что установится своего рода *совместное* возбуждение уже не между различными эрогенными зонами, а между субъектом и внешним миром. Так, субъект в остром психотическом состоянии плывет по волнам своего внутреннего шторма от встречи к встрече, которые он там совершает; чужие желания и стремления становятся его собственными, даже неодушевленные предметы внешнего мира посылают желаемые сигналы желаний, которым субъект спешит последовать («Я увидела указатель на *Нант* и сразу поняла, что мне нужно ехать в Бретань»), – сказала одна пациентка, вернувшись из патологического путешествия).

В мире ониризма все объективизируется: вещи внешнего мира становятся объектами, *желание объекта становится желанием Я*, а Я предлагает себя в качестве объекта желания, любящего или преследующего, по отношению к другим и практически к любому другому, с одинаковой пылкостью и ликующим восторгом, которые, похоже, способны уменьшить лишь изоляция и соответствующие лекарства.

Как это ни странно, похоже, что данная ситуация ни в коей мере не поднимает вопрос утраты границ и целостности своего Я для субъекта. В состояниях острого бреда, при спутанности сознания, галлюцинаторная фантазмагория постоянно инсценирует персонажей и ситуации из так называемой внешней реальности; чувства любви и ненависти, преследования и экстатического сговора постоянно обострены и сменяют друг друга; и все же некое Я всегда остается активным и деятельным, как во сне. Возможно, следовало бы сказать: вопроса о существовании и целостности Я в таких ситуациях не возникает, потому что, как и во сне, *всё является Я*; мы не находимся в ситуации, когда Я сталкивается с враждебной или чуждой внешней реальностью; Я расширило свои границы до тех пор, пока воспринимаемое не стало галлюцинацией, а границы воспринимаемой вселенной не совпали с границами Я. Здесь, как мне кажется, мы сталкиваемся с важнейшим элементом теории сновидений: сновидение «эгоистично», говорит Фрейд. Этот «эгоизм» фигуративно выражается в том, что Я может скрываться за любым персонажем сновидения, и, напротив, появление Я в сновидении может отсылать к кому-то другому. Таким образом, эгоизм сновидения можно понимать в смысле того, что мы называем «первичным нарциссизмом», той «психической системой», которую Фрейд описывает в *«Положении о двух принципах психической деятельности»* как создаваемую «младенцем, если добавить туда хоть немного материнской заботы». Так, в ониризме и остром психозе весь мир становится объектом и участвует в этом чудесном и угрожающем затоплении, где переплетаются неразличимые друг от друга желания, откуда когда-то вышло Я, как постепенно становящаяся автономной целостная структурная единица. Погрузиться в мир острого психоза – это значит на несколько дней или недель отправиться в путешествие по воспоминаниям прошлого вместе с героями настоящего: любить и быть любимым и, соответственно, ненавидеть и быть ненавидимым – с той силой, которую объект с той поры больше никогда не встречал.

Бред в статье Фрейда «Введение в нарциссизм»

Путь, ведущий к бреду, каким его представляет Фрейд во *«Введении в нарциссизм»*, совершенно иной. Механизм формирования бредовых состояний делится на две стадии. На первой стадии происходит дезинвестирование внешнего мира, «изъятие инвестиций». Но здесь Фрейд сразу же подчеркивает разницу с невротической патологией: «Истерик, или навязчивый невротик [обсессивный], также отказался от отношений с реальностью. [...] Однако анализ показывает, что он никоим образом не уничтожил эротическое отношение к людям и вещам. Он по-прежнему

сохраняет его в фантазии, то есть, с одной стороны, он заменил реальные объекты воображаемыми объектами из своей памяти либо смешал одни с другими, а с другой – отказался от двигательной активности для достижения своих целей в отношении этих объектов. [...] Иначе обстоят дела у парафреника [шизофреника]. Последний, видимо, полностью изъясил свое либидо из людей и вещей внешнего мира и никем не заменил их в своих фантазиях». Вторая же стадия соответствует неспособности субъекта психически пережить это «мегаломаническое» состояние, когда все либидо нахлынуло в Я. Попытка «вернуть» либидо к объектам, которую можно соответственно сравнить с «попыткой исцеления», приведет к созданию «неореальности», построенной из галлюцинаторной активности и бредовых идей и, таким образом, снова приобретающей форму объектной жизни, но, как указывает Фрейд, «с другого уровня и при иных условиях, чем первичное инвестирование» (то, которое было до болезни).

Один из аспектов аргументации Фрейда, привлекающий внимание в этом тексте: Фрейд мало изучает защитную логику, которая лежит в основе первой стадии – логику нарциссического изъятия либидо. Почему субъект вынужден возвращать себе свои объектные инвестиции, даже в своих «фантазиях», в своем внутреннем и воображаемом мире? Работы Федерна, продолженные многими аналитиками начиная с 1960-х годов (Сирлс, Ракамье, Бенедетти, Паш...), были направлены на освещение этого вопроса. Некоторые пациенты позволяют нам увидеть угрозу, которую представляет для их Я присутствие объекта: вторжение или изливание, потеря границ и захват, смешение Я и объекта или вампиризация. Некоторое количество психотических феноменов (на самом деле более присущих шизофреникам, чем обычным психотикам), кажется, заставляют Я вновь пережить первичный опыт слияния с объектом, но под знаком не блаженного единения, а неминуемого уничтожения. Природу этой угрозы мы рассмотрим позже. Однако уже сейчас следует отметить, что трудно понять «первую стадию» организации психоза по Фрейду – нарциссическое изъятие либидо, дезобъективацию (Ракамье, Грин) – без рассмотрения гипотезы о предшествующей, предваряющей стадии, на которой объект предстает как носитель угрозы для жизни. Это и есть настоящая «первая» стадия, которая запускает защитные операции, приводящие к шизофрении. Именно поэтому представляется целесообразным рассматривать формирование этих патологий исходя из наличия трех, а не двух стадий: угроза, представленная объектом; нарциссическое изъятие либидо (дезобъективация); воссоздание объекта посредством галлюцинаторной и бредовой активности.

Этот вопрос тем более правомерен, поскольку во «*Введении в нарциссизм*» Фрейд представляет все необходимые компоненты острого психоза, описывая то, что он называет мегаломаническим этапом. Фрейд говорит, что эта стадия мании величия обычно является «расширением и более четким проявлением состояния, которое уже существовало ранее». Такой нарциссизм, с «включением объектных инвестиций», будет строиться на базе первичного нарциссизма, который Фрейд описал несколькими годами ранее в вышеупомянутом тексте как нарциссизм, в основе

которого лежит система «ребенок – материнская забота. Более того, клинические наблюдения позволяют предположить, что условия, при которых субъект прибегает к бредовому решению, вероятно, весьма схожи; во всяком случае, именно это мы наблюдаем у подростков и молодых людей, из которых одни погружаются в острое психотическое состояние (как героиня «Градивы»), а другие – в шизофрению. Но тогда почему больной шизофренией не идет по пути острого психоза, как мы это рассматривали ранее? Почему в случае шизофрении патология не разворачивается так, *как при остром психозе*? На самом деле отчасти так оно и происходит – многие случаи шизофрении могут начинаться *как* острые психозы. Но что происходит потом? В какой момент и каким образом то, что должно быть триумфальным и временным воссоединением с миром-объектом, останавливается на своем пути под воздействием бредовой и галлюцинаторной фантазмагии и с этого момента навсегда подвисает между стремлением к достижению цели и невозможностью встречи? И, наконец, может ли изучение особенностей возникающего бреда – параноидального, шизофренического – дать нам представление о характерных для этой патологии опасностях, отличных от острых психозов?

Бред сновидений и бред реальности

Элементы, которые мы пытались выявить до сих пор, можно резюмировать следующим образом: быть в бреду – значит так или иначе переживать общую историю с объектом, что подразумевает влечение, которое, вне зависимости от его природы, в конечном итоге находит своего естественного адресата, даже если этот адресат целиком и полностью создан субъектом. С какой бы стороны мы ни подходили к бреду и какую бы патологию ни рассматривали (острые психозы, шизофрения или другие хронические нешизофренические бредовые психозы), *бред* всегда соответствует исходной психической и специфической активности при встрече и взаимодействии с объектным миром – или скорее с некоторым объектным миром, сильно отличающимся от мира невротических организаций. Бред возникает, когда другие способы встречи, взаимодействия и работы с объектом отсутствуют или оказываются недейственными, и отвечает этой, вероятно *биологической, необходимости* (в полном смысле этого слова), а именно построению своей психической жизни с объектами, – начиная выстраивать отношения с объектами. Иными словами, конечной целью бреда, которая соотносится со всеми другими психическими судьбами влечения, является встреча с объектом, в движении, которое неразрывно связывает поиск объекта и желание находить его снова.

Таким образом, представляется заманчивым попытаться понять разницу между острыми психозами и шизофренией на следующем уровне: что происходит, когда субъект, столкнувшись с трудностями или тупиками своей текущей объектной жизни, вступает на путь той регрессии, которая сделает реальными его зрительные и слуховые мнестические следы? Однако, когда мы сравниваем эти две патологии, у нас создается впечатление, что на этом пути перед субъектом открываются две возможности.

Либо он встретит следы своих первичных объектов удовлетворения и, на мгновение погрузившись в пространство бреда, с их помощью воспроизведет ситуацию первичных отношений, когда ребенок и мать *составляли* единое целое. Или же вместо них он найдет что-то, что мы можем описать лишь как нечто, обладающее качествами *негативного*: нечто, на первый взгляд похожее на пустоту, пробел, отсутствие – в любом случае своего рода не-след, который не дает ему необходимого материала для обработки его влечений, как это происходит при острых психозах и ониризме. Именно здесь мы встречаемся с концепциями французской психоаналитической школы, о которых упоминалось в начале этого текста. Однако следует быть осторожным при использовании понятия *негатива*, которое в психоаналитической литературе имеет по меньшей мере три значения, несомненно взаимодополняющих друг друга, но вместе с тем заслуживающих быть разделенными: отсутствие вещи в себе («О» Биона) как момента, необходимого для создания ее репрезентации; ненависть как «негативное» чувство, форма инвестирования, которая может быть симметрична по своей интенсивности любви, но может привести к разрыву, что делает ее асимметричной любви; *дезинвестиция* (или *неинвестиция*) как операция, противостоящая как любви, так и ненависти, а также репрезентации и более или менее соответствующей ей перцепции, то, что на языке чувств и эмоций соответствовало бы тому, что мы называем *неведением* или *безразличием*.

Здесь мы сделаем отступление для теоретического комментария, который в специально отведенном для него месте, а также на стадии размышления может быть лишь эллиптическим. Мне кажется, что то, что следует понимать как *негативное* в конкретном случае шизофрении – *в отличие* от других психопатологических проявлений, включая острые психотические состояния – это феномен, когда в регрессивном движении, инициированном требующими удовлетворения влечениями, одновременно ведущем к первичным объектам, пациент сталкивается с чем-то – опытом, отношениями, – что не обрело или потеряло либидинальные права, даже *в смысле отказа от удовлетворения, фрустрации*; отношения, которые не стали «объектом» или потеряли это качество. Это «нечто» предстает как опыт, который не был ни принят и ни атакован, ни любим и ни ненавидим; он не был объектом работы развязывания, которую традиционно считают результатом активности влечения к смерти, потому что он никогда не был связан или потому, что никаких следов этой работы развязывания не может быть найдено. Безусловно, с теоретической точки зрения недостаточно только сравнения между развязыванием и несвязыванием, *атакой на связи* (которая, если и *приводит* к дезинвестированию, то только как к «дезинвестированию борьбы», скрывающему инвестирование ненависти) и *отсутствием связей (неинвестирование)*. Точно так же *необходимость* влечения смерти для нашего понимания психических феноменов, возможно, не настолько зависит от учета ненависти и агрессии – явлений, присущих либидо, составляющих часть эроса, обеспечивающих его развитие и составляющих пару противоположностей, понятных для *предварительных экономических условий* психического инвестирования

(которое для удобства мы подразделяем на либидинальное и агрессивное инвестирование). Влечение к смерти находится во взаимосвязи от этой возможности *неинвестирования*, которая касается не качества другого как *объекта* (любви или ненависти), а именно отрицания его существования как объекта, в который можно инвестировать. Мать кормит своего ребенка молоком и любовью, но она также может насильно пичкать или с ненавистью лишить его этого (кормления) – что мы иногда встречаем у психотических матерей. Здесь мы должны представить себе пациентов, выполняющих психическую работу, которая превращает объект в машину или робота, обеспечивающего кормление, которое может быть адекватным с точки зрения питательности, но лишено любого качества, позволяющего отнести этот опыт к категории либидинального или ненавистного. Это, как мне кажется, и есть *неинвестирование* (или изъятие объектного инвестирования, которое происходит, как предполагал Фрейд, при шизофрении), и именно этим оно отличается от любой теории, основанной на ненависти или атаке: если угроза, исходящая от объекта, действительно является фактором, вызывающим изъятие либидо, то результатом будет являться не только формирование преследуемого объекта и объекта ненависти (что также происходит в бреде), но *также* определенная работа, превращающая объект в *не-объект* (Ракамье).

При шизофрении регрессия не может предоставить материал, необходимый для галлюцинаторной и бредовой активности. Лишенный репрезентаций, находящийся под давлением потребности в фигуративности, создании образов (которая является задачей работы сновидения, а также составляющей любого процесса регрессии), субъект вынужден обратиться к противоположному полюсу своего психического аппарата – на другом конце дуги, которую Фрейд описывает в седьмой главе «*Толкования сновидений*», – в поисках того, что могло бы питать его психическую работу: он обращается к своему перцептивному полюсу, чаще всего экстероцептивному (собственно, бред и галлюцинации), нередко проприоцептивному (ипохондрические ощущения). В результате возникает *бред*, который по мере своего развития опирается на перцептивные данные, даже если это означает их эпизодическое упорядочивание с помощью галлюцинаторной активности. Однако, по сути, «бред сновидений» острого психоза, который бурно и спонтанно разрешается, при шизофрении, превращается в длительный, неявный и практически постоянный «бред реальности». Отсюда впечатление «гиперреальности» (Анжелерг), которое характеризует бредовую активность таких пациентов, поскольку ни один элемент внутреннего, «галлюцинаторного» порядка (в смысле галлюцинаторного удовлетворения) не окрашивает и не ассимилирует их перцептивную активность: реальность предстает, так сказать, «сырой», как взгляд Медузы без посредничества щита Персея (Паш), навязывая субъекту пассивность подчинения, от которой он может избавиться только ценой практически полного ограничения контактов или с помощью резкой и неэффективной двигательной разрядки или даже самоубийства.

Влечение и объект в шизофреническом бреде

Теперь можно вернуться к нашему исходному вопросу, в котором мы пытались определить «бред» как психическую активность, определяемую как продукт сближения влечения и объекта. Действительно, все, что только что было сказано о несостоятельности регрессии, негативе, гиперреальности, ни в коем случае не должно приводить к выводу, что термины, которыми обычно определяется психическая жизнь в целом, не находят применения при шизофрении. Напротив, значительная часть видимых клинических признаков шизофрении – бредовые идеи, галлюцинации, идейно-вербальная дезорганизация, различные поведенческие странности и расстройства, и при помощи этого «брёда», ставшего не просто нарративом, а образом жизни, воспроизводятся особые условия, при которых влечения и объект встречаются в данной патологии. В качестве примера приведу клиническую виньетку.

Господин Ф. – молодой человек, страдающий с середины подросткового возраста параноидальной шизофренией. Мучительное течение этой болезни было усугублено неблагоприятными социально-семейными условиями, неоднократными госпитализациями, потерей привычных точек опоры, чередованием периодов бродяжничества, когда у него не было определенного места жительства, и возвращения к более нормальной жизни после возобновления психиатрического лечения. Благодаря пособию для взрослых инвалидов он живет в настоящее время в субсидированной студии, без дружеских привязанностей и семейных уз. Время от времени он пытается, без особого успеха, вернуться к учебе или небольшой профессиональной деятельности, но его трудности в отношениях и расстройства мышления не позволяют сосредоточиться и проявить минимальную гибкость в общении с другими людьми, что является основой любой социальной активности. В результате он проводит большую часть времени в постели, изредка смотрит телевизор, не может читать и очень редко выходит из дома, чтобы совершить покупки, обеспечивающие его выживание. Он описывает свое состояние как ощущение, будто «у него нет черепного барьера». Все проникает внутрь, все дает о себе знать. На улице, едва завидя его, незнакомые прохожие переходят на другую сторону тротуара, понимающе улыбаются или делают замечания за его спиной. В своей студии он слышит с особой остротой шум проезжающих машин, разные тональности их сигналов посылают ему сообщения, которые он не может расшифровать. Каждый раз, когда он слышит песни по радио, он думает, что они предназначены для него. Дни тянутся очень долго – он проводит их, лежа в постели, не решаясь выйти на улицу, не решаясь включить радио или телевизор. Чем же он занимается? «Размышляю». О чем? «В этом-то и проблема, – говорит он. – Я пытаюсь думать о чем-то, о чем угодно, например о том, какие покупки нужно сделать, или о том, чтобы вернуться на учебу. Но трудно думать так, чтобы все не узнали, о чем я думаю. Все, о чем я думаю, сразу же становится известно всем. У меня нет никакой личной жизни». Чуть позже, в том же интервью, он жалуется на одиночество и изоляцию. И тогда я решаюсь

на интервенцию: он чувствует себя одиноким и всеми покинутым, но, по его словам, он никогда не бывает один; весь мир постоянно «настроен» на него. Эта интервенция заставляет его задуматься. «Так и есть, – говорит он, – я никогда об этом не задумывался. Я никогда не бываю один, это правда. Но я ничего не могу делать с другими».

В этом типичном рассказе о шизофренических страданиях отчетливо видны особенности бреда, присущие данной патологии, основанные на симптоматических механизмах (синдром влияния, референтный синдром...), которые психиатрия давно признала и описала. Несомненно, именно последнее предложение лучше всего объясняет особую форму этого «бреда». Мы помним, что психиатрическая клиника описывает ониризм как «бред сновидений и действия». Здесь нет никакого действия: в отличие от характерной для острого психоза вспышки бредового эпизода пациент, находящийся под воздействием слов и взглядов других людей, не имеет возможности вступить в контакт с другим или получить его реакцию, не может донести до собеседника в понятной форме то, что с ним происходит. На какую сферу влечений, на какую судьбу влечений может тогда претендовать эта психическая жизнь?

Именно *пассивация*, центральный элемент этой проблематики, лучше всего выдает тот тип влечения, о котором здесь идет речь. Можно сказать, что основная характеристика влечения, присущая шизофреническому бреду, представляет собой одну из судеб влечений, которую Фрейд в своей «*Метапсихологии*» описывает как превращение активности в пассивность и обращение на себя. Нелишним будет отметить, что эти два движения часто «сближаются или перепутываются»: «на тебя смотрят» или «с тобой говорят», например, подразумевают как пассивную форму глаголов «смотреть» и «говорить», так и смену объекта, основанную на той же цели влечения. Более того, эти трансформации можно рассматривать как интересное продолжение природы шизофренической патологии и трудностей (невозможности, по Фрейду) в установлении отношений переноса: обращение против себя описывает в терминах судеб влечений то, что Фрейд в дальнейшем поддержит с точки зрения развития либидо, а именно это «*аутодвижение*», определяющее, по его мнению, шизофреническую патологию, приведшее позднее Блейлера к тому, чтобы сжать фрейдовский термин «*аутоэротизм*» до знаменитого ныне неологизма – «*аутизм*». С этой точки зрения, смена активности на пассивность и обращение против себя следует рассматривать как важнейшие элементы любого исследования жизни влечений при шизофрении.

Однако эти работы не позволяют нам пока установить связь между жизнью влечений и этим «негативным» следом объекта в шизофренических патологиях. Какова взаимосвязь между этими судьбами влечений и неинвестированием, о котором мы говорили ранее? Мне кажется, что именно с точки зрения диады «Я – объект», а не отдельно взятого организма (и, следовательно, психики) *превращение активности в пассивность и разворот на собственную личность поддерживают и поддерживаются сферой влечений объекта по отношению к Я*. На нас смотрят – значит, на нас смотрит объект, прежде чем Я не посмотрит на себя; с нами

говорят – значит, слышать, как с нами говорит объект, прежде чем мы научимся говорить с собой. Иными словами: *пассивность влечений и обращение влечений на себя – это базовые влечения, из которых объект узнается субъектом и инвестируется Я как другое Я, которое инвестирует субъект, то есть как другое Я, которое рассматривает Я и тело субъекта как объекты.* Именно через эти судьбы влечения Я осознает себя как инвестированное своим объектом и становится «объектом объекта» – без чего для субъекта не может возникнуть ощущения своего реального существования. Центральным механизмом «наслаждения» при шизофрении, причем в ее наиболее ярких клинических проявлениях, является движение в сторону того, чтобы «быть инвестированным другим», постоянно и без ограничений, вплоть до того, чтобы никогда не оставаться одному, запрещая себе любую активность влечений.

Стадия, на которой Я осознает себя как объект, и особенно как объект желания другого, которого Я субъекта одновременно инвестировало как объект своих собственных желаний, – это то, в чем преуспели пациенты с ониризмом и острым психозом в целом и что не удается пациентам, страдающим шизофренией.

И в этом смысле *бред*, среди всех прочих видов психической деятельности, лучше всего показывает нам, что для того, чтобы начала развиваться психическая активность, необходима психическая активность другой психики: не только той, которая была нашим объектом, но прежде всего той, объектом которой были мы сами.

Последняя стадия бреда: рассказ и тот, кому он адресован

Можно ли бредить в одиночестве, в четырех стенах, чтобы в этой психической деятельности так или иначе не участвовал кто-либо другой? Возможно, да. Но даже если бы это было возможным, мы бы никогда не узнали, имеет ли этот *бред* ту же природу, что и тот, с которым мы сталкиваемся в нашей клинической практике и который обладает дополнительной базовой характеристикой: он превратился в рассказ и поэтому предполагает участие адресата.

В задачи данного текста не входит более детальное изучение терапевтических аспектов, поэтому я ограничусь выделением одной характеристики, которая связана с развиваемыми здесь идеями. Мне кажется, что с точки зрения только что предложенного анализа «бреда» мы можем сделать общий вывод о *контрпереносной ситуации*, к которой стремятся любые терапевтические отношения с бредовым пациентом. Эта ситуация характеризуется следующим фактом: подвергаясь инвестициям и взглядам множества «других», о которых он ничего не знает и которым он может лишь пассивно подчиняться, пациент, который вступает в терапевтические отношения, оказывается в активной позиции «по доверенности», поскольку он раскрывает и «изливает» (более того, иногда со значительной эмоциональной силой) то, что с ним происходит, взгляду и слушанию другого; таким образом, он ставит себя в позицию передачи этому другому человеку – терапевту – визуальных и слуховых впечатлений, которые,

поскольку пациент сам проживает их пассивно, тем более «сырые» и непроработанные; таким образом, он достигает формы дублирования/повторения исходной ситуации, когда терапевт оказывается как бы на месте пациента в его ежедневном бреде.

Эта базовая ситуация контрпереноса иллюстрируется несколькими случаями. В аналитической работе с такими пациентами терапевт может оказаться в позиции строгого нейтралитета, который, под видом соблюдения правил и кадра аналитической техники, рискует воспроизвести идентичную для пациента ситуацию – его пассивность и даже оцепенение под воздействием галлюцинаторного и бредового опыта. И, напротив, в психиатрической работе с такими пациентами можно найти множество примеров того, как терапевт ставит себя в сверхэнергичную позицию, становится гиперактивным, когда он чувствует себя подверженным галлюцинаторной активности, переживаемой пациентом: несвоевременная смена лекарств или увеличение дозировки или советы, предписания и вмешательства «в реальность» могут оказаться нагруженными, помимо их возможного обоснования, весом контрпереноса пережитого терапевтом опыта. Ситуации, которые иногда приводят к высокому риску в терапевтических отношениях: когда пациент, подверженный слуховой галлюцинации, настаивает на том, чтобы проверить, слышал ли его терапевт тот же голос – обстоятельство, которое, по моему опыту, всегда влечет за собой большую опасность разрыва терапевтической связи или даже развития «психоза переноса» в самом полном смысле этого слова.

Поэтому можно утверждать, что базовая терапевтическая ситуация, на основании которой развиваются терапевтические отношения с бредящим пациентом, состоит в том, что терапевт, ощущая себя на месте пациента, чувствует себя вынужденным проявить свои собственные реакции или установки в ситуации, подобной той, что переживает пациент в своей повседневной жизни.

Как мы можем избежать этой ситуации «принудительной идентификации» (как правило, проективной), которая угрожает терапии? Мне кажется, что есть два пути, по которым терапевты могут пойти, чтобы проработать свой контрпереносный опыт и, если возможно, вернуть что-то полезное в психическую работу пациента с бредом.

Первый путь – всегда воспринимать «бред» пациента как то, чем он является, то есть как *рассказ*. Речь не идет о том, что галлюцинаторные и бредовые переживания представляют собой *нарратив* в полном смысле этого слова; эти переживания слишком отличаются от содержания сновидения или изложения фантазийной конструкции, со всеми элементами личной истории, которые содержат все эти психические образования. Но речь идет о необходимости исследования, выделения и признания *той части рассказа*, которая присуща любому вербальному рассказу об опыте, каким бы масштабным и травматичным он ни был. Анжелерг говорил, что искусство терапевта в работе с пациентом с бредом состоит в том, чтобы оставить у него смутное, едва осознаваемое впечатление, что ему *наполовину* верят. Галлюцинаторно-бредовый опыт следует *обсуждать*: задавать вопросы, исследовать механизмы, работать с пациентом

над установлением причинно-следственных связей, рассматривать и придумывать другие варианты развития событий, другие возможные сценарии и, таким образом, все больше и больше превращать бред в *рассказ*, то есть в конструкцию человеческого разума, а значит, конструкцию, которую можно изменить, модифицировать и перевернуть. Работать над бредовой идеей – значит, насколько это возможно, превращать гранит, из которого она сделана, в глину для лепки.

Второй путь заключается в признании того, что, вероятно, невозможно лечить шизофренических пациентов, не прибегая в определенные моменты терапевтического процесса к *терапевтическим отреагированиям*, то есть к появлению определенных форм действия (*enactments*), кратковременных или более сложных, разовых или с более пролонгированным эффектом. И, поскольку это неизбежно, настоящий вопрос состоит в том, чтобы узнать, как эти отреагирования (*acting in*) терапевта могут не заблокировать путь для психического движения, которое является неотъемлемым свойством любой двигательной разрядки, но, напротив, открыть пути для образности, фигуративности, что является необходимым предварительным условием для любой работы символизации. Ракамье использовал для этого упражнения термин «говорящее действие», мы его также можем назвать «интерпретациями-действиями». Определенные терапевтические техники, такие как аналитическая психодрама, представляют собой модель этих «интерпретаций-действий», которая может быть в большей или меньшей степени перенесена и в индивидуальные отношения; многочисленные терапевтические действия, которые сопровождают всю психиатрическую работу с шизофреническими пациентами (назначение рецептов, госпитализация, организация помощи...), предлагают другие возможности, при условии, что психиатры не рассматривают их как формальные или объективные «меры».

Итак, с одной стороны, плотность бреда может быть переведена в рассказ, в историю, с другой – смысл бреда может быть также трансформирован в образную, фигуративную форму. Можно сказать, мы узнаем здесь пути, по которым психоз проходил, когда он только зарождался, и теперь задача заключается в том, чтобы пройти их снова, но в обратном направлении.

Delirium as a type of mental activity

Vassilis Kapsambelis

*(Translation from French: Molinger N. V., Zakharova L. V.;
scientific editor: Chekunkova O. V.)*

Vassilis Kapsambelis, psychoanalyst, psychiatrist, member of the International Psychoanalytic Association (IPA), titular member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), ex-director general of the Association of Mental Health of the 13th arrondissement of Paris (AMS 13), editor-in-chief of the journal "Revue Française Psychanalytique", has been working with patients who function on the other side of neurosis – with borderline states and psychosis.

This article examines the mental function of delusional activity, delusion is considered as an independent mental activity, a product of a combination, on the one hand, of proprioceptive activity associated with the biological nature of the body, and on the other hand, of exteroceptive activity aimed at “other than myself”, at an object.

Keywords: delusion, hallucination, delusional ideas, neoreality, negativity, unprocessed emotional experience, onirism, schizophrenia.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОПАТОЛОГИЯ

Диссоциация: философское и клиническое осмысление

М. Г. Пестов

Пестов Максим Геннадьевич – психиатр, врач-психотерапевт, психолог (НИУ ВШЭ), супервизор и тренер ОПП ГП, психоаналитический психотерапевт, член EAGT, IARPP, РОТФП.

Диссоциация является важнейшим психическим механизмом, организующим субъективность. В статье приводится исследование феномена диссоциации через философскую и клиническую оптику, а также приводится описание психотерапевтической работы с учетом логики диссоциативного процесса и возможности его интеграции.

Ключевые слова: диссоциация, терапевтические отношений, интерсубъективность, пограничная ситуация, теория объектных отношений, реляционный психоанализ, лакановский психоанализ, множественные состояния самости, разыгрывание.

Если рассматривать диссоциацию как универсальный способ построения субъективности, нам придется иметь дело с тем, что эта точка зрения сильно меняет представление о том, кто на самом деле отвечает за персональные выборы и решения.

Диссоциация как структурное решение

Когда мы делаем акцент на структурном характере диссоциации, мы невольно делаем шаг в сторону той психоаналитической парадигмы, для которой более характерным оказывается понятие расщепления. Расщепление как психический процесс обладает той же самой двойной природой, что и прочие защитные механизмы: оно организует психику

в благоприятных условиях и дезорганизует в неблагоприятных. Например, в самом начале развития человеческого существа расщепление помогает младенцу отделиться от фонового объекта первичной идентификации и присвоить себе – буквально отщепить от него – элементы опыта, связанного с поддерживающим эмоциональным откликом.

Далее расщепление помогает сохранять постоянные отношения с объектом привязанности благодаря отделению хороших аспектов опыта от плохих – за счет этого переживание самости оказывается безопасным и наполненным. На шизоидно-параноидной стадии ребенку важно научиться регулировать экологию психического пространства с помощью примитивных защит. Если преследование плохих объектов оказывается чрезмерным и защитное расщепление дает сбой, то, что невозможно эвакуировать наружу, получает прописку внутри в виде «плохих» аспектов самости. Гротштейн упоминал, что у этих отщепленных частей сохраняется воля к жизни – они стремятся вернуться, для того чтобы получить название и тем самым снизить интенсивность аффективного заряда (Гротштейн, 2014).

Благодаря диссоциативному процессу значительные неудачи в построении надежных отношений, в которых первичный процесс подвергается символизации и интериоризируется в виде опыта, «изгоняются» из зоны сознательного и становятся своеобразной миной замедленного действия. Травматический опыт стремится к повторению для того, чтобы иметь возможность быть переработанным и интегрированным в текущую версию самости. Можно сказать, что это является самой главной интенцией субъективности, некоторой программой, которая вообще не ставит в расчет принцип реальности и актуальные задачи так называемого индивида.

Диссоциация позволяет ответить на вопрос, где именно находится центр децентрированного субъекта. Он обнаруживается в следах несимволизированного опыта, который хочет получить прописку в сознательном; это Реальное, которое пытается стать выраженным, но не способно это осуществить. Диссоциация является условием наличного бытия, однако это не условие «для», но условие «вопреки».

Философский аспект диссоциации

Самость как дом, в котором мы привыкли обитать и его обустроить, с точки зрения диссоциативного процесса является дурной болезнью, которую необходимо излечить. Потому что она построена «на костях» того, что не было проявлено и эмпатически разделено опекающими фигурами. Как писал Кернберг, ядро Я появляется вокруг позитивных либидинальных интроекций – все остальное, что не было достаточно хорошо сконтейнировано, отщепляется в качестве «плохого» объекта (Кернберг, 2017).

С одной стороны, можно рассматривать самость (Self) как иллюзию, поскольку селф-репрезентации по своей природе ничем не отличаются от объектных репрезентаций, то есть несут в себе все те же искажения, обобщения и исключения, которые формируют картину так называемой

объективной реальности. С другой стороны, чтобы самость обрела целостный характер и получила внутри себя переживание субъектности (Agency), необходимо присутствие Я (I). Если пользоваться терминологией Канта, Я будет тем самым трансцендентальным субъектом, единством апперцепции, которое создает иллюзию целостности. Иллюзии, потому что трансцендентальный субъект существует, но не обладает сущностью – скорее это условие появления любой сущности. Когда вы занимаетесь практикой медитации, вы учитесь замечать мысли как сущности, то есть то, на что падает ваше внимание (Лакан, 2009).

Тезис о самости как о дурной болезни, возможно, требует некоторого пояснения. Мы можем посмотреть на представление о самости как на место, где происходит столкновение позиций идеализма и экзистенциализма. Согласно первой оптике, идеи предшествуют вещам, и вещи появляются как существующие только в рамках дискурса. Экзистенциализм утверждает, что к человеку нельзя относиться как к вещи, поскольку его нельзя определить через предшествующие ему понятия. Человек, разумеется, может быть описан как набор предикатов-качеств, но самое главное в нем не это, а нечто более фундаментальное, а именно – существование. Важно не *что* есть в человеке, но то, *как* это что существует.

Однако в этой позиции тоже не все так просто. Хайдеггер, которого отчасти можно отнести к экзистенциалистам, возражал тезису о неопределимости человека через идею и ставил это возражение в качестве отправной точки своей философии. Согласно его рассуждениям, главная проблема человека состоит в том, что он по умолчанию как раз и является тем, что определено заранее – тем местом, где существование отчуждено в сущем и сведено к отдельным качествам. То есть самость, пользуясь риторикой Хайдеггера, можно смело назвать сущностью, отчужденной от бытия; бесплодным местом, предуготованным нам для освоения и укрепления границ, то есть в конечном счете для поддержания создавшего его дискурса.

Об этом же отчуждении говорили и Пруст с Мамардашвили. Если субъект повторяет и умножает то, что было предуготовано его прошлым опытом, он является живым только по формальным признакам. Если вспомнить мыслительный эксперимент с китайской комнатой, осмысленные ответы на вопросы вовсе не являются признаком сознания. Точно также поведение, продиктованное имплицитными алгоритмами, не является признаком жизни, но очень удачной ее имитацией. Как и в китайской комнате, субъект может выполнять инструкции, не понимая их смысла, – в этой ситуации в его присутствии нет никакой необходимости, поскольку такую работу может выполнять любой другой участник эксперимента. То есть субъект, отчужденный от бытия, оказывается ненужным свидетелем своей жизни, которая ему не принадлежит. Но для того чтобы соединиться с собой, необходимо отказаться от видимостей.

Это практически невыполнимая задача: возникает ощущение, будто вы вышли на перрон и поезд со всем вашим скарбом уехал прочь – в некотором смысле это похоже на переживание смерти. Страх смерти при жизни – которая открывает путь к новой жизни – так велик, что субъект так

крепко хватается за то, что ему не принадлежит, что делает это своей неизменяемой реальностью. На втором шаге в этой реальности появляется страдание, основная задача которого – свидетельствовать о том, что все происходит по-настоящему. Однако мы помним, что чувствовать боль само по себе не означает быть живым, поскольку болеть могут фантомные части.

Есть еще одна интересная параллель онтологии Хайдеггера с психоаналитической традицией. Хайдеггер говорил, что бытие, или существование (экзистенция), к которой необходимо пробиться, преодолев ловушку сущего – читай самости, – не может быть схвачено с помощью понятий, поскольку оно само понятием не является. Диссоциация, в свою очередь, имеет отношение к несимволизированному материалу – диссоциировано то, что не может быть интегрировано в разделенном с другим intersубъективном пространстве. То есть intersубъективное пространство оказывается тем местом, которое произвольно очерчивает некоторый объем происходящего, пленяет его названием и поселяет в эту локацию субъекта. Все, что выходит за его пределы, оказывается непонятным и в известной мере несуществующим. Таким образом, диссоциация очерчивает достаточно большую зону персонального опыта – с одной стороны, это разрушающий хаос, с другой – омертвляющий порядок, а с третьей – где она? – процесс их соединения и взаимного проникновения.

Об этом отчуждении субъекта в intersубъективном пространстве – но без использования этого понятия – писал Лакан, объясняя динамику сотворения субъективности. На первом такте субъект представляет из себя Ничто – сырой материал первичной репрезентации влечений. На втором такте появляется водораздел, отделяющий живое от мертвого, – некоторое означающее, которое схватывает субъекта в произвольную форму. На третьем такте это означающее представляет себя другим означающим, и, таким образом, возникает вторичная репрезентация, связанная с названиями. Только на первый взгляд кажется, будто основная задача символа в том, чтобы назвать и придать значение; на самом деле это является приятным, но случайным следствием. Символ прикрывает собой нехватку выразительных средств, он указывает на то единственное, что достойно указания – на то, что живое бытие находится по ту сторону понимания. Субъект отчужден в языке в силу того, что его требование к другому может быть выражено только символически и это выражение всегда неполно. Более того, его представления о себе, то, что с ним фактически случается, и отношения, которые все это регулируют, находятся в различных психических регистрах и никогда не сходятся в целостную и непротиворечивую картину. Самость изначально несет в себе следы фундаментальной нехватки и фактически становится приманкой для желания другого, чтобы в очередной раз попытаться восстановить прерванную связь. Самость – это примочка на травму брошенности (Лакан, 2004).

Другими словами, все, что появляется как содержание психического, несет в себе эту неполноту присутствия – именно этим словом Бибахин переводил хайдеггеровский термин *Dasein*. Любая интуиция, которая с небывалой ясностью вспыхивает в сознании, несет в себе следы

символической кастрации. Когда Сартр убеждал нас в том, что человек не сотворен ничем, но сотворяет себя сам, на основании того, что каждому из нас доступно переживание свободы и уникальности, весь его пафос говорит только лишь о том, что само ощущение свободы уже является сконструированным, поскольку незамечание границ вовсе не означает, что их не существует.

Трансцендентальный субъект существует, но не наделен сущностью. Он как раз и оказывается третьей стороной, наблюдателем, смотрящим из несуществующей точки на то, как море накатывает на береговую линию и отступает назад, меняя ее очертания. Задача психотерапии состоит в том, чтобы предложить клиенту идентификацию с этой позицией наблюдения – быть свидетелем того, что наблюдаемое – это далеко не все.

Диссоциация как коммуникативная функция

Вернемся, однако, к клиническому измерению феномена диссоциации. Нам важно говорить не только об интрапсихическом характере диссоциации. Не менее важным оказывается для нас интерпсихическое измерение диссоциации, поскольку только через него можно получить доступ к тому, что находится внутри индивидуальной психики. Рассматривая реляционный характер диссоциации, можно сказать, что она является не только психической защитой, создающей надежную границу между существующим и несуществующим. Помимо структурного эффекта диссоциация обеспечивает динамически организованную связь между двумя субъективностями таким образом, что исследование их взаимного влияния друг на друга позволяет увидеть проявленное как элемент инь внутри даосской мандалы. Другими словами, мы уже не можем говорить, что перенос проецируется на «пустой» экран терапевта – он организуется субъективностью терапевта, которая, в свою очередь, неизбежно оказывается под влиянием субъективности клиента. Диссоциация в реляционном измерении определяет, что будет осознаваться, а что окажется в тени; как регрессия терапевта будет поддерживать регрессию клиента.

Если понимать под диссоциацией психическую защиту, которая включается, когда психика перестает быть способной переработать – ментализировать – сложные, чаще всего амбивалентные переживания, например, стремление сохранить терапевтическую любовь к клиенту в тот момент, когда он проявляется в таких действиях, от которых хочется дистанцироваться, – тогда сбой ментализации терапевта разворачивает пограничную динамику клиента. То есть пограничная ситуация для своего разрешения нуждается в контейнирующей функции терапевта, причем временный сбой этой функции у последнего также является терапевтическим, поскольку отражает попытку и надежду восстановить эту способность в ходе дальнейших отношений.

Диссоциация как пограничная регуляция

Джоди Девис описывает ситуацию, при которой терапевт теряет способность контейнировать не только содержание психики клиента, но своей собственной – в этом случае возвращение мощных диссоциированных аффектов активизирует примитивные защитные механизмы и заставляет терапевта изгонять эти сырые переживания в психику клиента. Это повторяет и усиливает пограничную динамику пары клиент – терапевт и приводит их обоих в состояние неразрешимого терапевтического тупика, преодоление которого обладает мощным целительным эффектом (Davies, 2004).

Такие тупики, по сути, в преувеличенной степени отражают логику пограничной ситуации, которая требует от участника отношений быть или в отношениях, или сохранять согласие с собой. То есть в пограничной ситуации нельзя одновременно быть в отношениях и не терять при этом себя. Баланс между связью и свидетельством внутреннего мира не устанавливается, поскольку для этого необходимо попасть в промежуточную – третью – позицию и начать договариваться. Что невозможно, поскольку пограничное взаимодействие реализуется через полярное требование – все или ничего.

Если подобная ситуация сопровождает раннее развитие, тогда выбор, поддерживать связь или выходить из нее в тот момент, когда она угрожает переживанию себя, делается в сторону связи. Это наворачивает массивную психическую интервенцию от взрослого к ребенку – поддерживать связь можно путем идентификации с психическим состоянием родителя. Проблема ребенка состоит в том, что он оказывается не просто временным контейнером для переживаний родителя, которые тот не может переработать самостоятельно. Ребенку приходится становиться тем, что является материалом проекций – переживаний, сопровождающихся ощущением стыда и непереносимости, – для того чтобы родитель, очищенный от дислоцированного груза, вновь мог стать хорошим объектом и взять на себя функцию заботы.

Диссоциация, таким образом, оказывается механизмом, который пытается хранить эти куски вторгающегося чужого психического материала отдельно от основного наполнения самости. Однако эти части требуют возвращения в сознательное и психический переработки, которая направлена на нахождение метапозиции там, где до этого были слияние и захваченность аффектом.

Сталкиваясь с погранично организованным родителем, ребенок обнаруживает отсутствие хорошего объекта – того, который мог бы наполнить самость ощущением тепла и любви, – и присутствие плохого, который вторгается и от которого нельзя защититься, выйдя из отношений. В такой ситуации остается один выход – «исцелить» плохой объект в надежде на то, что после этого на сцену выйдет хороший. Если нельзя выйти из отношений и провести эту работу в символическом пространстве путем горевания в депрессивной позиции, остается одно – пустить эти аффекты вовнутрь. В результате у ребенка появляется ощущение, что посредством

контроля собственного состояния можно контролировать внешние события – реакции других людей, развитие отношений и безопасность в них. То есть примитивные защитные процессы надежно встраиваются в механизм психического функционирования, особенно интенсивно актуализируясь в ситуациях межличностного стресса, в том числе в терапевтических отношениях.

В терапевтической ситуации клиент также бессознательно пытается вылечить терапевта для того, чтобы последний стал идеальным родителем – невозможность этой трансформации приводит к тому, что ярость, накопленная внутри, направляется наружу и это открывает дорогу новому опыту, невозможному в детском возрасте, когда родители не поддавались влиянию.

Диссоциация и контрперенос

Итак, описанный терапевтический тупик требует своего разрешения, поскольку через присутствие в этом пространстве можно получить доступ к дислоцированному материалу, для которого у клиента еще нет опыта проживания. Вместе с тем эта задача требует от терапевта невозможной позиции, поскольку в тупике разворачивается пограничная динамика.

С одной стороны, проективная идентификация требует контейнирования и символизации, поскольку выполняет коммуникативную функцию и приглашает аналитика познакомиться с состоянием клиента через проживание, а не вербализацию. С другой стороны, деструктивный компонент ПИ может парализовать символическую функцию аналитика и лишать его терапевтической позиции, толкая в отыгрывание и спутанность мысли (спойлер – или наоборот).

То есть полезность контрпереноса как послания всегда – но в разной степени – сочетается с разрушением способности аналитика это послание разгадать. Клиент одновременно и хочет быть узнанным, и с меньшей силой пытается ускользнуть от узнавания. Ирма Бренман говорила, что в случае ПИ одной рукой надо держать уязвимость клиента, а другой – его деструктивность. Что делать, если деструктивная рука хитрым крючком отправляет аналитика в нокаут?

Роберт Хиншелвуд говорил, что вредный контрперенос – это контрперенос бессознательный. То есть если мы осознаем аспекты влияния клиента на наше присутствие в сессии, это хорошо. Контрперенос, который можно отрефлексировать – здесь начинаются мои фантазии, – позволяет внести в отношения с клиентом что-то новое; бессознательное отреагирование оставляет нас старыми объектами, которые только лишь повторяют травматическую коммуникацию (Хиншелвуд, 2020).

Этот ответ открывает дорогу к размышлениям о пределах осознанности: не может ли быть метапозиция аналитика, то есть его понимание происходящего, спасательной шлюпкой, в которую он прыгает, чтобы покинуть тонущий корабль несимволизованный? То есть рефлексия и осознанность аналитика на самом деле могут оказаться попыткой остановить

контакт с бессознательными процессами в диаде и являться другой формой отыгрывания – я все понял для того, чтобы не участвовать.

Ирма Бренман делала такое замечание касательно описанной ситуации: если мы наблюдаем повторяющиеся процессы, которые ведут к запутыванию в происходящем, их необходимо останавливать. Такой ответ понятен, если мы знаем о том, что является полезным в терапии. Неспособность придать смысл сейчас, возможно, требует входа через другую дверь, например через контейнирующую позицию аналитика, его, так сказать, «внутреннюю» работу, которая тем не менее меняет поле отношений – это опять мои галлюцинации.

С другой стороны, если взглянуть на происходящее с высоты птичьего полета, может оказаться, что все эти «бесполезные» запутывания, поражения в интерсубъективном поле, отступления в контейнирующую стойку и работа вторым номером, в долгосрочной перспективе становятся несущими конструкциями изменений, которые не могли быть построены иным способом.

Похоже, имея дело с контрпереносом, нам придется смотреть на него как на некий процесс, смысл которого конституируется после того, как чему-то будет позволено случиться. И в этом сложном месте – там, где нужно понять, но лучше этого не делать, – как-то придется обжиться и даже поклеить обои.

Интеграция диссоциативного процесса

Проблема состоит в том, что возвращение травматического материала в сыром виде далеко не всегда приводит к реинтеграции психического. Скорее наоборот – возможность разворачивания этого процесса усиливает защитные механизмы, эффект работы которых сам по себе становится проблемой, но при этом самость остается стабильной. Например, при небезопасных видах привязанности клиент выстраивает нестабильные и мучительные отношения – это само по себе является причиной страдания, которое, однако, защищает от еще большего страдания, а именно – оберегает от переживания мучительной уязвимости в близости.

Для того чтобы возвращение диссоциированного материала в психику клиента способствовало большей ассимиляции, а не повторению травмы, необходимы специальные условия, например соотнесение динамики отношений с позицией терапевта. Рассмотрим следующую логику.

Во-первых, для начала ассимиляции необходимо воспроизведение травматической ситуации – разумеется, с точки зрения клиента, однако последствия этого воспроизведения должны проявиться не только во внутреннем мире, но и во внешнем – в психике терапевта (об этом чуть позже). То есть клиент должен получить подтверждение того, что то, что ему кажется, разделено кем-то еще, причем на уровне более глубоком, чем вербальный. Иначе, клиент опять обнаружит себя в ловушке субъективизма, прочитав это как послание: проблема только в тебе, ее не существует в реальности.

Такой опыт разрывает связь и вновь заставляет клиента чувствовать себя отсутствующим, не производящим впечатления и не заслуживающим внимательного и включенного отклика (*Davies, 1996*).

Итак, воспроизведение травматической ситуации может случиться вследствие естественных событий в ходе сессии – например, когда терапевт эмпатически промахивается или хуже ментализирует. Важно, что клиент переживает эту нормальную ситуацию как угрозу связи и оказывается напуганным возможным отсутствием терапевта – как человека, способного удерживать его психику в холдинге и сохранять ее стабильность.

На втором шаге, в ответ на эту угрозу, клиент пробует восстановить связь на фундаментальном уровне, используя для этого примитивные защитные механизмы, направленные, что логично, на игнорирование границ и приглашение к слиянию. Если между двумя людьми увеличивается дистанция, ее надо радикальным методом сократить, на уровне переплетения психик. Проективная идентификация позволяет «вложить» содержимое своей психики в психику терапевта таким образом, что последний начинает проживать чувства клиента как свои собственные.

Многие авторы (*Fonagy P. and FBA & Mary Target, 2004*) указывают на то, что это не просто вложение своего материала в чужую психику, но актуализация собственных диссоциированных частей в психике терапевта. То есть с помощью проективной идентификации клиент вызывает в терапевте его собственные сложные переживания, которые часто маркируются переживанием стыда. А стыд, как известно, является признаком диссоциации, поскольку отражает желание избавиться от того, что неприемлемо.

Третий этап требует большой внутренней работы, поскольку описанные эффекты – это не просто рябь на поверхности спокойного моря, это настоящая дезорганизация работы психического аппарата, шторм в самости терапевта. На диссоциативный процесс клиента терапевт отвечает собственным диссоциативным процессом – это необходимый компонент подтверждения подлинности переживаний, которые требуют ассимиляции в ходе терапии. В свое время родитель не признавал собственной дезорганизации, размещая ее в психике ребенка и тем самым формируя его внутренний мир.

В терапевтической ситуации все становится с головы на ноги – терапевт признает влияние клиента на себя и выполняет работу по контейнированию и символизации собственной дезорганизации. Главное, что должен исполнить на этом шаге терапевт – не останавливать процесс клиента. Для этого на самом деле требуется не так много усилий – можно сглаживать ситуацию, игнорируя происшедшее и приглашая клиента обратно в слияние, или же не менее агрессивно интерпретировать ярость клиента, возвращая его в точку травматизации.

То есть важно, чтобы диссоциированные переживания могли быть экстернализованы как можно более полно – ассимиляция происходит через выделение, а затем через обратную интроекцию, но уже в переработанном виде. В том, который возвращает клиенту терапевт. Еще раз повторюсь – важно, чтобы у клиента появилась возможность вытолкнуть, отторгнуть

то, что воспринимается как чужеродное, в символическое пространство отношений – это дает ощущения власти и агентности. Далее чужеродные части ассимилируются, но уже как переработанные, укутанные общим нарративом, который совместно создается в терапии (*Benjamin, 2004*).

Из этого можно сделать важный вывод – клиент больше страдает не от того, что у него есть, а от невозможности это изменить. Парадокс состоит в том, что диссоциированные части, изгнанные из психики для того, чтобы не вызывать в ней состояние хаоса, в силу этого изгнания оказываются самыми стабильными и мучительными. Потому что нельзя избавиться от чего-то психического, прежде не тронув это осознанием, а к диссоциированным частям невозможно притронуться напрямую – нет символического мостика через пропасть, отделяющую травматическое от ассимилированного. Поэтому необходим третий – терапевт и его психика как переходное пространство. За счет этих отношений обмена у клиента появляется ощущение, что его переживание самости не является фиксированной реальностью, но способно меняться и обогащаться за счет усложнения и интеграции.

Выводы

Итак, на основании клинической части можно сделать следующие выводы:

- ошибки терапевта в терапевтическом процессе естественны и необходимы, так как с идеальным терапевтом нельзя установить отношений;
- неизбежные ошибки терапевта актуализируют примитивные защитные механизмы;
- диссоциативные части самости нуждаются в переработке, поскольку они остаются чуждым материалом, который не затронут символизацией;
- дислоцированные части появляются не вербально, но через разыгрывание и проявление пограничной динамики;
- эта ситуация является крайне сложной для терапевта, так как атакуется его терапевтическая функция и создается угроза потери терапевтической позиции;
- возникает терапевтический тупик, когда нельзя ни вернуться обратно, в невротические отношения, ни продвинуться дальше;
- в терапевтическом тупике терапевт сплетен с клиентом на уровне собственного дислоцированного опыта и «плохих» аспектов самости;
- в терапевтическом тупике клиент с терапевтом многократно разыгрывают пограничную динамику взаимной эвакуации «плохих» аспектов самости друг в друга до тех пор, пока дислоцированное содержимое не получит своей символической обработки;
- проработка пограничной динамики клиента возможна благодаря усилиям терапевта разрешить свой собственный диссоциативный процесс.

Если мы попробуем сделать общий вывод по всему тексту и связать философский и клинический аспект диссоциации, нашему взгляду представит достаточно простая идея.

Баланс между знанием и незнанием, между тем, что уже символизировано и присвоено, и тем, что только может быть включено в опыт, является очень важным для субъекта. То, о чем нельзя говорить, относительно чего не выстраивается нарратив, становится травматическим опытом. То, что настолько хорошо известно, что в этой уверенности пропадает интерес к неизвестному, превращается в оперативное состояние. Диссоциация наступает с разных сторон – когда аффекта слишком много и его нельзя психически обработать, и когда аффективная сфера бедная и к ней нет доступа.

Если допустить, что главное страдание субъекта состоит в том, что он пойман в ловушку идентичности и поработан воображаемым образом самости, которым его пленяют родители в обмен на связь, тогда главное освобождающее послание, сообщаемое терапевтом, будет звучать как индуистская мудрость – та твамаси – ты есть то. То есть ты больше, чем о себе думаешь и знаешь. Таким образом, терапевт откликается на то, чего еще нет в опыте, но присутствует в отношениях как потенциальная возможность. Это позволяет ему стать новым объектом для клиента.

Подводя итог, можно сказать, что философский и клинический аспекты диссоциации описывают реальность субъективного, располагающуюся между двумя полюсами – травматическим не-бытием и отчужденным существованием. С одной стороны, вне символического регистра нет переживания себя, и опыт, не символизированный в пространство языка, не появляется в сознании, с другой стороны – захваченность воображаемыми идентификациями приводит к тому, что иллюзорная природа Я – а, согласно Лакану, у Я ничего нет; все, чем Я, как ему кажется, владеет, принадлежит Другому – заменяется гиперинвестированной непоколебимостью собственного образа. Здоровая, то есть творческая, зона субъективности располагается где-то между этими полюсами – важно, чтобы субъект мог идентифицировать себя как производитель смыслов, а не навязчивый повторитель того, что уже было придумано без его участия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гротштейн Дж. С. Расщепление и проективная идентификация. ИОИ, 2014.
2. Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства. Стратегия психотерапии. Класс, 2017.
3. Лакан Ж. Семинары. Книга 5: Образования бессознательного. 1957–1958. М.: Гнозис, Логос, 2002.
4. Лакан Ж. Семинары. Книга 2: «Я» в теории Фрейда и технике психоанализа. М.: Гнозис; Логос, 2009.
5. Хиншелвуд Р. Контрперенос и живые моменты. Помощь или помеха. Изд. Ростислава Бурлаки, 2020.
6. Benjamin J. (2004) Escape from the Hall of Mirrors: Commentary on Paper by Jody Messler Davies. *Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives*, 14:6, 743–753.

7. *Davies J. M.* (2004) Whose Bad Objects Are We Anyway? Repetition and Our Elusive Love Affair with Evil. *Psychoanalytic Dialogues*, 14:6, 711–732.
8. *Davies J. M.* (1996) Linking the «pre-analytic» with the postclassical: integration, dissociation, and the multiplicity of unconscious process. *Contemporary Psychoanalysis*, 32: 553–576.
9. *Fonagy P. and FBA & Mary Target M.* (2004) Relationships to Bad Objects: Repetition or Current Self-Disorganization Commentary on Paper by Jody Messler Davies. *Psychoanalytic Dialogues: The International Journal of Relational Perspectives*, 14:6, 733–741.

Dissociation: philosophical and clinical understanding

M. G. Pestov

Pestov Maksim G., MD, psychologist (Higher School of Economics), supervisor and trainer of PP GP, psychoanalytic psychotherapist, member of EAGT, IARPP, ROTFP.

Dissociation is the most important mental mechanism organizing subjectivity. The article provides a study of the phenomenon of dissociation through philosophical and clinical optics, as well as a description of psychotherapeutic work taking into account the logic of the dissociative process and the possibility of integration.

Keywords: dissociation, therapeutic relationship, intersubjectivity, borderline situation, object relations theory, relational psychoanalysis, Lacanian psychoanalysis, multiple states of self, enactment.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОСОМАТИКА

Сублимация смерти и сублимация жизни

Л. И. Фусу

Фусу Лариса Ивановна – психиатр-нарколог, канд. мед. наук, психоаналитик, член SPP (Парижского психоаналитического общества), IPA (Международного психоаналитического общества), психоаналитический психосоматик, член IPSO, ректор Института психологии и психоанализа на Чистых прудах.

Парадокс сублимации как одной из судеб влечения отмечен в работах Фрейда. Он выделяет «изначальную эротическую сублимацию» на службе искусства. П. Марти выделял сублимацию жизни и сублимацию смерти. В приведенной статье Маррилия Айзенштайн приводит случай пациентки, которая хотела отказаться от брака с любимым человеком из-за психоанализа, и обращает внимание на то, что психоанализ тоже может стать сублимацией смерти.

Ключевые слова: апоптоз, бессознательные фантазии, дезобъектализация, дезорганизация Я, личная история, ментализация, негатив сублимации, перверсия сублимации, сексуализированное поведение, сублимация жизни, сублимация смерти, частичные влечения.

Всякая сублимация проходит через Я, которое сначала трансформирует сексуальное объектное либидо в нарциссическое, а затем ставит перед ним новую цель.
Фрейд, 1923

Цивилизованность или культура для Фрейда состоит из совокупности достижений, посредством которых наша жизнь отдаляется от наших животных предков. Культура регулирует две вещи: защищает человека от

натуры, то есть от природы, и регулирует отношения людей между собой. Это естественное стремление цивилизованности привело к тому, что люди по мере окультуривания собирались вместе, образуя вначале первобытную орду. Коллективное урегулирование смогло стабилизироваться лишь после убийства первоотца, как пишет Фрейд в известной работе «Тотем и табу» (Фрейд, с. 850–856). Несомненно, культура появилась одновременно со способностью сублимировать, то есть подавлять, вытеснять собственную агрессию и проявлять ее другим образом. Что же создается сублимацией в таком случае? Создаются социокультурные творения, но они начинают оказывать давление и на людей, и на их потомков. Давление, которое не позволит удовлетворять естественные влечения где угодно и как угодно. Так, нормальный человек предстает одновременно и как бенефициар, и как жертва культурных процессов, которые смогли начаться только благодаря индивидуальной сублимации влечений. А так, как пишет Фрейд в работе «Недовольство культурой» (Фрейд, с. 358–361), цивилизованная сексуальная мораль не привела к свободе влечений, а скорее к невротизации. Этнолог Эрин Мейер, описывая ранние культурные достижения, приводит монгольские обычаи, состоящие в том, что был запрет мочиться в пепел. В основе этого запрета находится отказ гасить огонь, играя со струей собственной мочи. Миф о Прометее, в соответствии с которым огонь транспортируется в тубусе, можно интерпретировать, опираясь на эту же идею, которая находится в его основе.

В статье 2014 года «Деструкция процессов мышления и негатив сублимации» М. Айзенштайн (*Aisenstein*, 2014, р. 6–8) пишет, что мы живем в эпоху фастфуда, быстрой коммуникации и даже запросов на фаст анализ. Одновременно мы живем в такое время, когда современные научные исследователи обращают внимание на важность душевных переживаний. К примеру, Антонио Дамасио в книге «Я. Мозг и возникновение сознания» (2018, с. 108–112) подчеркивает важность аффектов, пишет об эмоциональном мозге; Ален Прошианц в работе «Конструкция мозга» (*Prochiantz*, 1989, р. 10–11) подчеркивает важность роли личной истории, бессознательных фантазий отдельного индивидуума для человеческой генетической программы в целом. Апоптоз, смерть одних клеток во имя спасения других, о котором пишет Фрейд в работе «По ту сторону принципа удовольствия», нашел подтверждение в работах иммунолога Жан-Клода Амейсена. Этот парадокс, такое сосуществование, сталкивает нас с важнейшей человеческой проблемой внутренней деструктивности.

Парадокс сублимации как одной из судеб влечений появляется достаточно рано в работах Фрейда. Сублимация описывается им как проистекающая из сексуальных влечений, которые поворачиваются на иные, не сексуальные цели, на социально важные объекты, в виде интеллектуальной или творческой активности.

Следует отметить, что существует «изначальная сублимация», которую Фрейд описывает в работе о Леонардо да Винчи, и вторичная эротическая сублимация на службе искусства. В 2005 году Жан-Люк Балдаччи описал первичную сублимацию, которая ближе к психосоматическому подходу.

В работе о Леонардо да Винчи Фрейд показывает, как сублимация как судьба влечений появляется из-за десексуализации. Сексуальное желание трансформируется в творчество и стремление к знаниям, что является другим способом захвата объекта и контроля над ним. Сам термин, одолженный у химиков, указывает на процесс, который превращает твердое тело сразу в газовое, эфемерное, и намекает на величие, возвышенность, эфемерность и чистоту.

Если вначале речь идет лишь о смене вектора влечения, изменившего цель, неизбежная десексуализация, которая возникает при сублимации, наводит на мысли об объекте, с которого была перенаправлена цель, о роли самого объекта и о роли влечения к смерти в сублимации. Как указывает Фрейд, вследствие десексуализации объектное либидо трансформируется в нарциссическое. Сверх-Я воспринимает отказ от влечений как то, что важнее их удовлетворения. Это приводит к тому, что на передний план выходит Идеал Я. Кроме того, всякая активная десексуализация приводит к ослаблению энергетического сцепления влечений, в результате чего влечения развязываются и высвобождается деструкция. Во время сублимации влечения развязываются и, как заметил Грин, высвободившая деструкция не просто разрушает, а атакует в первую очередь самое гуманное и в человеке, и в обществе. И тогда классическая сублимация, которая могла бы находиться на службе цивилизации, становится «первертной», устанавливает режим дезобъектализации (лишение объекта его объектных качеств), за которым следует и десубъектализация (лишение себя субъектных качеств). И творчество, и мышление, становясь «сублимациями смерти», как показала Вторая мировая война, могут находиться на службе деструктивности. Даже психоанализ, как пишет Марилия Айзенштайн, может попасть в ловушку тоталитарных идеологий.

В приведенной статье Марилия Айзенштайн пишет о психоанализе как о сублимации и приводит случай пациентки, которая после шести лет анализа, проделав работу горя после разрыва с любимым человеком, наконец встретила мужчину. С ним завязались серьезные отношения, он сделал ей предложение, но она ему отказала. Да, она призналась, что тоже любит его, но она не может бросить анализ, а он живет в другом городе и предлагает ей переехать к нему. Банальный, по мнению самой М. Айзенштайн, ответ «я считаю, что психоанализ находится на службе жизни, а не жизнь на службе психоанализа» был воспринят пациенткой как полный отказ аналитика от идентификации с запрещающей, мешающей свободе и автономии пациентки матерью. Откуда это известно? Из слов пациентки. После этой интервенции появился соответствующий материал, и вскоре пациентка сделала выбор в пользу любви, а, следовательно, и жизни.

Негативная версия аналитической сублимации была уловлена ею через контртрансфер, как пишет М. Айзенштайн, – когда пациентка заявила о своем твердом решении отказать любимому человеку в пользу анализа, она сделала это без малейшего аффекта, что свидетельствовало о транзитном развязывании влечений.

Памятуя о том, что анализ тоже является сублимацией, нам необходимо работать так, чтобы психоанализ был на службе жизни.

По мнению Марти и Фэн (2013, р. 12–13), сублимации находятся под знаком инстинктов жизни, поскольку их источником является сексуальное влечение, либо сбитое с цели, либо заторможенное по цели, но Марти отделяет ментальные сублимации от интеллектуальных и артистических, которые представляют собой более или менее сексуализированное *поведение*, при котором, даже если и проявляются некие фантазмы (свидетельствующие о ментализации), они не являются проявлением деятельности предсознания. О функциональном качестве сублимаций по отношению к ментализации, полагает Марти, можно судить только вместе со всей психосоматической экономикой субъекта, с учетом того, что сублимация связана с частичными влечениями, которым так и не удалось интегрироваться в генитальность. Именно поэтому даже самым инвестированным и удачным сублимациям не удается защитить человека от соматической и психической дезорганизации. Так, Врубель очень сильно инвестировал сублимационную деятельность, но это не уберегло его от психоза, он много творил, но сильно страдал и умер в 54 года, как пишут биографы, «нарочно простудившись». Художник Александр Иванов, автор известной картины «Явление Христа народу», выиграв стажировку в Италии, вскоре влюбился в дочь музыканта Гюльпена, преподававшего в той же академии, в которой работал его отец и в которой учился он сам, и намеревался отказаться от стажировки и жениться. В свое время отец Александра, академик Андрей Иванов, тоже стоял перед подобным выбором: любовь и свадьба или поездка в Италию. Андрей Иванов выбрал любовь и, видимо, всю оставшуюся жизнь сожалел, что сделал неправильный выбор. Когда он осознал, что его сын готов совершить ту же самую ошибку, он сделал все, чтобы отговорить Александра от скоропалительной женитьбы и убедить его воспользоваться шансом и уехать за границу. Похоже, однако, что для Александра было бы лучше, если бы он остался в России.

В Италии он много трудился, вел уединенный образ жизни. Влюбившись вновь по истечении многих лет, он посчитал, что, лишь закончив работу над картиной, сможет сделать предложение даме своего сердца, однако та, не дождавшись, вышла замуж за другого. Мы можем заметить параллель с пациенткой М. Айзенштайн, которая хотела принести собственное счастье в жертву во имя психоанализа. Иванов же продолжал творить, не отвлекаясь на времяпровождение с любимой женщиной, не только потому, что считал искусство важнее, а потому что полагал, что своим творчеством он должен удостоиться права на женитьбу и на счастье. Ему необходимо было «заработать» свое счастье, откуда напрашивается вывод, что на тот момент он считал себя не заслужившим счастья. После замужества любимой женщины состояние Иванова ухудшилось, он стал еще более замкнутым и угрюмым, еще больше отдавался сублимации и перфекционизму, тщательно прописывая каждую деталь картины. Он страдал бредом отравления, который обострился, поэтому сам себе готовил, отказываясь от угощений и совместных трапез, часто недоедал, из-за чего появлялись сильные боли в желудке, которые лишь подкрепляли его бредовые идеи. Будучи одержимым идеалом совершенства, 20 лет работал,

прорабатывал и дорабатывал эту свою самую знаменитую картину. Терпел сильную нужду, но после того, как император России, выкупив у него эту картину, назначил ему пожизненную ренту, художник прожил недолго, умерев в тот же год по неизвестной причине от непонятной болезни. Скорее всего, без ренты он прожил бы дольше, но тяжелее. Почему человеку становится хуже после успеха? Потому что бессознательная вина автоматически усиливается. Она требует наказания. Нужда прекратилась, появилась слава – болезнь становится неизбежной. Именно на пике славы К. Брюллов неудачно упал с велосипеда и повредил рабочую, правую руку. Друзья вкладывали ему кисть в руки, таким образом он смог работать, но поскольку вина никуда не делась, вскоре он вновь «наказал» себя, заболев ревматизмом. И, будто и этого было мало, вскоре он перенес инсульт.

Работая в аналитическом ключе, мы ожидаем, что у пациентов появится способность к сублимации – что это один из результатов анализа.

Однако нам следует задуматься о том, какая часть сублимации находится на страже цивилизации, живой психики, работы мышления и креативности, связанной эросом, и какая стоит на службе деструктивности, культуры смерти, дегуманизации. Зависит ли качество сублимации от градуса десекуализации, связанной со Сверх-Я и Идеалом Я?

Работа тоже является сублимацией, смещением либидо на деятельность, которая меняет окружающую среду, создает теории, открытия, арт-объекты. Нередко она превращается в компульсивную аддикцию, люди убивают себя на работе, становясь оператуарными-машиноподобными. Стремление к работе у них утрачивает живую часть, которая проявляется в желании менять мир вокруг, и превращается в токсическую аддикцию (по мнению Ф. Дюпарка), в разрядку влечения, идущего из смертоносного, навязчивого повторения, или, как это заметил А. Грин, в работу по дезобъектализации. Именно эти люди соматизируют чаще других.

Такие сублимации были названы П. Марти чудовищными сублимациями, свидетельствующими о дезорганизации Я, каковую мы встречаем при «неврозах поведения» (психопатиях, социопатиях). Существует немало людей, чаще всего с психосоматическим функционированием (ПСФ), у которых творческие периоды чередуются с периодами полной стерильности, а в частной жизни это проявляется в виде токсических декомпенсаций или соматизаций.

Дезобъектализация, согласно А. Грину, является следствием раннего травматизма, который, как в случае «мертвой» матери, ведет к дезинвестированию объекта и к идентификации в каннибалистическом стиле, что приводит к раннему интеллектуальному развитию, что является *настоящей перверсией сублимации*. Другим механизмом является эксцессивное смещение. Если в движении от объекта влечения к субституту увлекаются любопытством или скопическим влечением, это может привести к гиперактивности, к «неврозу поведения», который может находиться у истоков сублимации смерти. Речь идет о занятиях экстремальным спортом с риском для жизни, о «белой» мании (форма гиперактивности без

нарциссического подъема и эйфорического настроения), о бесконечной работе, ранней бессоннице, анорексии.

Как полагает Ф. Дюпарк (2023), у истоков сублимаций жизни находится родительская пара, если она позволяет миметически простроить достаточно хороший эдипов первофантазм и особенно фантазм первосцены. Как пишет Шассге-Смиржель (2005, р. 39–42), способность человека любить, создавать и думать зависят от интеграции обоих родителей в психическую жизнь. Разница между сублимацией жизни и смерти связана, по мнению Ф. Дюпарк, в основном с существованием мутилирующего расщепления, повторного травматического резонанса, приводящего к развязыванию влечений и к стремлению получить разрядку в поведении и к дезобъектализации с отсутствием достаточно защищающего партнера. Это легко отслеживается в личной истории творческих личностей, которые при неудачах в частной или социальной жизни претерпевают психотические срывы или соматизации.

С помощью сублимации создается объект, который для создателя не существует, и даже если бы он существовал для него, он все время обновляется новыми арт-объектами, адресованными социуму. Вместо либидинальной сексуальности нарциссическая сублимирующая активность утверждает наполненность и самодостаточность, избавляя себя от требований инаковости другого. И тогда мы вправе задаться вопросом о связи сублимации с перверсией, как пишет Панос Алупис (2014, р. 67–69). Субъект прибегает к фетишистскому решению, которое удерживает его от обрушения/разваливания на части и депрессии. Понятие эстетического объекта введено Д. Мельтцером (2018, с. 205–206). Он описал встречу с инаковостью через другое материнское в окружении «где основное создается эмоциями, которые пробуждаются в субъекте красотой мира». В такие моменты удовольствие одевает объект освещением красоты и находится у истоков идеализации. Условия, при которых конструируется «эстетический объект», названы Д. Мельтцером, он пишет, что такой объект создается «обычным красивым младенцем» вместе с «обычной красивой матерью».

Постижение красоты «в самой своей природе заключает в себе понимание возможности ее разрушения», пишет Д. Мельтцер (2018, с. 189). Однако боязнь хрупкости драгоценного предмета не может быть ограничена только страхом ущерба, причиненного собственничеством. По мнению Мельтцера, суть эстетического опыта заключается «не в быстротечности, а в загадочном качестве объекта», что открывает новый ракурс понимания душевной боли, отсылающей не только к потере объекта, а к возможности выдерживать его присутствие. Эстетическая перспектива в психическом развитии открывает себя как возможность переживать красоту.

Как тут не вспомнить слова А. Арто: *«Нужно иметь ад внутри, чтобы творить»*.

И как не вспомнить «Портрет из ада» Эдварда Мунка.

И как не задуматься о том, какой интенсивности душевная боль при-
нуждала Франсуа Вийона не только напиваться и драться, но и, сублими-
руя, использовать такое обращение:

«О Господи! Открой нам двери рая,
Мы жили на земле, в аду сгорая!» (2012, 211)

Слова швейцарского скульптора и живописца, одного из важнейших мастеров XX века Альберто Джакометти все же обнадеживают: «Во время пожара, если бы мне пришлось выбирать между Рембрандтом и кошкой, я бы выбрал кошку».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вийон Ф.* Баллада повешенного. Спб.: Кристалл, 2012. 240 с.
2. *Грин А.* Нарциссизм жизни и нарциссизм смерти / Пер. с фр. А. И. Коротецкой. М.: Когито-Центр, 2023. 319 с.
3. *Дамасио А. Я.* Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера Пресс, 2018. 384 с.
4. *Дюпарк Ф.* Лекция в Институте психологии и психоанализа на Чистых прудах. [Стенограмма] М., 2023.
5. *Мельтцер Д.* Психическая боль и душевное удовольствие. Понимание красоты. М.: Когито-Центр, 2018. 303 с.
6. *Фрейд З.* Хрестоматия в 3 томах. Воспоминания детства Леонардо да Винчи. М.: Когито-Центр, 2016. 396 с.
7. *Фрейд З.* Хрестоматия в 3 томах. Недовольство культурой. М.: Когито-Центр, 2016. 1396 с.
8. *Фрейд З.* Хрестоматия в 3 томах. Тотем и табу. М.: Когито-Центр, 2016. 1396 с.
9. *Aisenstein M.* (2014) Destruction des processus de la pensée et négatif de la sublimation. P. 9. Revue Française de Psychosomatique. PUF. No 46. P. 5–9.
10. *Aloupis P.* (2014) Sublimation: du corps mortel à la pensée immortelle. P. 65. Revue Française de Psychosomatique. PUF. No 46. P. 65–77.
11. *Chasseguet-Smirgel J.* (2005/6) La puissance. Le Carnet PSY. № 101. P. 37–38.
12. *Duparc Fr.* (2014) Sublimation de vie, Sublimation de mort. P.91. Revue Française de Psychosomatique. No 46. PUF. P. 91–103.
13. *Marty P., Fain M.* (2013) À propos du narcissisme et de sa genèse. Revue Française de Psychosomatique. No 43. PUF. P. 11–22.
14. *Prochiantz A.* (1989) La Construction du cerveau. Paris: Hachette.

Sublimation of death and sublimation of life

L. I. Fusu

Fusu Larisa I., psychiatrist-narcologist, PhD in medical sciences, psychoanalyst, member of SPP (Paris Psychoanalytic Society), member of IPA (International Psychoanalytic Association), psychoanalytic psychosomatic, member of IPSO, rector of the Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chisty Prudy

The paradox of sublimation as one of the fates of drives is noted in Freud's works. He distinguishes "primordial erotic sublimation" in the service of art.

P. Marty distinguished between the sublimation of life and the sublimation of death. In the cited article Marilia Eisenstein mentions the case of a patient who wanted to give up her marriage to a loved one because of psychoanalysis, and draws attention to the fact that psychoanalysis can also become a sublimation of death.

Keywords: apoptosis, unconscious fantasies, desobjectification, disorganization of the Self, personal history, mentalization, negative sublimation, sublimation perversion, sexualized behavior, sublimation of life, sublimation of death, partial drives.

За пределами дуализма души и тела

К. А. Короткова

Короткова Кристина Андреевна – магистр психологии (НИУ ВШЭ, Москва), психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Данная статья посвящается революционным идеям психосоматиков парижской школы, которые совершили настоящий переворот во взглядах на прежние концепции психосоматических факторов, создав новую теоретическую конструкцию, сердцем которой можно считать метапсихологию Зигмунда Фрейда, то есть психоаналитическую логику, в основе которой три классических измерения – топическое, динамическое и экономическое. Психосоматики парижской школы предлагают расширить классическую конструкцию и добавить новое эволюционистское измерение, выходящее за пределы психического функционирования. Новая модель, предложенная основателями парижской школы, отличается от того, что было предложено постфрейдовскими авторами, исследовавшими вопросы души и тела. Так, к примеру, Франц Александер предлагает дуалистическую модель психосоматической медицины, в основе которой находится связь между двумя гетерогенными логиками функционирования – ментальным и органическим функционированием. Психосоматики парижской школы привносят иную психосоматическую модель, основанную на монистической концепции, объединяющей психику и сому в единой психоаналитической логике, за пределами дуализма души и тела.

Ключевые слова: психосоматика, метапсихология, эволюционистское измерение, психосоматическая медицина, ментальное, органическое, дуализм, дуальность, монизм, парижская школа, психика, сома, субстанция, истерия, конверсионные симптомы, актуальный невроз, дезорганизация, регрессия, фиксация, дезобъектализация, функционирование, либидинальная потенциальность, дементализация, эрогенный потенциал, инвестирование, деструктивность, либидо, влечения жизни, влечения смерти.

На протяжении всей истории становления психосоматики дискурс развивался вокруг понятий монизма и дуализма психики и сомы. Чтобы иметь возможность разобраться в данном вопросе, необходимо более точное понимание терминологии. Понятия монизма и дуализма родом из философии. Монизм означает, что существует лишь одна субстанция, которая является общей как для психики, так и для сомы. Касательно дуализма, источником этой концепции является картезианский дуализм, предполагающий существование двух различных субстанций, одна из которых лежит в основе психики, а другая в основе тела, иначе говоря сомы. Можем ли мы в рамках логики психоанализа и психосоматики рассматривать душу и тело вне единства? В работе «Болезнь как объект» (*Smadja, 2019*) Клод Смаджа описывает старую модель психосоматической медицины, которая является дуалистической. Эту модель предлагает Франц Александер (*Alexander, 1965*), приверженец и последователь теории Чарльза Дарвина. Его модель основывается на ассоциации, то есть на взаимосвязи, между двумя гетерогенными логиками функционирования – ментального и органического. Революция парижской школы состоит в новом подходе, предлагающем новую монистическую концепцию, объединяющую психическое и соматическое функционирование в единой логике психоанализа, что тем не менее не противоречит концепции дуальности в рамках теории влечений, так как идея конфликтности является центральной, без нее для Зигмунда Фрейда, вероятно, немислима психическая жизнь и психопатология, о чем говорит Бенно Розенберг в своей работе «Мазохизм жизни и мазохизм смерти» (Розенберг, 2018.). Также предполагается и некая дуальность с точки зрения разницы функционирования психического и соматического, которые подчинены различным алгоритмам, об этом на конференции IPSO Pierre Marty скажет Клод Смаджа (Смаджа, 2022). Дальнейшая часть будет посвящена рождению психосоматики парижской школы и теоретическим концепциям ее родоначальников, пионеров психосоматики. Начать повествование, несомненно, стоит с теорий отца психоанализа, так как именно его концепции стали фундаментом для дальнейших психосоматических исследований.

Изучая тяжелые неврозы, которые на сегодняшний день принято называть пограничными состояниями, Зигмунд Фрейд в том числе исследовал и соматические симптомы, которые наблюдались у пациентов данной группы. Тем не менее Зигмунд Фрейд не являлся психосоматиком, и в большей степени интерпретация соматических симптомов у него базируется на теории влечений. Свою психоаналитическую деятельность отец психоанализа начал с 1895 года с исследования истерии, психоневрозов защиты и актуальных неврозов. Общеизвестно, что существуют две топические модели, две теории влечений Зигмунда Фрейда, и крайне важно проводить различия между первой и второй топиками, так как тексты, относящиеся к ним, значительно разнятся, что, несомненно, имеет значение, особенно для парижской школы психосоматики. Саму мысль Зигмунда Фрейда можно взять за точку отсчета истории парижской школы. Такую идею предлагает Клод Смаджа, выступая на конференции IPSO Marty. Клод Смаджа говорит: «Особенность парижской школы

заключается в том, что она является единственной истинной наследницей мысли Зигмунда Фрейда» (Смаджа, 2022), а тексты о первой топике впоследствии приведут к рождению основ психосоматики, в частности к рождению парижской школы.

В период первой теории влечений, который начался с 1895 года и длился до 1920 года, Зигмунд Фрейд противопоставляет сексуальные влечения влечениям Я. На протяжении всего этого периода он столкнулся не только с конверсионными симптомами истерии, но также и с соматическими симптомами, которые появлялись внутри актуального невроза. В работе «Психогенное нарушение зрения» Зигмунд Фрейд рассуждает о том, что все органы и все соматические функции инвестируются двумя группами влечений – это влечения Я и сексуальные влечения (Фрейд, 2006). Иначе говоря, в основе истерического функционирования лежит идея эрогенности органов, идея того, что каждому органу присуща либидинальная потенциальность, то есть истерия зиждется на двух столпах – либидинальной потенциальности органа и эдиповой организации, без которой не может быть истерического функционирования на психическом уровне. Это своего рода «увертюра» к эдипальному конфликту, свойственному истерии. Об этом говорит нам Клод Смаджа на научном дне IPSO Pierre Marty (Смаджа, 2022). Истерическое функционирование подразумевает «открытый» эдипальный конфликт и способность к вытеснению, то есть функционирование на психическом уровне благодаря способности пациентов к вытеснению. Вытеснению подвергаются сексуальные репрезентации, несовместимые внутри психического конфликта. На соматическом уровне истерия основывается на эрогенной либидинальной потенциальности органов. Таким образом, истерия соединяет в себе две составляющие – эдипову составляющую на психическом уровне и эрогенную составляющую на соматическом уровне. В результате при истерии появляются конверсионные симптомы благодаря символизации бессознательных психических фантазмов. Иными словами, соматические симптомы в случае истерии содержат символ и символизируют фантазматическое бессознательное измерение. Это становится возможным благодаря образовавшемуся вытеснению.

В «Исследованиях истерии» (Фрейд, 2020) Зигмунд Фрейд занимает позицию, согласно которой он учитывает как соматический орган, с одной стороны, так и психическую и ассоциативную работу – с другой. Тем не менее он не поддерживает чисто психосоматическую точку зрения. В 1900 году он проводит анализ Доры (Фрейд, 2016), заключая, что любой истерический симптом следует рассматривать с двух сторон, которые его «подпитывают» – с психической и соматической. С соматической точки зрения это соматическое самолюбование, то есть либидинальное инвестирование органа, что находится в зависимости от психосексуального развития ребенка, а также от инвестиций со стороны объекта в адрес ребенка и самого органа. С психической точки зрения речь идет об ассоциативной деятельности, которая следует по пути обретения смысла данного симптома, выраженного в органе. И эта концепция Зигмунда Фрейда находится в оппозиции к концепциям авторов, которые были вовлечены

в исследование проблем духа и тела. Зигмунд Фрейд не поддерживает точку зрения, при которой всю ответственность за симптоматику истерии на себя взяла бы психика или орган, он предлагает новую концепцию, и его точка зрения соответствует современным научным гипотезам в области биологии. Говоря иными словами, конверсионные истерические симптомы с точки зрения смысла имеют свою связь с психической и ассоциативной деятельностью. В одном из исследований Зигмунд Фрейд заключает, что в случае отсутствия ассоциативной работы у пациента речь не может идти про истерию. Таким образом, истерическая конверсия в своем основании имеет ассоциативные, а значит, психические процессы с точки зрения обретения смысла симптома. Уже спустя десятилетия появляется понятие ментализации благодаря трудам парижских психосоматиков.

Актуальный невроз – это оборотная сторона медали, где одна из сторон – это истерия, а вторая сторона – это актуальный невроз. В противоположность представлению о конверсионных истерических симптомах Зигмунд Фрейд говорит о функциональных расстройствах при актуальных неврозах. Понятие актуального невроза у Зигмунда Фрейда стало предтечей дементализированных организаций в рамках парижской школы психосоматики. Актуальные неврозы характеризуются отсутствием психических механизмов, поэтому можно полагать, что в случае актуального невроза речь идет о дементализации в связи с отсутствием психической продукции. Вследствие дементализации при актуальном неврозе сексуальное возбуждение не достигает уровня психики, что приводит к стазу на соматическом уровне, то есть в теле. Сексуальные возбуждения, которые являются источниками влечений, аккумулируются в коме, так как они не в состоянии достигнуть психического уровня, вызывая функциональные соматические симптомы. Таким образом, с одной стороны, мы можем столкнуться с конверсионными симптомами при истерическом функционировании, с другой стороны – с соматическими симптомами при актуальном неврозе, то есть с функциональными соматическими симптомами без символизации в связи с отсутствием психических механизмов, ответственных за формирование символизации. Функциональные симптомы актуального невроза имеют выход напрямую на соматический уровень в тело, минуя психический уровень. По описанию Зигмунда Фрейда, симптоматика актуального невроза – это токсическая симптоматика, то есть это продукт либидинальной токсичности. Сама концепция симптоматики актуального невроза предусматривает либидинальный стаз, то есть застой, который приводит к потере всех либидинальных качеств. Этот либидинальный стаз отравляет орган и является причиной соматической симптоматики. Согласно теоретическим концепциям Зигмунда Фрейда касательно симптомов актуального невроза, соматическое возбуждение не преобразуется во влечение, присоединяясь к репрезентациям бессознательного в психическом пространстве, а остается на соматическом уровне, что как следствие приводит к застою, либидинальному стазу, который создает травматическое состояние с дальнейшей потерей энергии либиданального качества, а это, в свой черед, влечет за собой появление симптоматики актуального невроза, которая найдет выражение

в физиологической дисфункции органа. Разница между истерией и актуальным неврозом становится очевидна. Истерическая симптоматика характеризуется наличием психической ассоциативной деятельности и связью с репрезентациями, симптоматика актуального невроза обусловлена отсутствием психической деятельности и ассоциативности. Зигмунд Фрейд говорит об отсутствии психического механизма. Модель актуального невроза явится предвестницей дementализации, говоря о психосоматической организации. Таким образом, концепции Зигмунда Фрейда можно считать истоками зарождения психосоматики парижской школы.

В период теоретизации первой топике Зигмунд Фрейд говорит о важном для школы психосоматики факте: речь идет о реорганизации органов. В 1905 году Зигмунд Фрейд определяет эрогенные зоны, которые в особенности инвестируются либидо и которым суждено стать основой для работы ментальных репрезентаций. Затем Зигмунд Фрейд расширяет само понятие реорганизации на все тело и всю его глубину, то есть на все внутренние соматические органы. С 1905 года, и особенно с 1914 года, он говорит, что все тело, то есть все внутренние органы, могут быть инвестированы либидо. Это в свой черед означает, что любой орган или любая система органов содержат в себе эрогенный потенциал, порождающий будущий либидинальный потенциал. Этот эрогенный потенциал состоит в связи с инвестированием объектами, в особенности матерью, если речь идет о первичных организациях. Объект инвестирует тело ребенка, его органы, пищеварительный тракт, кожу, органы чувств и тем самым порождает органическую эрогенность. Зигмунд Фрейд пишет в 1910 году, что любой орган или любая система органов инвестируются двумя группами влечений – на тот момент речь шла о влечениях Я и сексуальных влечениях (Фрейд, 2017). Иными словами, любой орган содержит в себе больший или меньший потенциал эрогенности, и как следствие органы имеют различие в инвестировании либидо. Существует целый спектр эрогенности, следующий от полюса меньшего к полюсу большего инвестирования либидо, этот спектр расположен параллельно психосоматическому спектру, следующему от полюса симптомов органа к полюсу конверсионных симптомов истерии. Полюс симптомов органа в своей основе имеет наименьшее либидинальное инвестирование, и, напротив, полюс симптомов истерии основывается на наибольшей эрогенной инвестированности.

Эти концепции касаются периода первой теории влечений, и они становятся базисными для зарождения психосоматики. На протяжении этого периода речь идет о функциональной симптоматике актуального невроза и конверсионных истерических симптомах и не касается психосоматических заболеваний, то есть о симптоматике органических заболеваний. Зигмунд Фрейд не касается данной проблематики на тот период. На протяжении первого периода, основываясь на первой топике, Зигмунд Фрейд интерпретирует и объясняет соматические симптомы через либидинальную экономику. Он отмечал, что в случае истерии либидинальная экономика присутствует и она связана с психическим процессом, а при актуальном неврозе либидинальная экономика отсутствует в связи с отсутствием психических механизмов, ответственных за символизацию.

На протяжении периода первой теории влечений речь не идет об органических симптомах соматических заболеваний. Зигмунд Фрейд размышляет о конверсионной симптоматике в случаях истерии и функциональной симптоматике в случаях актуального невроза. В период теоретизации первой топики, первой теории влечений, вся симптоматика, как психическая, так и соматическая, трактуется с учетом присутствия или отсутствия либидо, которое является ключом к пониманию симптомов, и этого оказывается недостаточно, если речь идет о соматическом заболевании, говорит Клод Смаджа. Говоря о заболевании, к либидо необходимо добавить понятие деструктивности, или влечения смерти, что будет реализовано только в период развития второй топики, или второй теории влечений. Появляется дуальность влечений – влечения жизни и влечения смерти, а следовательно, и ключ к пониманию соматических заболеваний. То есть, чтобы понять причину заболевания, необходимо от теории либидо продвинуться в сторону второй теории, где появляется влечение смерти, противоположное либидинальному. Лишь с помощью агрессивных и деструктивных влечений Зигмунду Фрейду удастся объяснить происхождение органических болезней и их симптомов.

Начиная с 1920-х годов Зигмунд Фрейд рассуждает о соматических заболеваниях через развитие взаимосвязи влечений и экономики влечений. В этот период развития второй топики Зигмунд Фрейд неоднократно упоминает о соматическом заболевании. Он разрабатывает понимание того, что развязывание влечений и отношения между ними ведут к изменению самой функции, то есть к ее нарушению. Зигмунд Фрейд говорит о дуальности влечений жизни и смерти, указывая на то, что отношения между этими двумя влеченческими группами – это процессы связывания либо процессы развязывания, и развязывание влечений жизни и смерти при высвобождении деструктивности приводит к весомым последствиям для функции, то есть приводит к функциональной патологии – как психической, так и соматической. И эти исследования Зигмунда Фрейда можно считать фундаментальными для дальнейшей теоретизации психосоматиков парижской школы. С этого момента открывается путь для понимания соматического заболевания, а не только симптома, и психосоматики парижской школы спустя десятилетия задействуют понятие деструктивности как характеристику соматической организации. Таким образом, в рамках второй теории, влечения жизни и смерти находятся в постоянной взаимосвязи, уже невозможно представить себе какое-либо одно индивидуальное влечение. Фрейд пишет, что агрегаты влечений могут распадаться и результатом этого распада может быть появление болезни. В случае нормы процессы связывания и развязывания строятся так, что в начале следует связывание, затем развязывание, а после новое связывание того, что подлежало развязыванию. При патологии развязывание происходит без дальнейшего связывания влечений. И именно в этих процессах свой источник находят процессы соматизации.

Резюмировав вышесказанное, процессы соматизации можно объяснить развязыванием влечений, в результате чего высвобождается деструктивность, и не просто деструктивность, а аутодеструкция. Таким образом,

процессы соматизации объяснимы за счет инстанции Сверх-Я, которая возникает путем интериоризации родительских авторитетов. Сверх-Я возникает благодаря идентификации с родителями, и основной целью Сверх-Я является принятие внутрь себя деструкции, исходящей из Я, таким образом Сверх-Я помогает справляться с аутодеструкцией. Зигмунд Фрейд говорит о Сверх-Я, что это чистая культура смерти. Он сравнивает Сверх-Я с военным гарнизоном внутри самого Я, который призван для того, чтобы оказать поддержку при подавлении возмущений, исходящих из Я. На то, что между Я и Сверх-Я происходит конфликт, указывает чувство вины, которое может быть бессознательным и сознательным. Бессознательное чувство вины, согласно Зигмунду Фрейду, мы именуем бессознательной потребностью в наказании, что означает, что Я совершает попытку реорганизации мазохистическим способом. Данная потребность существует в любой невротической организации и находит свое выражение через страдание от болезни. В работе 1924 года «Экономическая проблема мазохизма» Зигмунд Фрейд говорит о том, что есть неврозы, которые смогли устоять перед различными попытками терапевтического лечения, но если удастся заболеть во время данного невроза соматически, то симптоматика невроза исчезает (Фрейд, 1992). Так страдания, которые для Зигмунда Фрейда связаны с бессознательной потребностью в наказании – то есть с чувством вины, – имеют возможность для перехода с психического на соматический уровень. Я может найти для себя невротическое решение, как при неврозе навязчивых состояний, либо же Я находит для себя психотический вариант разрешения, как при меланхолии или маниакально-депрессивном расстройстве. Но если не предполагается ни тот, ни другой вариант, то Я соглашается на соматическое разрешение конфликта. Вторым вариантом для соматизации становится возможным при дезорганизации Сверх-Я вместе с бессознательной потребностью наказания. Для Зигмунда Фрейда тем не менее центральное место в психоанализе занимает именно психическое функционирование, то есть в своей методике анализа соматических симптомов он исходит из психического функционирования, ассоциативной деятельности, психического конфликта. Напротив, для психосоматиков парижской школы исследования ведутся начиная с соматической симптоматики. Это важное базовое различие.

Прежде чем перейти к исследованиям психосоматиков парижской школы, стоит ознакомиться вкратце с концепциями постфрейдовских авторов, предшественников парижской школы психосоматики, которые действовали в своих исследованиях труды Зигмунда Фрейда. Одним из таких авторов является Георг Гроддек. Он работает с истерической моделью, полагая, что все соматические симптомы, включая соматические заболевания, имеют символическое значение, иначе говоря, смысл. Георг Гроддек расширяет до неограниченных масштабов модель истерической конверсии и все симптомы соматических заболеваний включает в этот периметр. Тем не менее данный автор не предусмотрел различия на психических уровнях, и Зигмунд Фрейд говорит об этом в письме Гроддеку от 1917 года. Зигмунд Фрейд пишет Гроддеку, что необходимо

быть более чувствительным к «маленьким различиям». Действительно, Георг Гроддек, бесконечно расширяя истерическую модель в контексте соматической симптоматики, не учитывает различия в психической деятельности, то есть, говоря на языке психосоматики, – в уровнях ментализации пациента.

Второй знаменитый автор, один из родоначальников психосоматической медицины, – Франц Александер, американский врач и психоаналитик венгерского происхождения. Истерические конверсионные симптомы Франц Александер сводит к неврологической функции отношения, иными словами – к сенсомоторным симптомам. Истерический невроз Франц Александер отделяет от невроза органа, таким образом он противопоставляет не истерию актуальному неврозу, как Зигмунд Фрейд, но истерический невроз неврозу органа. Концепция «невроз органа» предшествует гипотезам биологического характера. Франц Александер следует за теориями Чарльза Дарвина и говорит о том, эмоциональная жизнь имеет двойное значение и синхронное влияние относительно психического и соматического влияния. Эта концепция соответствует тому, что Чарльз Дарвин называет «выражением эмоций» у человеческого существа, и он перенимает терминологию из теоретизации Чарльза Дарвина. Любая эмоция, согласно Чарльзу Дарвину, в процессе эволюции имела двойное и одновременное влияние, и Франц Александер говорит о том, что в случае невроза органа необходимо учитывать одновременность психического и соматического влияния. Модель психосоматической медицины, которую предлагает Франц Александер, является дуалистической с точки зрения взаимосвязи двух гетерогенных логик функционирования – логики ментального и логики органического функционирования.

Теперь же стоит перейти непосредственно к авторам парижской школы и их революционному открытию психосоматики. Само наименование психосоматической парижской школы относится к 1962 году благодаря группе психоаналитиков парижского общества – Пьеру Марти, Мишелю Фэну, Мишелю де М'Юзану и Кристиану Давиду. Их работы не велись одновременно, первооткрывателем был Пьер Марти, к которому затем присоединился Мишель Фэн, с которым они вели совместную работу с соматическими пациентами в ходе консультаций в клинике. Несколькоми годами позже – к концу 50-х годов – к ним присоединились Мишель де М'Юзан и Кристиан Давид. Они наблюдали за консультациями Пьера Марти в службах хирургии и нейрохирургии. Коллективной труд данной группы аналитиков привел к публикации книги «Психосоматическое исследование» (*Marty et al.*, 2003) в 1963 году как результата их совместной деятельности. Но после того как «Психосоматическое исследование» было опубликовано, с начала 60-х годов между Пьером Марти, Мишелем Фэном, Мишелем де М'Юзаном и Кристианом Давидом устанавливается дистанция и каждый из них последует своим собственным творческим путем.

Истоки психосоматики связаны с наблюдениями Пьера Марти и Мишеля Фэна за пациентами с сенсомоторными симптомами, в

частности, речь идет о боли в спине и цефалгии. В начале 50-х годов Пьер Марти и Мишель Фэн совершают важное открытие, послужившее толчком к дальнейшим креативным исследованиям в сфере психосоматики. Это открытие состоит в том, что у пациентов с болью в спине онирическая деятельность, то есть работа сновидений, часто прерывалась, после чего наступали боли. Сами пациенты на сеансе рассказывали о том, что они видели сновидение, которое прерывалось, а затем пациент вставал с болью в спине. Этот рассказ пациента привел психосоматиков к мысли о переходе сновидения к ощущению боли в спине или в пояснице, к мысли об этой последовательности, которую они затем интерпретировали. Иначе говоря, работа сновидения, или онирическая работа, является примером психической деятельности, а ее прерывание приводит к появлению болей, а именно соматических симптомов, на ином, непсихическом уровне. Это важное наблюдение приводит их к выделению такого понятия, как «эволютивный уровень» у пациентов. Нарушения на психическом уровне приводили после определенного момента прерывания онирической, а значит, психической работы на уровень более эволютивно низкий относительно психического – соматический. Те же самые заключения были сделаны психосоматиками касательно пациентов, которые испытывали головную боль. Согласно Пьеру Марти, цефалгия представляет собой болезненное ингибирование мысли, таким образом психическая деятельность прерывается, после чего происходит проявление и выражение более низкого эволютивного уровня относительно психического – головная боль. Это первое важное открытие в истории психосоматической парижской школы, которое привело авторов к идее обозначить три эволютивных уровня выражения влеченческой жизни. Тем не менее цефалгия и боль в спине имеют различное психосоматическое измерение. Общность касается того факта, что сновидение и в том, и другом случае обрывается и это прерывание дает рождение соматическому выражению, то есть изменению эволютивного уровня. Однако общность цефалгии и боли в спине в этой точке заканчиваются, так как механизмы этого прерывания различны. Касательно цефалгии, речь идет в основном об ингибировании мыслительных процессов, которые в данном случае присутствуют и играют определяющую роль. Относительно боли в спине или пояснице – речь идет не об ингибировании, а о подавлении агрессии, которая находит свое выражение в поясничных болях.

Это первое и важное открытие в истории психосоматической парижской школы, которое привело авторов к идее обозначить три эволютивных уровня выражения влеченческой жизни. Первый и самый высокий эволютивный уровень – психический. На этом уровне происходит вся ассоциативная деятельность касательно репрезентаций и гетерогенного уровня репрезентаций. За ним идет средний уровень – поведенческий. У большого количества пациентов выражение происходит не на психическом, а на поведенческом уровне. Самый нижний, третий уровень – это соматический уровень. Здесь же происходит выражение соматических симптомов, что совершается в том случае, когда более высокие уровни – поведенческий и психический – перестают быть эффективными. К примеру,

в случае чрезвычайно травматической ситуации происходит «провал» двух наиболее высоких эволютивных уровней и выражение на соматическом уровне. Таким путем в 50-е годы психосоматиками предлагается новое эволюционистское измерение психического и в целом психосоматического функционирования, к чему психоаналитики на тот период не были готовы. Это важнейшее открытие психосоматиков парижской школы выходит за границы и пределы механизмов регрессии, в рамках которых привыкли ориентироваться психоаналитики со времен Зигмунда Фрейда – то есть в пределах психического поля. Теперь же речь идет о некой эволюции с психического уровня на поведенческий, а затем соматический уровень функционирования, учитывая обмен между этими уровнями.

В начале 60-х годов Пьер Марти и Мишель Фэн делают еще одно важное наблюдение о балансировании между механизмами вытеснения пациентов в результате конфликта, который можно выявить, и соматическим симптомом. К примеру, у пациента с периодическими язвенными обострениями или кризисами Пьер Марти обнаружил балансирование между некоторыми периодами, когда психический конфликт приводит к механизму вытеснения и даже к психическим симптомам и когда тот же самый или иной конфликт может напрямую привести к язвенному кризису или обострению. Таким образом, происходит балансирование между психическим и соматическим уровнями, когда актуальной является логика, при которой психический конфликт либо разрешается за счет вытеснения и психической симптоматики, либо Я индивидуума не способно к разрешению конфликта на психическом уровне, задействуя психические средства защиты, и тогда выражение происходит на более низком эволютивном уровне с развитием соматического кризиса. Говоря иначе, провал и неудача на ментальном уровне приводит к эволютивной деградации и появлению соматической симптоматики. Все эти наблюдения привели аналитиков парижской школы к решению выделить новое эволюционистское измерение, которое будет присутствовать и учитываться на протяжении всей научной деятельности этих авторов.

Написание «Психосоматического исследования» длилось на протяжении нескольких лет. С 1957 и по 1962 год работа психосоматиков проходила в двух крупных медицинских подразделениях – службе хирургии и нейрохирургии профессора Марсея Давида, отца Кристиана Давида, и службе профессора Гассе, который работал в больнице святого Антуана. Пьер Марти и другие участники группы принимали участие в слушании и исследовании интервью пациентов. «Психосоматическое исследование» основывается на поиске новой методики взаимодействия с соматизирующими пациентами. Родоначальники парижской школы психосоматики обнаружили, что существует большая разница между классическими пациентами психоанализа, иначе говоря, невротическими пациентами, и между соматическими пациентами. И в первую очередь данное отличие связано с самим качеством речи, а следовательно, с уровнем ментализации, способностью пациента к ассоциативности. Пьер Марти, Мишель Фэн, Кристиан Давид и Мишель де М'Юзан вскоре обратили свое внимание на

то, что большое количество пациентов являются дисфункциональными с точки зрения способности к ассоциативности. Безусловно, существует не только лишь одна категория соматических пациентов, а целый психосоматический спектр, как об этом говорит Мишель де М'Юзан. Этот психосоматический спектр движется от невротического полюса психосоматических пациентов с ментальным функционированием, близким к классическому невротическому, до полюса пациентов с ассоциативной дисфункцией, иначе говоря до опературного полюса. Таким образом, психосоматики парижской школы не вели интервью с пациентами, далекими от невротического функционирования, и с ассоциативной дисфункцией в рамках классического психоаналитического кадра. Необходимо было отправиться на поиски иной методики ведения интервью и исследования.

Так, коллективная работа «пионеров» психосоматики, как их называет Клод Смаджа, воплотившаяся в написании «Психосоматического исследования», заключалась в поиске новой подходящей методики исследования психосоматических пациентов, отличной от классического психоаналитического кадра. Данная методика основывается на идее того, что необходимо сконцентрироваться исключительно на отношениях между аналитиком и пациентом, отбрасывая все априори касающееся психосоматики, отпустить свою мысль, быть как можно ближе к тому, что можно ощутить и почувствовать в отношении с пациентом. Авторы «Психосоматического исследования» стремились не упустить контакт с пациентом, быть в этом клиническом контакте как можно ближе, и они исследовали и прорабатывали те мысли и ощущения, которые приходили к аналитикам в отношениях с пациентом. Резюмируя вышесказанное, психосоматики парижской школы пришли к утверждению и подтверждению важности эволюционистского измерения в понимании психического и соматического функционирования пациентов.

Второй важный результат работы с психосоматическими пациентами и использования методологии психосоматического исследования – это обнаружение у пациентов разрыва между сознательным Я и их бессознательным, то есть диссоциации, о которой говорит Зигмунд Фрейд уже в 1910 году: «Истерические больные слепы не вследствие внушенного себе представления, что они не видят, а вследствие диссоциации между бессознательными и сознательными процессами в зрительном акте; их представление о том, что они не видят, является правомерным выражением психического положения вещей, а не его причиной» (Фрейд, 2006). Несколько позже Пьер Марти расскажет об этих этапах в своем тексте «О состоянии дезорганизуемого Я». Этот разрыв у пациентов, на который психосоматики обратили внимание, приводил не только к изменению способов мышления, но и к сокращению части аффектов и фантазмов в сознательной психической жизни. Мысль становилась опературной, касающейся исключительно того, что происходило сейчас, это в своем роде «фактуальное» мышление, лишённое аффективного и фантазматического измерения, сами же аффекты в связи с разрывом между сознательным и бессознательным оказывались подавленными и «замороженными», не фигурирующими в поле психических репрезентаций.

Это заключение психосоматиков приведет в дальнейшем к описанию оператуарного мышления.

Третье важное клиническое заключение психосоматиков парижской школы, сделанное в результате работы «Психосоматическое исследование», состояло в методике исследования оператуарных пациентов, которую они назвали «проективной редупликацией». В данном случае речь пойдет об отношении пациента к объекту, через которое пациент увидит этот объект, то есть другого, – в идентичности с самим собой, таким образом лишая другого персонального характера, ставя на первый план свою собственную специфичность. Другой для оператуарного пациента – его собственная копия или клон. То есть редупликативная форма мышления – специфическая характеристика оператуарных пациентов и их взаимоотношений. Как только коллективный труд Пьера Марти, Мишеля Фэна, Мишеля де М'Юзана и Кристиана Давида был опубликован, авторы разошлись в поисках собственного творческого и концептуального пути, сохраняя тем не менее общую, упомянутую выше основу.

Говоря о Пьере Марти, в первую очередь стоит коснуться двух клинических концепций – оператуарной жизни и процессов соматизации. Оператуарная жизнь – это клиническая единица, обнаруженная в коллективной работе, в частности совместно с Мишелем де М'Юзаном. Здесь же стоит добавить эссенциальную депрессию и оператуарное поведение – то, что для Пьера Марти составляло оператуарную жизнь. Эссенциальная депрессия – это депрессия, которая указывает на падение жизненного тонуса либидо, не предполагая компенсации. Это сухая депрессия, которая не сопровождается фантазмом вины или самобичеванием (говоря о моральном мазохизме как бессознательной потребности в наказании), которые можно наблюдать в невротических депрессиях или случае меланхолии. Эссенциальная депрессия выражена в падении объектных и нарциссических инвестиций, что свидетельствует о движении ментальной дезорганизации. Вторая важная клиническая концепция Пьера Марти – это процессы соматизации. Процессы соматизации – это два различных процесса, порождающих выражение соматической симптоматики. Эти два процесса отличны друг от друга по своей природе и прогнозу – это процесс регрессии и процесс прогрессивной дезорганизации. Регрессия – это процесс, который характеризуется либидинальным потенциалом и порождает обратимые симптомы. Напротив, дезорганизация характеризуется истощением либидинального потенциала и наличием деструктивности. В случае дезорганизации Пьер Марти говорил таким образом о влечениях смерти. Таким образом, можно говорить о том, что либидинальный потенциал сохраняется и поддерживается в случае процесса регрессии, а в случае дезорганизации происходит истощение либидинального потенциала и возникает деструктивность, что в свой черед приводит к различного рода соматическим заболеваниям и может повлечь за собой смерть. Пьер Марти привнес эволюционистское измерение – это основной момент в его теоретизации. Для Пьера Марти индивидуальное развитие – от самого рождения до взросления – реализуется путем последовательных этапов построения психических функций – от низших до самых высоких.

По ходу данного выстраивания существуют моменты фиксации – регрессии, которые связаны с либидо и которые являются защитными «площадками» в отношении к возможным дезорганизациям в будущем. Согласно Пьеру Марти, защитное оборудование объекта – это его организация, архитектура фиксации – регрессии, и чем больше фиксации, тем прочнее защитная оснащённость субъекта перед лицом возможной дезорганизации. Соответственно, чем меньше регрессии, тем слабее защитная функция, а значит, больше вероятности возникновения дезорганизации с переходом на соматический уровень.

Зигмунд Фрейд объясняет соматические процессы, основываясь на теории влечений, для Пьера Марти система «фиксация – регрессия» является основополагающей в его теоретизации, соответствуя функции защиты для Я. Таким образом, психосоматическая теоретизация Пьера Марти базируется на идее Зигмунда Фрейда, но одновременно с этим возникают новые идеи. Все живые процессы, согласно Пьеру Марти, подчиняются двойному движению организации и дезорганизации, а за данными процессами всегда стоят влечения. За дезорганизацией стоит влечение смерти с функцией развязывания, а за организацией – влечение жизни и связывание. В работе 1967 года «Наблюдения за влечениями смерти» Пьер Марти описывает два основных психосоматических движения – это регрессия и прогрессивная дезорганизация. Любая соматизация начинается с регрессивного движения. Зигмунд Фрейд пишет о трех типах регрессии – топической, временной и формальной, и все они находят себе место на уровне психики. Пьер Марти добавляет к данным видам регрессий функциональную регрессию, которая обозначает переход с психического на поведенческий либо соматический уровень. К примеру, в случае радикулита пациент переходит с психического функционирования на моторное. Данный тип регрессии зиждется на соматических фиксациях. Согласно теоретизации Зигмунда Фрейда, фиксации остаются на психическом уровне – к примеру, при регрессии от анально-садистической к оральной стадии. Для Марти регрессия выходит за рамки психики. То, что Зигмунд Фрейд именовал «эрогенной потенциальностью органа», Марти именуется «потенциальностью соматического регресса к точкам фиксации», которые выходят за пределы психического уровня и могут располагаться непосредственно в органе. Их ценность состоит в том, что они способны противостоять регрессивному движению, то есть выполняют функцию защиты для психосоматической организации. Таким образом, первый процесс соматизации базируется на том, что существует изначальная эрогенная потенциальность органа или сомы. Тогда же процесс болезни проходит остро либо приступообразно и наступает реорганизация. Второй процесс соматизации характеризуется движением прогрессивной дезорганизации, то есть отсутствием фиксации на пути регрессии, тогда же регрессия трансформируется в прогрессивную дезорганизацию и приводит к соматизации. Первично именно регрессивное движение, но если этот процесс встречает соматическую фиксацию, то он может быть остановлен и не трансформироваться в дезорганизацию. За дезорганизацией стоят развязывающие влечения смерти,

которые могут привести к действительной смерти. То есть Пьер Марти в отличие от Зигмунда Фрейда рассматривает процесс соматизации, исходя из динамики системы «регрессии – фиксации», но на основе второй теории влечений.

Стоит написать также о Мишеле Фэне, Мишеле де М'Юзане и Кристиане Давиде. Для Мишеля Фэна важными являются понятие травматизма и концепция организации травматического невроза, который несет ответственность за возможную соматизацию субъекта. Согласно Мишелю Фэну, возможны два различных варианта психического развития. Первый вариант – эдипальный, который ведет к образованию оформленной невротической организации, второй вариант – травматический, который является незаконченным с точки зрения влеченческой траектории движения, в данном случае в любой момент грозит своим появлением соматическая дезорганизация.

Мишель де М'Юзан не принимал вторую теорию влечений Зигмунда Фрейда. Он основывал свою теоретизацию соматических симптомов и соматических заболеваний на первой топике, или первой теории влечений, Фрейда. Важный момент в теории Мишеля де М'Юзана – это понятие либидинальной квалификации. Даная концепция означает, что в случае конфликтной ситуации, если пациент не в состоянии справиться с травматической ситуацией и переработать ее на уровне психическом, это может повлечь за собой регрессию, в ходе которой либидо потеряет свое либидинальное качество. Другими словами, в процессе регрессии либидинальная энергия становится нейтральной с физико-химической точки зрения, а это в свой черед повлечет переход этой нейтральной, лишенной либидинального качества энергии в орган с последующим соматическим заболеванием.

Кристиан Давид работал над концепцией аффекта. В одной из своих статей Кристиан Давид с отсылкой к Пьеру Марти задается вопросом: почему речь идет лишь об оператуарном мышлении и где место аффекту? Об этом говорит Диана Табакофф на конференции IPSO Pierre Marty. Пьер Марти ставит аффект и мышление на один уровень, так как он говорит не просто об оператуарном мышлении, а об оператуарной жизни и туда же он интегрирует аффект. Таким образом, оператуарная жизнь подразумевает также и аффекты. Клод Смаджа подтверждает это словами о том, что действительно оператуарная жизнь добавляет эссенциальную депрессию к оператуарному мышлению, отдавая первенство аффекту по отношению к мысли. К примеру, такой современный нейробиолог, как Антонио Дамасио, который написал книгу «Знать и чувствовать», утверждает, что мысль находит свой источник в аффекте, и мы, таким образом, постоянно живем в условиях дихотомии между мыслью и аффектом, в то время как мысль и аффект являются по сути одним и тем же. Таким образом, можно заключить, что Марти, вероятно, в той или иной степени предвосхитил более современные концепции, которые не могли быть в то время сформулированы. Так или иначе всегда стоит учитывать, что психосоматическая парижская школа – преемственница фрейдовской мысли, ведь Зигмунд Фрейд еще до появления теоретизации парижской

школы при анализе соматических симптомов говорил о поле репрезентаций и об их количестве.

Перед заключением стоит добавить концепцию, которая принадлежит непосредственно Клоду Смаджа, автору книги «Опературная жизнь» (Смаджа, 2014) и множества других работ. Речь идет о работе соматизации – теоретической концепции, которая возникла как синтез между теоретизациями Зигмунда Фрейда, Пьера Марти и Андре Грина. Работа соматизации в первую очередь связана именно с работой Я, то есть Я организует все в недрах психической организации. У Зигмунда Фрейда работа Я выражена в теоретических концепциях сновидений, горя и меланхолии. У Андре Грина работа Я выражается в концепции работы негатива. Клод Смаджа работу Я выражает через концепцию работы соматизации. Прочитую Клода Смаджа: «Для меня работа соматизации – это ансамбль психической работы, который ведет к соматическому решению» (Смаджа, 2021).

В случае работы негатива Я сталкивается с травмой и тогда задействует весь защитный потенциал, чтобы сохранить себя. Андре Грин описывает два этапа работы негатива. Первый этап – это вытеснение либо негация, форклюдия, то есть иные защитные механизмы. Если Я удастся защитить себя от травмы подобными механизмами, то оно находит для себя психическое решение вне зависимости от того, психотическое оно или невротическое. Если же Я не удастся себя защитить психическим путем, то возбуждение накапливается в Я, и тогда травма приводит к процессу дезобъектализации, или дезорганизации, согласно Пьеру Марти. То есть Я прибегает к помощи влечения смерти. Но влечение смерти не создано для того, чтобы умирать, напротив, оно связывается с влечением жизни, чтобы жить. Чтобы снизить свой уровень возбудимости, Я ничего не остается, как обратиться за помощью к влечению смерти. Либи́до таким образом утрачивает свои либидинальные качества и характеристики, мы говорим о либидинальной деквалификации или деквалификации либидинальной энергии. Тогда энергия, утратившая свои либидинальные качества, становится нейтральной, что приводит к соматической болезни, так как орган перестает быть либидинально инвестирован. Таким образом, первый этап соматизации отмечен работой негатива. Вторым этапом является эротическим, так как вновь возникают сексуальные влечения, а у Я появляется новый объект для инвестирования – болезнь, так как орган посылает Я сообщения. В частности, орган может быть инвестирован мазохистически. Появляется возможность для реобъектализации, и происходит реорганизация на психическом уровне. Зигмунд Фрейд писал о том, что бред – это попытка самоисцеления психоза. Бред – это то, что можно характеризовать как неореальность в психозе, что приводит к сохранению тела. В случае соматизации создается телесная неореальность, которая приводит к сохранению психической.

В заключение стоит сделать выводы касательно монизма и дуализма, как это рассматривали авторы-психосоматики относительно базисных для них концепций Зигмунда Фрейда и его теоретизации. Теоретическую концепцию Пьера Марти можно считать монистской концепцией с точки

зрения теории влечений. Иными словами, можно назвать Пьера Марти монистом в том смысле, что он предполагает существование лишь одного влечения в психоаналитическом значении – это сексуальное влечение, то, что он называл влечением жизни. Но согласно Пьеру Марти, влечение смерти не является влечением в психоаналитическом контексте, а является оборотной стороной влечения жизни. Если влечение жизни в силу тех или иных обстоятельств перестает быть эффективным и справляться со своей работой, то влечение жизни оборачивается обратной стороной. Пьер Марти называл данную обратную сторону влечения жизни, эту инверсию, влечением смерти. Он использует физическую метафору, для него влечение смерти – это то, что врачи называют энтропией, а по сути нарастающим хаосом энергии, беспорядком энергии, когда сама система оказывается в изоляции и не имеет подпитки.

Мишель Фэн, в отличие от Пьера Марти, полностью следует теории Зигмунда Фрейда. Он идет по пути дуальности влечений, поддерживает понимание дуальности первой и второй теорий влечений согласно Фрейду. Мишель Фэн перенимает оппозицию между влечениями жизни и деструкцией в том ключе, в котором это полагал Зигмунд Фрейд.

Касательно Мишеля де М'Юзана, он является также дуалистом в вопросе, касающемся теории влечений, но он ограничивает свою теоретизацию влечением дуализмом первой теории влечений, то есть сексуальными влечениями и влечениями Я. Мишель де М'Юзан отбрасывает в сторону дуализм второй теории влечений Зигмунда Фрейда – влечений жизни и влечений смерти, противопоставляя обозначению влечений смерти. Метапсихология Мишеля де М'Юзана, таким образом, основывается на дуальности влечений Я и сексуальных влечений, как в первой теории Зигмунда Фрейда. В его понимании деструктивность заключена не только в понятии садизма, но и в превосходстве. Мишель Фэн, Андре Грин и Клод Смаджа придерживаются понимания, что ментальная и соматическая дезорганизация связана непосредственно с деструктивностью. Для Мишеля де М'Юзана дезорганизация имеет связь с влечением смерти, но скорее он говорит о деградации либидинального качества, утрате либидинальных характеристик. Клод Смаджа говорит о том, что для него это синонимично влечениям смерти в соответствии с теорией Зигмунда Фрейда. Таким образом, Мишель де М'Юзан является дуалистом применительно к тому, что касается теории влечений.

Диана Табакофф на конференции IPSO Marty (Табакофф, 2022) говорит о том, что психосоматическое функционирование можно рассматривать в рамках монистической модели. Согласно Пьеру Марти между психическим и соматическим функционированием присутствует общая энергия, которая рассматривается психосоматиками, говорит Диана Табакофф. Тем не менее можно говорить о дуализме с позиции теории влечений. То есть существуют монизм «психика – сома» и влеченческий дуализм, который различается у основателей – психосоматиков парижской школы. С этой точки зрения в вопросах монизма и дуализма все авторы-психосоматики парижской школы, о которых шла речь, являются монистами, то есть материалистами, и Фрейд был первым из них. Иначе говоря, материализм

не позволяет авторам полагать, что возможно существование некой психической субстанции, отличной от соматической. Для Фрейда, как и для психосоматиков парижской школы, психические процессы выходят из церебральных мозговых процессов. На основании вышенаписанного следует полагать дуальность, но не дуализм между психическим и соматическим функционированием. Таким образом, существуют дуальность функционирования и субстанциальный монизм. Психическое функционирование обладает иной природой, нежели функционирование соматическое или физиологическое, эти два типа функционирования подчинены различным правилам и алгоритмам. Позиция Зигмунда Фрейда, а значит, позиция психоанализа, и позиция Мишеля Фэна, Андре Гина, Мишеля де М'Юзана заключаются в том, что они подразумевают дуальность функционирования, основанную на влечениях, которые дуальны и которые рожают некий тип психического функционирования. Касательно вопроса соматики, то здесь действуют совершенно иные законы и условия, чуждые психическому функционированию. То есть с точки зрения и позиции материализма наличествует субстанциальный монизм, когда не предполагается наличие двух различных субстанций, тем не менее дуальность предполагается между психическим и соматическим функционированием, подчиненным различным законам и принципам. Вопрос дуальности влечений – это вторичный вопрос в контексте психического функционирования, так как в психическом функционировании существуют два варианта дуальности. Первый вариант дуальности связан с первой оппозицией влечений – влечений сексуальных и влечений Я, а второй вариант дуальности связан со второй оппозицией влечений – влечений жизни и влечений смерти. Но важно понимать, что данная дуальность дает рождение некоему психическому функционированию и в некотором смысле противопоставлена соматическому функционированию. С этой точки зрения Зигмунд Фрейд был революционером, так как он предложил данную эпистологическую концепцию – модель параллелизма психики и физиологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фрейд З.* Экономическая проблема мазохизма // Венера в мехах: сборник. М.: РИК «Культура», 1992. С 349–364.
2. *Фрейд З.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. Истерия и страх. Фирма СТД, 2006.
3. *Фрейд З.* Полное собрание сочинений: в 26 т. Т. 1. Исследования истерии. Спб., 2020.
4. *Фрейд З.* Знаменитые случаи из практики. Когито-Центр, 2016.
5. *Фрейд З.* Собрание сочинений: в 26 т. Т. 7. Три очерка по теории сексуальности, 2017.
6. *Смаджа К.* «Работа соматизации» / Семинар Клода Смаджа. Москва. Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах, 2021. [Стенограмма]

7. *Смаджа К.* Опературная жизнь: Психоаналитические исследования. Когито-Центр, 2014.
8. *Розенберг Б.* Мазохизм смерти и мазохизм жизни. М.: Когито-Центр, 2018. 212 с. (Библиотека психоанализа.)
9. *Smadja C.* (2019). La maladie comme objet. Dans Revue Française De Psychosomatique. No 56.
10. Les Journées de Sensibilisation («Дни сенсibilизации»). Conférence. Institut de psychosomatique Pierre Marty. Paris, 2022.
11. *Alexander F.* (1965). Psychosomatic Medicine: Its Principles and Applications, W.W. Norton & Company. Apryl 17.
12. *Marty P., de M'Uzan M. et David C.* (2003). L'investigation psychosomatique. Presses Universitaires de France. PUF (January 15).

Beyond the dualism of soul and body

K. A. Korotkova

Korotkova Kristina A., Master of Psychology (Higher School of Economics, Moscow), psychoanalytically oriented psychotherapist.

This article is devoted to the revolutionary ideas of the psychosomaticists of the Paris school, who have revolutionized the views on the former concepts of psychosomatic factors, creating a new theoretical construction, the heart of which can be considered Sigmund Freud's metapsychology, that is psychoanalytic logic, based on three classical dimensions – topical, dynamic and economic. Psychosomatics of the Paris School propose extending the classical construct and adding a new evolutionist dimension beyond mental functioning. The new model proposed by the founders of the Paris School differs from that proposed by post-Freudian authors who investigated soul and body. For example, Franz Alexander proposes a dualistic model of psychosomatic medicine based on the connection between two heterogeneous logics of functioning – mental and organic functioning. Psychosomatics of the Paris School bring a different psychosomatic model, based on a monistic concept that unites the psyche and the soma in a single psychoanalytic logic, beyond the dualism of soul and body.

Keywords: Psychosomatics, metapsychology, evolutionary dimension, psychosomatic medicine, mental, organic, dualism, duality, monism, Parisian school, psyche, soma, substance, hysteria, conversion symptoms, actual neurosis, disorganization, regression, fixation, disobjectalization, functioning, libidinal potentiality, dementalization, erogenous potentiality, investing, destructiveness, libido, drives of life, drives of death.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

Садистическая первосцена и ее влияние на эдипов конфликт

М. В. Полицина

Полицина Маргарита Викторовна – психоаналитически ориентированный психотерапевт.

Первофантазм первосцены – сложный многоуровневый конструкт, претерпевающий многочисленные трансформации на ранних стадиях развития субъекта, в результате которых архаическая, доэдипальная первосцена по мере приближения к стадии эдипова конфликта обретает более зрелый, невротический вид. Однако существует иной путь развития, избираемый психикой в условиях, когда грубая, угрожающая реальность занимает место фантазматической активности. Деструктивные, смертоносные отношения между родителями, в которые зачастую оказывается вовлеченным ребенок, способствуют наделянию первосцены преимущественно садистическими характеристиками, что не позволяет развернуться диалектике фантазмов, в результате которой первосцена обретает эдипальный вид. Это, в свою очередь, ведет к формированию ант-эдипальных фантазмов, препятствующих прохождению эдипова конфликта.

Ключевые слова: первосцена, эдипов комплекс, первофантазм, ант-эдип, садизм, влечение к смерти.

По мере развития психоаналитической теории З. Фрейд, преследуя цель понять первопричину симптомов своих пациентов, постепенно сместил фокус с реального соблазнения в детском возрасте, на котором он делал акцент в своих ранних работах, на бессознательную материю, которая ткется из первофантазмов, которые по мере развития психоаналитической мысли стали занимать центральное место в психоаналитических трудах. Первофантазмам, которыми принято считать фантазмы о соблазнении, кастрации, возвращении в утробу, каннибалистической трапезе и первосцене, отводится роль элементов психической реальности, структурирующих ее определенным образом.

В тот переломный момент, когда Фрейд, можно сказать, фундаментально меняет свой подход к осмыслению психической жизни, утверждаясь в том, что на реальность далеко не всегда можно и нужно опираться, исследуя путь возникновения симптома, в тот момент, когда он пишет в письме к Флиссу, что отказывается от своей невротики, – появляется то, что он называет первофантазмом, который впоследствии будет занимать центральную роль в психоаналитической теории. Разрешение этого вопроса и в самом деле было невероятно важным для будущего психоанализа, поскольку нужно было, чтобы то, стоит за фантазмом, в таком случае «было приведено к чему-то, что превосходит и пережитое индивидом, и воображаемое».

В ходе анализа случая Сергея Панкеева Фрейд приходит к тому, что, занимаясь психоанализом, мы в сущности имеем дело с психической реальностью. «Необходимо, однако, подчеркнуть, что само выражение "психическая реальность" – это не просто синоним внутреннего мира, психики в целом и пр. В самом глубоком своем фрейдовском смысле оно означает устойчивое и независимое от окружения ядро сопротивления, которое единственно можно считать "реальным" на фоне других психических феноменов» (Ж. Лапланш, Ж.-Б. Понталис, 1985).

В словаре Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понталиса фантазм определяется следующим образом: «Воображаемый сценарий, в котором исполняется – хотя и в искаженном защитой виде – то или иное желание субъекта (в конечном счете бессознательное)». Далее авторы выделяют первофантазмы как «бессознательные фантазии, обнаруживаемые аналитиком в качестве структурной подосновы явного содержания». Такое со временем открывшееся и изменившее во многом вектор развития психоаналитической мысли понимание первофантазма и его роли, как писал Фрейд, может говорить также о филогенетической природе первофантазма (Ж. Лапланш, Ж.-Б. Понталис, 1996).

Кроме того, мы можем обнаружить сходство функций первофантазмов, которые они выполняют для психики субъекта, с ролью мифов в архаическом сознании и функцией, которую они выполняли в первобытной культуре. Одна из важнейших функций мифов – это разъяснение различных явлений, ответы на важнейшие вопросы, которые интересовали представителей древних цивилизаций. Интересно, что темы, раскрываемые в мифологии, очень перекликаются с темами первофантазмов.

Важнейшим для формирования наиболее полного представления о первофантазмах является вклад У. Биона, который предлагает альтернативный взгляд и вводит термин *pre-conception* («преконцепция»). В теории Биона этим термином обозначается некая форма, не имеющая пока что содержания (по аналогии с «мыслью без содержания» у Канта), или, иными словами, форма ожидания, которой свойственна определенная направленность. Таким образом, автор предполагает наличие, к примеру, *pre-conception of the breast* («преконцепция груди») у младенца как изначального знания о груди и о том, что она связана с удовольствием и насыщением. И тогда можно предположить, что *pre-conception* активна и ищет своей реализации и, сталкиваясь с грудью реальной, младенец получает

возможность воспринимать ее, взаимодействовать с ней, и на данном этапе мы можем говорить уже о том, что в теории Биона является *conception* (концепцией). Чувство насыщения, удовольствия (либо также на месте него может быть боль), испытываемое при реализации того, что заложено «преконцепцией» (или же заполнение «содержимым» той самой формы, имеющей predetermined направленность), формирует то, что можно считать уже более сложным, целостным, многогранным образованием – «концепцией», индивидуальной в каждом отдельном случае и имеющей уникальные характеристики.

Почему же *pre-conception* Биона можно считать аналогом первофантазии?

Очевидно, что можно сравнить функции и роль, которую играют первофантазмы в психической жизни субъекта, описанные в предыдущем параграфе, с ролью *pre-conception* в теории мышления, которую описал Блон. Структуру, которой являются первофантазмы, можно сопоставить с формой, которая, согласно его теории, имеет определенную направленность и ждет своей реализации. Но есть еще одно, другого рода сходство между процессом формирования «концепции» и первофантазмом первосцены: процесс сопряжения «преконцепции» с реализацией, в результате которого формируется «концепция», мы можем сопоставить с самой сутью этого центрального первофантазма. Первосцена как соединение подразумевает создание связи, результат которой является ответом на главный бессознательный вопрос – вопрос о происхождении, присутствующий в бессознательном каждого субъекта. «Когда прекоцепция входит в контакт с реализацией, к ней приближающейся, в психике возникает концепция. <...> Эта модель дает нам теорию того, что каждое сочленение прекоцепции с ее реализацией порождает концепцию. Таким образом, можно ожидать, что концепции устойчиво сочетаются с эмоциональным переживанием удовлетворения» (*Bion, 1962*).

И тогда мы можем говорить о процессе мышления (рождения мыслей) как о процессе, аналогичном соединению родителей в первофантазме первосцены, как творческом акте. Эту аналогию можно развивать дальше: в зависимости от характера этой самой «прекоцепции», так же как и от характера первофантазма первосцены и от особенностей, черт, которыми они наделены, зависит дальнейшее развитие (точнее будет сказать, этими характеристиками оно во многом определяется). Невозможность мыслить (т. е. связывать) тогда оказывается сопряженной с невозможностью принять первофантазм первосцены; отрицание процесса, в котором сплетается мужское и женское, в котором, в результате соединения двух разных субъектов (которые, что также бывает довольно сложно принять, являются взаимодополняющими и нуждающимися друг в друге), происходит рождение нового субъекта. Таким образом, вместо усложнения и дальнейшего развития первофантазма первосцены, как это происходит на невротическом уровне, происходит процесс его стирания, как бывает в случае с психотическим уровнем организации. В своей статье Блон приводит пример пациента, который во время сессии галлюцинирует, при этом эта галлюцинация носит весьма нетипичный характер: он говорит

о том, что не имеет возможности видеть то, что видит. Связывая это с материалом пациента, являвшегося свидетелем сексуального акта между родителями, Блон отмечает как один из способов справиться с невозможностью принять удовольствие и близость, переживаемое двумя субъектами, находящимися в сексуальных отношениях, – нападение, атаку на эту связь в форме такого рода «видимо-невидимой» галлюцинации (Blon, 1959).

Изучая работы разных авторов, связанные с фантазмами о происхождении, невозможно оставить без внимания бессознательную фантазию о комбинированной родительской фигуре, о которой пишет М. Кляйн.

Комбинированная родительская фигура – слитый объект в бессознательном ребенка, включающий в себя отца и мать одновременно, являющийся альтернативным вариантом первофантазма первосцены, подразумевающего соединение отца и матери, мужского и женского, – двух разных, взаимодополняющих фигур. В том случае, если в бессознательной фантазии есть такой комбинированный объект, он включает в себя одновременно материнское и отцовское. К примеру, это может быть мать, внутри которой заключен пенис отца. Таким образом сформированный фантазм подразумевает, как следствие полного, тотального слияния, делающего из родительской пары единую фигуру, бесконечное удовольствие, удовлетворение, делающее невозможным разъединение такой пары и порождающее интенсивную, разрушительную зависть у ребенка.

Впервые Кляйн упоминает комбинированную родительскую фигуру в одной из своих работ, говоря о самых ранних тревогах, с которыми сталкивается психика ребенка. Она связывает эти тревоги с разрушительными импульсами, направленными в бессознательной фантазии на такой слитый, комбинированный объект. В этих фантазиях атакуется не только материнская фигура как таковая, а отцовский пенис в материнском теле. И, поскольку на этапе параноидно-шизоидной позиции, когда преобладают выраженные садистические импульсы, в центре внимания оказывается родительская пара, она, став во внутриспсихическом слитой и вместе с тем более угрожающей, подвергается деструктивным атакам, которые впоследствии сопровождаются столь же интенсивным страхом, тревогой, виной, связанной с угрозой потери объекта, с его разрушением (Кляйн, 1929).

Дж. Макдугалл дает первофантазму первосцены следующее определение, которое наиболее полно отражает многогранность понятия «первосцена», а также многообразие форм, которые она может обретать: «Концепция первичной сцены включает в себя весь запас бессознательного знания ребенка и его личной мифологии о сексуальных отношениях людей, в особенности родителей. Помимо генитальных аспектов первичной сцены и связанных с ней фаллически-эдипальных конфликтов (описанных Фрейдом как типичных для невротиков, когда они тормозят какие-либо или все формы либидинозной экспрессии) эта сцена может быть также описана в доэдипальных терминах, таких как орально-эротические и орально-пожирательные фантазии, анально-эротические и анально-садистские обмены, бисексуальная путаница, архаические фантазии

о сосании крови, страх утраты чувства своей идентичности или представления о границах своего тела. Когда такие фантазии играют ведущую роль в психической реальности личности, сексуальные и любовные отношения легко уравниваются с кастрацией, уничтожением или смертью» (Макдугалл, 1999, с. 18).

Первофантазм первосцены объединяет в себе характеристики всех остальных первофантазмов, как более раннего, архаического уровня, такие как фантазм о возвращении в материнскую утробу и о каннибалистической трапезе, так и более зрелые – о соблазнении и кастрации, становясь, таким образом, центральным звеном психической структуры. Следовательно, для наиболее полного и глубокого понимания первосцены необходимо рассмотреть ее не в отрыве, а в совокупности с другими первофантазмами.

Первофантазм о соблазнении является важнейшим компонентом первосцены зрелого, эдипального уровня, в которой он включает в себя элементы сексуальности, наслаждения и удовольствия, связанные с родительской парой. В древнегреческой мифологии Зевс, пользуясь своими чарами, покорял небожительниц, а к земным женщинам являлся, перевоплощаясь в различных людей, а также в животных. Ему удавалось завладеть любой, кто бы ему ни приглянулся, что характеризует этого древнегреческого бога как искусного соблазнителя.

Рассматривая же соблазнение в его нарциссическом аспекте, мы наблюдаем патологическую конфигурацию, становящуюся препятствием для формирования эдипального уровня первосцены.

Здесь нельзя не упомянуть о грани между соблазнением в диаде мать – дитя, необходимом для формирования первичного нарциссизма, когда не только мать соблазняет ребенка к жизни, но и ребенок, в свою очередь, соблазняет свою мать, и таким деструктивным явлением, как злоупотребление материнской властью.

Младенцу необходимо соблазнять свою мать для того, чтобы вызвать в ней желание обеспечивать ему удовлетворение базовых потребностей – в кормлении, безопасности, гигиене. Таким образом происходит сонастройка в рамках диады мать – дитя, необходимая на ранних этапах развития. Винникотт называл состояние женщины, которая недавно стала матерью, «первичной материнской озабоченностью». Такого рода состояние является необходимым для обеспечения такой степени чувствования матерью младенца, такого понимания посылаемых им сигналов, которое является залогом его выживания. Движение от такого рода слияния к сепарации происходит при условии появления третьего – отцовской фигуры (которая необязательно присутствует физически, но может быть только в голове у матери), а также введения цензуры любовницы, которая способствует тому, что эротизированные желания матери, относящиеся к «взрослой» сексуальности, остаются закапсулированными внутри материнской психики, вместо того чтобы быть спроецированными на ребенка.

Однако существует также и альтернативный, патологический путь, когда за неимением такого реального или фантазматического «третьего»,

с которым мать могла бы реализовать сексуальные желания и влечения, «язык страсти» проявляется в отношении матери к своему ребенку, посылая ребенку эротизированные импульсы и интенсивно взаимодействуя с его телом. Здесь мы переходим к соблазнению, которое носит инцестуозный характер (*Ferenczi, 1949*).

При размышлении о дальнейшем протекании развития в таком слиянии становится очевидной невозможность перехода на эдипальный уровень, ведь третьему – отцу – попросту нет места в этой диаде. Необходимую функцию разделения у него выполнить нет никакой возможности, и тогда, в дальнейшем, мы можем предполагать невозможность разрешения эдипова конфликта, в котором ребенок, при успешном его прохождении, отказывается от инцестуозного объекта, принимает ограничения, признает, что есть пара – отец и мать, из которой он исключен в силу того, что он их ребенок, но вместе с тем открываются и новые возможности. В таком случае мы имеем дело с концепцией, которую ввел Поль-Клод Ракамье – ант-эдип. Речь идет о стадии, предшествующей эдипову конфликту, застревание на которой приводит к нарушению нормального развития ребенка: фантазматическая активность становится невозможной, как и связанное с ней формирование автономности, возможности для сепарации, для которой необходимо присутствие разделяющего третьего.

Ант-эдипальная семья в таком случае представляет из себя неизменную, изолированную структуру; психическая экономия в рамках такой семьи ригидная, но и вместе с тем хрупкая. Ант-эдипальной семье также свойственен фантазм о самопорождении, все ее члены будто хранят семейный секрет, живут изолированно от внешнего мира, как бы отрицая и игнорируя реальность, существующую за границами этой семьи – как если бы она не имела к ней никакого отношения (*Racamier, 2012*).

В таких семьях мы можем наблюдать отрицание происхождения, и тогда, самопорождение является семейным фантазмом и влечет за собой отрицание разницы полов и поколений. Таким образом, парадоксальность и отрицание становятся фундаментом, на котором построены взаимоотношения в такой семье. Фантазмы, делающие невозможным формирование первофантазма первосцены как ответа на вопрос о происхождении, являются по своей сути не-фантазмами, поскольку они являются препятствием для фантазматической диалектики более зрелого уровня, которая подразумевает принятие отношений между родителями, к которым у субъекта нет доступа, – и тогда речь идет о первофантазме кастрации, включенном в структуру эдипальной первосцены.

Первофантазм о кастрации является зрелым фантазмом, который связан с введением разницы полов. Кастрационная тревога, сопровождающая субъекта на пути к кастрационному комплексу, при благоприятном развитии становится важным этапом, через который проходит ребенок при развитии способности принимать ограничения, необходимой для формирования зрелой структуры психики. Говоря о комплексе кастрации, мы подразумеваем фаллическую стадию развития, однако на более ранних стадиях также можно обнаружить события, которые позднее,

в последствии, могут приобрести значение кастрации. На оральной стадии прототипом кастрации может стать отлучение от груди. Обращаясь к древнегреческому мифу о Кроносе, вспомним о той его части, в которой он оскопил серпом своего отца Урана, что питал ненависть к своим детям, которых не выпускал из чрева своей жены, доставляя ей невыносимые страдания. Таким образом он, свергнув отца, стал верховным божеством. Инверсированный кастрационный комплекс, реализацию которого мы видим в этом древнегреческом мифе, отлично иллюстрирует символическую роль фаллоса как обладания властью, и, следовательно, лишаясь этого фаллоса, его обладатель лишается своей власти. В данном примере происходит отнятие власти путем кастрации и присваивание ее себе.

Как компонент первосцены первофантазм о кастрации присущ ей, когда речь идет о ее эдипальном уровне. В таком, достаточно зрелом ключе первосцена подразумевает принятие идеи о собственном происхождении посредством соединения отца и матери. Происходит отказ от более ранних фантазмов о самопорождении в пользу установления иерархии, согласно которой ребенок обязан своим происхождением родительской паре и лишен доступа к связывающим родителей интимным взаимоотношениям.

Каннибалистический первофантазм может быть составляющей эдипальной первосцены, ведь мы фрагментарно можем встретить его и в случае зрелой, генитальной сексуальности в виде таких элементов, как поцелуй и оральные компоненты сексуальных отношений, которые включают в себя одновременно компонент первофантазма соблазнения и связаны с сексуальностью и удовольствием, но если же он является ведущим фантазмом в структуре первосцены, она имеет очень ранний, архаический вид угрожающего слияния через поглощение.

Процесс, именуемый в психоаналитической теории интроекцией, тесно связан с каннибалистическим фантазмом, поскольку интроекция подобна поглощению объекта или же отдельных частей объекта. На раннем этапе развития интроекция является фундаментом, на котором затем происходит формирование процесса идентификации. Фрейд, упоминая каннибализм у примитивных народов, писал о том, что, вбирая в себя части тела какого-нибудь лица посредством акта пожирания, они стремились присвоить себе свойства, которыми оно было наделено. Также он упоминает и об отцеубийстве, осуществляемом братьями с целью присвоения силы могущественного отца (Фрейд, 1923).

В древнегреческой мифологии каннибалистическую трапезу олицетворяет бог Кронос, пожирающий своих детей, рожденных богиней Реей, который опасался предсказания Урана, согласно которому один из его детей должен был свергнуть его, – садистический, умерщвляющий акт, совершаемый под угрозой кастрации – лишения власти.

В первосцене мы также можем обнаружить различным образом представленные *компоненты первофантазма о возвращении в материнскую утробу*.

Это самый ранний первофантазм, который отвечает на вопрос «где я был до появления на свет?», вопрос, имеющий отношение к первоначалу, к зарождению жизни. С другой стороны, он символизирует первичный рай, идеальное место, в котором ни в чем нет нужды, нет фрустраций, где можно обрести состояние нирваны, в которое хочется вернуться, но возвращение туда в то же время символизирует смерть.

Помимо компонента удовольствия и наслаждения, присущего фантазму эдиповой первосцены, который связан с обретением первичного рая и у родительской пары есть к нему доступ, в случае архаической первосцены, которая может быть деструктивной и смертоносной, фантазм о возвращении в утробу оказывается по ту сторону жизни и либидо, становится воплощением небытия и убежищем, которое призвано защитить от более зрелой, эдипальной диалектики фантазмов.

Фрейд писал о наличии в психике влечения к смерти, противоположного влечениям сексуального характера. Оно противопоставляется эросу, который отвечает за внутриспсихический процесс связывания влечений за счет энергии либидо. Влечения танатоса определяют стремление живого вернуться к изначальному состоянию, а значит, к неорганическому, что в конечном счете подразумевает смерть (Фрейд, 1920).

В первофантазме о возвращении в материнское лоно компонент влечения к смерти сводится к стремлению к возврату в состояние покоя и безмятежности, к нивелированию напряжения. Младенец, будучи обуреваемым невыносимыми фрустрациями, с которыми вынужден столкнуться в связи с появлением на свет, неизбежно желает избавиться от них, осуществив возврат к прежней форме существования.

Под преобладающим воздействием влечения к смерти, в противовес либидинальной первосцене, предшествующей разрешению эдипова конфликта, отвечая на вопрос о происхождении и являясь фундаментальным фантазмом для формирования генитальной сексуальности, с присущим ей и лежащим в ее основе принципом удовольствия, связывающим мужское и женское в творческом акте, создающем новую жизнь, первосцена становится деструктивным, смертоносным актом, в котором один может уничтожать другого или же в результате которого могут быть разрушены оба. В такой первосцене будет преобладать садистический компонент, который между тем присутствует в первосцене любого порядка, однако может являться как элементом сексуальности, усиливая интенсивность таких ее проявлений, как страстность, ненасытность, непреодолимое желание обладать объектом любви, так и, в случае преобладания этого компонента, может означать причинение боли, нанесение ущерба, разрушение другого.

Первофантазм о возвращении в утробу, превалирующий в структуре первофантазма, как защита от соприкосновения с эдипальным контекстом, может становиться психотическим фантазмом, подразумевающим пребывание внутри тела первобытной, угрожающей материнской фигуры, представляющее собой поглощающую и смертоносную первосцену, внутри которой находится субъект, как бы будучи заточенным в ней, взамен позиции наблюдателя, которая отведена ему в том случае, когда речь

идет о невротической первосцене. Франсис Паш пишет о голове Медузы как о подобного рода архаической первосцене, которую может олицетворять также миф, в котором Кадм сеет, будто семена, зубы змея, которые, прорастая, воплощаются в воинов, сражающихся в ожесточенной битве, уничтожая друг друга. И в том, и в другом примере первосцена – обитель субъекта, в которой он только и может существовать, будучи изолированным от угрожающей внешней реальности и от необходимости инвестировать объекты. «Присутствие отсутствия» – щита, дарованного Персею Афиной, метафорически отражает невыносимость восприятия внешней реальности психотиком, поскольку она обездвиживает и может разрушить его (Паш, 1971).

Для первосцены психотического уровня, таким образом, характерно удерживать субъекта внутри, и тогда первосцена как таковая становится невозможной, ведь невозможно наблюдать ее, принять ее существование. Таким образом, фантазм первосцены аннулируется, ведь такого рода первосцена подобна возвращению в материнское лоно как в убежище от фантазмов. Оно же может стать для психотика и нарциссическим убежищем от реальности, отношений с объектом, связывания, восприятия. В смертоносном (по отношению к дальнейшему психическому развитию) акте субъект возвращается в первичный рай, но это возвращение знаменует отказ от жизни, обусловленный невозможностью устанавливать связи. Последнее есть свидетельство и суть первосцены невротической, являющейся прообразом порождения всех внутриспсихических связей, способности к символизации, торжество эроса над танатосом.

Таким образом, в процессе созревания и по мере приближения к эдипову конфликту первофантазм первосцены трансформируется, видоизменяется, при благополучном развитии приобретая более сложный, зрелый, невротический облик, либо же, как описано выше, он может иметь психотический, искаженный вид в том случае, когда ранние, архаические фантазмы замыкают на себе первосцену, не давая ей приблизиться к эдипальному контексту.

Важно отметить, что ранняя, примитивная, архаическая первосцена неизменно наделяется садистическим компонентом, будь то каннибалистические фантазмы или же фантазмы о насилии и об избиении.

Садистический компонент изначально присутствует в первосцене, поскольку первофантазмы, населяя психическую вселенную с самого начала психической жизни субъекта, на самом раннем этапе развития имеют архаичный вид. Этот компонент сохраняется и в дальнейшем, и, поскольку первофантазмы трансформируются и видоизменяются по мере созревания психики, то, как будет выглядеть первосцена к тому моменту, когда психика столкнется с необходимостью разрешения уже более сложных задач, через которые необходимо пройти для разрешения эдипова конфликта, будет влиять на возможность соприкоснуться с теми чувствами, которые это неизбежно вызывает. В том случае, если садизм преобладает над всеми остальными компонентами, из которых может состоять первосцена, делая невозможным связывание такого количества деструктивности незрелым психическим аппаратом, первофантазм становится

настолько разрушительным, что психика стремится его аннулировать и избежать дальнейшего развития, которое должно произойти в процессе преодоления эдипова комплекса.

Первосцена как акт любви между родителями, как удовольствие, доступное только им, загадочное, тайное, являющее собой творческий акт, в результате которого на свет появляется ребенок, или же как чудовищная, непостижимая, деструктивная, убийственная? Во втором случае с большой долей вероятности она станет воплощением архаического, первобытного ужаса, фантазии о котором попросту невыносимы, и столкновения с этой опасностью необходимо избежать любой ценой. Психический аппарат может осуществить такого рода бегство посредством аннулирования первосцены и регресса к более раннему и примитивному первофантазму возвращения в материнское лоно, и тогда такое решение может являться бегством от фантазмов вообще.

П. Марти пишет, что травма мешает формированию или реализации наиболее развитой на данный момент функциональной организации, в момент травматизации влечение к смерти выходит на первый план. Затем влечение к жизни берет верх в результате событий, в том числе терапевтических, которые способствуют формированию новой организации менее сложных функциональных ансамблей, взамен более развитых – тех, которые не имели возможности сохраниться под воздействием травмы. «Травма, навязывая себя в неассимилируемых формах, превышает возможности эволюции или адаптации наиболее развитых организаций. Таким образом, она оставляет место для дезорганизаций, производимых инстинктами смерти» (*Marty, 1976*).

В том случае, если внешние обстоятельства, под которыми я подразумеваю в первую очередь ранний опыт субъекта, характер взаимодействий с первичными объектами, а также взаимоотношения между ними, свидетелем которых мог стать субъект в первые месяцы и годы жизни, способствовали формированию преимущественно садистического характера первосцены, и в случае, когда этот фантазм не трансформировался в более невротический вид, речь идет о преобладании танатоса – влечения к смерти. В тех условиях, где ранний опыт субъекта оказывается связанным с натиском агрессивных, деструктивных импульсов со стороны первичных объектов или же когда он невольно становится свидетелем смертоносных, угрожающих, разрушительных взаимоотношений между ними, садистическая первосцена насильственным образом, помимо воли субъекта, вторгается в его психику, заполняя ее собой, поглощая, не оставляя пространства для процессов, способствующих формированию способности к символизации – фантазирования и галлюцинирования, посредством которых происходит переработка нового опыта, в ходе которой первофантазмы, модифицируясь, видоизменяясь, формируют психическую структуру. Таким образом, путь развития, предполагающий сперва установление надежного внутреннего материнского объекта и лишь затем выстраивание триангулярных отношений, оказывается невозможным, зачастую нет также возможности сформировать надежную, устойчивую идентификацию с первичными объектами, которая в дальнейшем стала бы основой

для вторичных идентификаций, формирующихся в процессе разрешения эдипова конфликта.

Взамен этого, вместо него происходит конструирование той или иной иллюзорной системы, замещающей эдипов комплекс, о чем пишет Р. Бриттон в одной из своих работ (*Britton, 1989*).

Такие иллюзорные конструкции, которые возникают на месте эдипова комплекса, могут представлять из себя различные конфигурации, но причиной их появления всегда является невозможность формирования эдипальной триангуляции, которая, в свою очередь, может являться следствием травматичного опыта, препятствующего формированию эдипального уровня первофантазма первосцены. И тогда становится понятно, что цель таких формирований – защитить психическую реальность субъекта от столкновения с невыносимыми переживаниями и еще более отдалить от фантазматической констелляции, которая необходима для прохождения эдипова конфликта. Это особого рода искажение, которое, как писал Дж. Стайнер, позволяет «закрыть глаза» на реальность переживаний, с ним связанных (*Steiner, 1985*).

Защитой, в таком случае, могут послужить конструкции, заменяющие эдипов комплекс, позволяющие избежать столкновения с ним, которые могут быть представлены как в виде эдипальных иллюзий, как их описывал Р. Бриттон, подразумевающие знание о существовании отношений между отцом и матерью, нахождение в контакте с этой реальностью, но в то же самое время невыносимость тех или иных чувств, связанных с ней, которая и подталкивает психику к созданию особого рода иллюзорного сценария, так и в виде упоминавшейся мной ранее ант-эдиповой конфигурации, не предполагающей триангулярности, сопряженной с фантазмом о партеногенезе или самопорождении. В последнем случае происходит радикальное отбрасывание идеи собственного происхождения от родительской пары.

В попытках избежать столкновения с тем, более зрелым уровнем первосцены, в которой отец и мать образуют пару, которой сам субъект обязан своим происхождением, появлением на свет, происходит искажение этой реальности, которое может выражаться путем формирования фантазмов, ей противоречащих. Это может быть, к примеру, фантазм о непорочном зачатии (так часто встречающийся в мифологии, к примеру – сюжет из древнегреческой мифологии, в котором Зевс оплодотворяет свою возлюбленную, Данаю, заточенную в подземелье, проникнув к ней виде дождя; также сюжеты о непорочном зачатии известны нам из религиозной мифологии) или же фантазм о самопорождении. В дальнейшем происходит развитие, которое, как и такого рода фантазмы, идет в обход эдипова конфликта, в силу неспособности психики столкнуться с ним.

Возвращаясь к вопросу формирования идентификаций, в случае садистического характера «первосцены», которая вторгается в психику субъекта в виде насильственной, смертоносной реальности, мы можем предположить, что отцовская фигура, олицетворяющая, при нормальном варианте развития, закон и порядок, становится олицетворением угрозы и насилия, агрессором, и тогда на месте страха кастрации (если мы говорим

об эдиповом комплексе у мальчика) или же страха утратить любовь объекта (если речь идет об эдиповом комплексе у девочки) может образоваться фантазм об отцеубийстве, который также является частью такой ранней, первобытной, архаической фантазматической констелляции, которая формируется в психике субъекта вокруг смертоносной садистической первосцены и становится ядерным первофантазмом в психической реальности. Материнская фигура становится в таком случае слабой и уязвимой, и идентификация с ней также становится невозможной. Невозможность идентифицироваться ни с отцовским, ни с материнским объектом, ни принять связь между ними и идею своего происхождения в результате этой связи, которая в психической реальности субъекта представлена как акт исключительно насильственный и смертоносный, может также стать причиной возникновения ант-эдипального фантазма о самопорождении.

Невозможность установить надежные идентификации закрывает возможность для проделывания работы, необходимой для преодоления эдипова комплекса, предполагающей чувства, с которыми непросто иметь дело: зависть, чувство исключенности, соперничество, ревность и вина. Такая психическая работа, результатом которой должна стать идентификация с родителем своего пола, а также интериоризация запретов, правил и ограничений, отказ от физической любви к родительским объектам, сопровождающийся работой горя по невозможности отношений с ними, может быть возможной лишь в том случае, когда на более раннем этапе была возможность сформировать надежные внутренние объекты, а также пространство для разворачивания фантазматической активности, подразумевающее определенный уровень абстиненции, способствующий развитию символизации и ментализации. Такой ранний опыт закладывает фундамент для того, чтобы чувства, с которыми заставляет соприкоснуться эдипов комплекс, было возможно переработать, чтобы они не были слишком травмирующими и разрушительными. В том случае, когда вторжение реальности настолько интенсивно, что не оставляет шансов на трансформацию, преобразование первофантазмов, «дозревание» их до эдипального уровня, психический аппарат избирает путь, который в таких обстоятельствах выглядит более безопасным – путь избегания.

Одной из главных характеристик эдипальной первосцены, бесспорно, можно считать исключенность из нее субъекта. Как следствие исключенности происходит открытие внутриспсихического пространства, в котором на множественных сценах разворачивается множество «спектаклей», конструируется множество фантазмов – происходит развитие психического аппарата. Что же произойдет, если заменить фундаментальный компонент исключенности на насильственное, агрессивное вторжение «первосцены» реальной? Очевидно, на смену развитию фантазматической активности придет ее блокировка, бегство от первобытного ужаса, возникающего в психике ребенка в ответ на столкновение «лицом к лицу» с таким опытом, – посредством регрессии на один из предшествующих уровней развития.

Фиксация первофантазма первосцены на раннем, доэдипальном уровне, которая может произойти в том случае, когда он имеет садистический, смертоносный вид, при отсутствии или слишком низком уровне либидинального инвестирования, связывания за счет эроса деструктивности, не позволяет установить надежные идентификации с первичными объектами, способствующие разрешению эдипова конфликта через переработку и связывание деструктивных влечений, вызываемых ревностью, завистью и соперничеством, к которым подталкивает столкновение с эдиповым комплексом.

Характер ранней триангуляции, а также установление первичных идентификаций, сформировавших к этому этапу центральный первофантазм, который в силу своих сокрушительных, смертоносных характеристик повлек за собой сложность в формировании более зрелых идентификаций, разрушительным образом влияет на возможность прохождения эдипова конфликта, провоцируя тем самым создание разного рода эдипальных иллюзий, а также структурирование психики посредством ант-эдипальных фантазмов, служащих защитным образованием, возникающим ввиду невозможности развития психического аппарата в направлении его структурирования посредством преодоления эдипова комплекса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кляйн М.* Ситуации инфантильной тревоги, отраженные в произведениях искусства и творческом импульсе // *Психоаналитические труды: в 7 т. / Пер. с англ. под науч. ред. С. Ф. Сироткина и М. Л. Мельниковой.* Т. 2: «Любовь, вина и репарация» и другие работы 1929–1942 гг. Ижевск: ERGO, 2007. С. 19–31.
2. *Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.* Первофантазм. Фантазм первоначал. Первоначало фантазма // *Французская психоаналитическая школа: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Психология», «Клинич. психология» / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина.* Москва [и др.]: Питер, 2005 (ГПП Печ. Двор). 574 с. (Антология современного психоанализа / Международный психоаналит. ассоц.).
3. *Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу / Пер. с фр. и предисл. Н. С. Автономовой. Москва: Высш. шк., 1996. 623 с.
4. *Макдугалл Дж.* Тысячеликий эрос / Пер. с английского Е. И. Замфир под редакцией проф. М. М. Решетникова. Спб.: Совместное издание Восточно-Европейского института психоанализа и Б&К, 1999. 278 с.
5. *Паиш Ф.* Щит Персея, или Психоз и реальность // *Французская психоаналитическая школа: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Психология», «Клинич. психология» / Под ред. А. Жибо, А. В. Россохина.* Москва [и др.]: Питер, 2005 (ГПП Печ. Двор). 574 с. (Антология современного психоанализа / Международный психоаналит. ассоц.).
6. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия: сборник / Сост., послесл., и коммент. А. А. Гугнина. Москва: Прогресс: Литера, 1992. 567 с.
7. *Фрейд З.* Тотем и табу / Пер. с нем. М. В. Вульфа. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. 253 с.

8. Britton R. (1989). The missing link: Parental sexuality in the Oedipus complex, in J. Steiner (ed.) *The Oedipus Complex Today* (pp. 83–101). London: Karnac.
9. Racamier P.-C. (2012). *Les Perversions Narcissiques*. Paris: Payot, DL.
10. Bion W. R. (1959). Attacks on Linking. *The International Journal of Psychoanalysis*, 40: 308–331.
11. Bion W. R. (1962). A theory of Thinking. *The International Journal of Psychoanalysis*, 443: 306–310.
12. Ferenczi S. (1949). Confusion of the Tongues Between the Adults and the Child (The Language of Tenderness and of Passion). *The International Journal of Psychoanalysis*, 30: 225–230.
13. Marty P. (1976). *Les mouvements individuels de vie et de mort, Essai d'économie psychosomatique*, Éditions Payot.
14. Steiner J. (1985). Turning a blind eye: The cover up for Oedipus, *Int. Rev. Psychoanal*, 12: 161–172.

The Sadistic Primal Scene and its Influence on the Oedipal Complex

M. V. Politsina

Politsina Margarita V., is a psychoanalytically oriented psychotherapist.

The Primal Scene is a complex multilevel construct undergoing numerous transformations at the early stages of the subject's development, because of which the archaic, pre-oedipal Primal Scene, as it approaches the stage of the Oedipal conflict, acquires a more neurotic, mature form. However, there is a different way of development chosen by the psyche in conditions when a rough, threatening reality takes place of phantasmatic activity. Destructive, deadly relationships between parents, in which the child is often involved, contribute to the endowment of the Primal Scene with predominantly sadistic characteristics, which does not allow the dialectic of phantasms to unfold, because of which the first scene acquires an oedipal appearance. This, in turn, leads to the formation of ant-oedipal phantasms that prevent the overcoming of the Oedipal complex.

Keywords: primal scene, primal phantasms, oedipal complex, ant-oedipus, sadism, drive of death.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИЗ ЛИДЕРСТВА

Влияние психодинамических процессов лидера на динамику организационной трансформации

М. С. Ярина, Е. В. Джабар-Заде

Ярина Мария Сергеевна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный коуч, организационный консультант, психолог (НИУ ВШЭ), член Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК).

Джабар-Заде Екатерина Викторовна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), организационный психолог, психодинамический организационный консультант и коуч, преподаватель магистерской программы «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член и сертифицированный коуч Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК).

Данная статья посвящена рассмотрению влияния роли руководителя, лидера на трансформационные процессы, происходящие в организации, в том числе вызванные кризисом, с точки зрения психодинамического подхода. Подробно рассмотрена взаимосвязь бессознательных процессов руководителя организации с прохождением трансформационного процесса организацией. Выводы, которые были сделаны в данной статье, могут быть использованы при работе с организациями, находящимися в процессе трансформации.

Ключевые слова: руководитель, лидер, организация, первичная задача, психодинамические процессы, трансформационный процесс.

Экономическая и геополитическая ситуация, которая сложилась сейчас в России и во всем мире, крайне непредсказуема и порождает значительное число дестабилизирующих экономические отношения факторов. При этом происходит сильное психологическое давление на людей, на руководителей организаций, которые вынуждены принимать решения в сложной кризисной ситуации, для того чтобы сохранить свой бизнес.

Мировой кризис, нестабильность, цифровизация, запрос на устойчивое развитие, транспарентность, создание адаптивных структур, устойчивых к таким вызовам, как COVID-19, экономическому кризису, при этом разделение целей устойчивого развития и встраивание ESG-повестки ставят перед руководителями и лидерами организаций существенные вызовы. С одной стороны, они несут в себе возможности, с другой – есть риск обострения имеющихся конфликтов и проблем.

На трансформационный процесс в организации оказывают влияние не только внешние факторы (законодательное регулирование, состояние мировой экономики) и внутренние факторы (корпоративная культура, организационный контекст), но и бессознательное организации. Бессознательное организации – это бессознательное отдельных лидеров и сотрудников, коллективное бессознательное. Представляется, что учет бессознательных факторов за счет применения психодинамического подхода в работе с организациями и их лидерами поможет организации более эффективно и безболезненно пройти трансформационный процесс и получить ожидаемую в результате процесса трансформации цель и прибыль.

В современном мире умение преодолевать кризис перестает быть узким профессиональным навыком руководителя или способностью лидера. Оно стало необходимым не только для руководителя, но и для каждого человека. Для этого необходимо обладать определенной психологической устойчивостью.

Текущая ситуация на международной политической арене, экономические санкции в адрес России – все это вызывает большое напряжение и тревогу в организациях и влияет на процесс принятия решений, способы ведения бизнеса и вовлеченность сотрудников.

Коммуникации между бизнес-структурами, сотрудниками политизируются, подтверждая тот неоспоримый факт, что внешний контекст оказывает существенное влияние на внутренний контекст каждого индивида, на контекст организации.

Акцент на стратегических целях развития организации, использование долгосрочного планирования, современных коучинговых и психологических инструментов уверенно вошли в повестку деятельности крупных компаний.

Кризис, трансформационный процесс, турбулентность – одни из постоянных составляющих работы российских лидеров в организациях. От действий руководителей, их решений зависят результативность бизнеса и благополучие сотен, а иногда и тысяч сотрудников.

На основе одного из опросов высших руководителей российских компаний – предпринимателей, CEO- и топ-менеджеров – мы делаем следующие

наблюдения: их реакция на кризис в первые недели распределилась между стратегией взять паузу и посмотреть, что будет (46%), и активно производить организационные изменения, искать новые проекты и ресурсы (43%) («Сколково», 2022). Средний уровень определенности будущего в эти недели – 4,99 из 10. Ключевыми лидерскими вызовами или «головными болями» в первые недели кризиса стали: туманная перспектива, нарушение поставок, обрыв сбыта, вопросы с ресурсами и активами, ликвидность и цены, состояние команды, ограничения по IT- и программному обеспечению, неясные юридические требования и последствия. Среди лидерских установок по отношению к происходящему выделяется ориентация на сохранение «холодной головы», поддержку других и возвращение авторства своей жизни в ситуации, когда события находятся вне личного контроля.

Мы можем очертить круг ключевых вызовов руководителей: неопределенность завтра, ежедневно меняющиеся условия, ухудшение ситуации, невозможность выстроить стратегию и влиять на ситуацию, риск большого спада, закрытия организации, потери клиентов, высокая инфляция и цены, курсовая разница, нестабильный курс, снижение доходов населения, логистика, перебои с поставками, стоимость сырья, товаров. Среди основных проблем отчетливо выделяется психологическое состояние людей и самих руководителей. Как мотивировать себя и других?

Текущий кризис охватывает широкий круг областей жизни организации. С учетом нашего интереса их можно разделить на две большие группы – вызовы ведения бизнеса и собственно вызовы лидерства в узком смысле слова. Среди вызовов для руководителей можно отметить: ежедневные изменения (особенно в начале кризиса), невозможность прогнозов, психологическое состояние команды, удержание людей, вынужденные сокращения, собственный настрой руководителя.

Психодинамический подход и его возможности в работе с организацией и лидерами

Психодинамический подход берет свое начало в психоаналитических теориях человеческого поведения Фрейда. В частности, этот подход обращает внимание на источники энергии и мотивационные силы, которые управляют человеческими действиями, рассматривая то, что находится «внутри»: внутренний мир людей, включая их эмоции, отношения между людьми и в «реальности», которая создается динамикой групп (*Neumann & Hirschhorn, 1999*).

Сам Фрейд не делал никаких прямых замечаний о применении своих идей в рабочем мире, но психоаналитическая парадигма была подхвачена многими его современниками и стала важнейшим элементом анализа современного общества. Многие ученые, находящиеся под влиянием работ Фрейда, применяли аспекты психодинамической парадигмы к рабочему месту, утверждая, что внутренний мир лидера – его или ее опыт раннего

детства и связанные с ним надежды, страхи и желания – оказывает чрезвычайно важное влияние даже при систематическом воздействии на него в организациях и его нельзя игнорировать (Эриксон, 2021).

Основанный в 1946 году лондонский Тависток объединил прославленную группу психоаналитиков, таких как Эллиот Жак, Уилфред Бион, Джон Боулби, Эрик Трист, Мелани Кляйн и Р. Д. Лэнг. Тавистокская парадигма, или системно-психодинамический подход, опирается на социальные исследования в области групповой и организационной динамики Тавистокского института человеческих отношений и включает в себя ряд концепций, которые определяют основу для групповой и организационной психодинамической работы.

Ларри Хиршхорн, еще один влиятельный исследователь организационной динамики, использовал термин «прикладная клиническая практика» для описания организационных консультационных мероприятий, которые включали диагностические методы и действия, основанные на клиническом, прикладном подходе: системное исследование организации, групповых и организационных процессов и использование теории личности. Его исследование «Рабочее место внутри: психодинамика организационной жизни» (*Hirschhorn, 1988*) открыло путь к лучшему пониманию иррационального и эмоционального характера организаций. С целью создания более здоровой организационной культуры Хиршхорн предложил системную психодинамическую модель работы, предполагающую работу с реальными клиентами над практическими результатами путем обращения к скрытым и бессознательным механизмам, лежащим в основе моделей организационного поведения.

В настоящее время психодинамический подход широко используется для исследования динамики и функционирования лидеров и организаций.

Отношение лидера, руководителя к происходящему – краеугольный камень лидерства в кризис. Ощущение безнадежности, оптимизм, принятие ситуации или отстраненность – все это разные установки, которые влияют на то, как будет действовать лидер, как много усилий будет предпринимать при неудачах и что будет транслировать другим. Особенность переживания данного кризиса, как признают многие руководители, – в циклической смене их отношения к происходящему: от тревоги, подавленности, катастрофизации к умеренной надежде, уверенности и рабочему настрою. Эти циклы можно объяснить предельной изменчивостью потока новостей и прогнозов. От самых катастрофических сценариев будущего бизнеса, экономики, страны и мира до умеренно обнадеживающих сценариев.

Руководители организаций, переживающие кризис, как организационный, так и личный, нуждаются в поддержке и новом опыте рефлексии чувств, которые благодаря кризису оказались для них чрезмерными и затапливающими, неожиданно вырвавшимися на свободу.

Задача психодинамических консультантов – создать для руководителя доверительное и безопасное пространство, в котором его не будут критиковать и осуждать. В самом начале кризиса руководители нуждаются в восстановлении баланса и обретении опор. Очень важную часть работы

составляет контейнирование противоречивых и сложных чувств, переживаний. Важно, чтобы руководитель вернулся в думающую, взвешенную позицию, в которой сможет решать первичную задачу и принимать обдуманные решения.

Внешний контекст также оказывает сильное влияние на психологическое состояние руководителей организаций. В процессе работы с руководителями мы отмечаем, что у них наблюдается потеря связей с сотрудниками организации, с партнерами, клиентами, с самой организацией как отдельно стоящей фигурой, с непрерывным информационным потоком, с собственным Я руководителя, его желаниями, стремлениями, планами. С одной стороны, безусловно, мы наблюдаем тенденцию перекладывания ответственности на неких Других, что соответствует действительности, но при этом важно не забывать о собственной ответственности за действия, поступки. Как он переживает данную ситуацию? Что происходит в организации? Что происходит внутри него самого?

Как универсальная тенденция развития крупнейших корпораций трансформационные процессы носят противоречивый характер. Организация всегда отыгрывает роли своего лидера-собственника-управленца. При этом трансформационные процессы демонстрируют готовность организации меняться, несут проактивный, жизнеутверждающий смысл. В этом ключе заглавную символическую роль играет именно психодинамика внутри организации, одним своим существованием меняя взгляд на организационные, экономические, правовые аспекты изменений.

Психодинамика в бизнесе позволяет нам показать, как бессознательные и сознательные процессы внутренней личной психики руководителей влияют на корпоративную организационную динамику.

Использование психодинамического подхода становится мощным оружием для достижения целей организации и раскрытия сильных сторон членов команды, усиления привлекательности самих лидеров в глазах работников.

Одновременно психодинамические процессы, происходящие в организации, могут нести и негативный окрас и быть направленными не на решение организационных задач, а на развертывание внутреннего театра и удовлетворение нарциссических потребностей руководителей.

Использование психодинамического подхода в организациях возможно, когда руководство организации разделяет этот подход и готово само работать в психодинамическом ключе. И если это происходит, то становится инструментом укрепления внутренней сплоченности внутри компании, положительного воздействия на различные грани взаимодействия между сотрудниками и руководителями. И напротив, если руководитель не готов принимать природу взаимоотношений внутри компании, опирается только на бизнес-процессы без учета личностных факторов, это нарушает сколь угодно успешный бизнес-процесс и принципы межличностной коммуникации.

Сложившаяся ситуация показывает необходимость ее углубленного изучения в организациях, которые взяли для себя планку устойчивого развития с целью поиска тех возможностей и инструментов, которые будут

способствовать успешному преодолению кризиса и прохождению трансформационного процесса.

Отметим, что на психодинамические тенденции в организации оказывает влияние координационная деятельность руководящего состава организации, которая зачастую обременительна в силу наличия противоположных позиций у топ-менеджеров, руководителей структурных подразделений по принципиальным вопросам, что становится ключевым конфликтом для трансформационного процесса и для организации эффективного взаимодействия при продвижении идей и целей устойчивого развития организации. В связи с этим особенно интересным представляется вопрос рассмотрения бессознательных процессов лидеров организаций и наблюдение за психодинамическими аспектами трансформации в организации.

Психодинамика процесса трансформации в организации

Любая организация нуждается в изменениях. Это понимают все члены организации. Но, как показывает практика, все не так просто. Трансформация – это всегда про выход из привычных условий. Именно это и является причиной конфликтов и иных проблем, сопровождающих сложный, но необходимый переход.

При анализе организации мы рассматриваем ее как систему. Системная теория берет свое начало в общей теории поля К. Левина, которая получила развитие в трудах многих последователей (*Lewin, 1999*). Организация как система имеет свою сознательную (рациональную, согласно всем уставам, регламентам, должностным инструкциям, приказам) жизнь, а также бессознательную. Все сотрудники организации, проводя большую часть жизни на работе, оказывают друг на друга влияние и сами находятся под влиянием стиля управления и взаимодействия с ними своего руководителя. Безусловно, важно понимать контекст, в котором функционирует организация, как внешний, так и внутренний.

Рассматривая трансформационные процессы в организации, скорректированные текущим внешним контекстом, мы можем наблюдать противодействие двух противоположных тенденций – стремления к изменениям и сопротивления изменениям. И руководителю в данном ключе крайне важно брать ответственность за трансформационные процессы и уверенно вести компанию к трансформации. Для этого внутри самого руководителя должно быть четко сформулированное решение, он не должен колебаться, ведь все его внутренние процессы могут привести к тому, что будет упущено время, компания может понести серьезные финансовые и репутационные потери. При всем этом мы должны осознавать, что ожидания, которые возникают у организации в процессе трансформации, относительно того, как этот путь будет проходить, могут быть чаще всего парадоксальны и противоречивы и в связи с этим не могут быть полностью удовлетворены (*Thornton, 2016*).

Для эффективного управления компанией необходимо понимать не только организационный контекст, но и психодинамические процессы,

происходящие внутри компании. Руководителю важно задуматься о том, в какой точке стоит компания в начале вхождения в трансформационный процесс. Поэтому размышления о том, как работают руководство и сотрудники компании, о внешнем контексте необходимы как для проведения внутреннего анализа организации, так и для того, чтобы увидеть сильные и слабые стороны основных акторов корпоративного мира.

Анализируя динамику организаций, нам важно выявить наиболее очевидный «симптом». Симптом – это не всегда внешнее проявление, а проявление внутренних особенностей. Нам как психодинамическим консультантам, психологам важно понять, ответить на вопрос: что лежит за внешне наблюдаемым феноменом, симптомом? Какова истинная причина?

Без понимания причины невозможно изменить ситуацию в организации. Важно это всегда иметь в виду. Ведь если мы не знаем причину, она найдет возможность проявиться в другой сфере. Психодинамический подход как раз направлен на поиск причины. Внутри организации важно выявить особенности каждого человека, чтобы способствовать его более эффективному развитию.

Безусловно, нам как консультантам важна связь не только с личностными аспектами, но и коллективными. Таким образом, мы используем системно-динамический подход. Важно рассмотреть, что есть организация и какова ее роль с психодинамической точки зрения.

Любое развитие – человека, организации, страны – предлагает трансформацию и требует поступательного движения в заданном направлении для достижения поставленных целей. Поэтому мы рассматриваем организацию как динамическую систему, которая подвержена влиянию как внешних, так и внутренних факторов.

Практикующий психоаналитик Антон Обхолзер в своей книге «Бессознательное на работе» (*Obholzer, 2009*) достаточно подробно рассматривает и раскрывает понятия власти, авторитета, полномочий и лидерства, обстоятельно раскрывая взаимосвязи между этими понятиями. А. Обхолзер вводит понятия полномочий «сверху», «снизу» и «изнутри». Для достаточно хорошей власти лидера необходим баланс между всеми тремя видами полномочий. Также Обхолзер отмечает важность ответственности, которую несет лидер с определенным уровнем полномочий, власти и авторитета. На мой взгляд, понятие ответственности является одним из краеугольных понятий для руководителя, так как он отвечает за организацию как систему, за сотрудников и в первую очередь за себя, особенно при преодолении кризиса.

В процессе решения первичных задач между руководителем и подчиненными формируется связь, обусловленная не только их организационными ролями и должностными инструкциями, но и характером межличностной коммуникации, возникающей между ними, эмоциональными связями, установившимися в результате взаимодействия.

Психоаналитический взгляд на руководителей и их роли очень широк и разнообразен. Зигмунд Фрейд в свое время рассуждал о лидерстве в разрезе психологии масс. Он утверждал, что потребность в лидере у индивида является инстинктивной. В своей работе «Психология масс и анализ

человеческого эго» (Фрейд, 2022) он отмечал, что последователи имеют сильную эмоциональную привязку к лидеру. Также Фрейд считал, что эмоциональная привязанность существует не только между лидером и последователями в группе, но и между самими последователями. Таким образом очевидно, что для того, чтобы понять психодинамические процессы, происходящие в организации, необходимо понять ее руководителя и увидеть внутренние процессы, которые происходят в нем. Отметим, что, согласно Фрейду, отношение к руководителю всегда неоднозначно, амбивалентно, как к отцовской фигуре.

Трансформационный процесс лишь усиливает и так имеющиеся конфликты и тревоги. Это в свою очередь способствует пониманию бессознательных процессов в организации. Психодинамический подход позволяет понять, что личностные качества, психологическая структура личности оказывают существенное влияние на поведение человека в организации. Эти факторы на первый взгляд незаметны и не поддаются непосредственному наблюдению, но степень их влияния очень высока.

Сложное отношение к трансформационным процессам, вызванным кризисом, обусловлено осознанием действия ряда проблем, в том числе психологического характера. Многие люди достаточно медленно адаптируются к нововведениям, причем гораздо медленнее, чем происходят сами изменения. Отметим, что организации всегда склонны сопротивляться нововведениям, даже если они повышают эффективность их функционирования, а это приводит к конфликтам.

Психологические особенности отношения руководства организации и сотрудников к нововведениям, ожидания, надежды и опасения, степень информированности и многое другое сильно влияют на ситуацию в организации. В результате могут возникнуть обстоятельства, которые способствуют или препятствуют трансформационному процессу, причем немало из них могут привести к сильным конфликтам. Такие обстоятельства возникают по двум причинам: из-за очевидного ухудшения ситуации от нововведений для большинства работающих в организации и недостаточной информированности о процессах, происходящих в организации, психологической неготовности сотрудников и самих руководителей к изменениям.

Психологические барьеры препятствуют осуществлению трансформации деятельности и процессу выхода из кризиса. Они создают отрицательную мотивацию и негативное отношение к трансформации. Невозможно отрицать, что в процессе трансформации у руководителей организаций и сотрудников возникают психологические барьеры, из которых самыми распространенными являются следующие: сомнения в своей квалификации и наличии необходимых компетенций, возможное или реальное увеличение нагрузки, размера дохода, необходимость компенсации за переработки, вознаграждения, изменения сложившихся, устоявшихся правил выполнения определенной работы, территориальное изменение места работы, изменение корпоративной культуры, имиджа и статуса организации и многих других. Данные психологические барьеры, особенно транслируемые руководителем, могут формировать отрицательное отношение

к изменениям в организации и существенно тормозить нововведения и переход к курсу на устойчивое развитие. А это в свою очередь может приводить к усугублению конфликтов.

Трансформационные конфликты в организациях всегда связаны с консолидированными действиями не принимающих изменения сотрудников. Когда оппонентом является группа сотрудников, у каждого из ее участников возникает ощущение силы, уверенности, поэтому они с большим напором и уверенностью идут на обострение конфликтов и противоречий. В связи с этим в процессе трансформации важно заранее создавать благоприятную среду для доверительного, уважительного пространства, в котором можно снять первичные тревоги и страхи от процесса изменений. Руководителю важно обеспечить своевременное информирование о предстоящих изменениях.

Важно, чтобы руководитель четко знал, что он транслирует своим сотрудникам, для этого ему самому важно иметь свое внутреннее четкое видение ситуации, очищенное от бессознательных страхов, сомнений, неуверенности в себе и принимаемых решениях. Информация должна быть достоверной, полной, понятной, непротиворечивой.

Рассматривая трансформационный процесс в организации через призму психодинамического подхода, важно сосредоточиться именно на ценностных установках руководителя, сотрудников, организации как системы. Важно обратить внимание на удовлетворение потребности руководителя в содержательной работе, так как именно в ней он проявляет свою личность, а не только выступает как должностное лицо в иерархической структуре организации с определенным статусом и ролями.

В процессе работы важно привести руководителя организации и организацию в точку совпадения формальных и неформальных структурных и динамических аспектов жизнедеятельности организации, к связи ее экономической эффективности и комфортной психологической среды.

Поэтому в последние годы мы видим увеличивающийся интерес организаций к процессу психодинамического анализа их деятельности, что дает возможность по-новому подходить к решению сложных проблем, которые стоят перед современными компаниями. И здесь важно провести диагностику не только на уровне миссии, первичной задачи, но и на уровне тактических и стратегических целей компании.

Понимание психологических мотивов действий сотрудников, своих действий и решений как руководителя позволяет руководителю более эффективно реагировать на вызовы окружающей среды.

Психодинамический подход представляется наиболее важным и значимым в работе с организациями, так как совмещает в себе и психологические знания и компетенции, и психоаналитическую парадигму при изучении динамики организации и ее сотрудников.

Гуру психологии лидерства профессор Манфред Кетс де Врис обращает внимание, что рациональный подход к управлению, который предполагает, что человеческие существа могут управляться логичными рациональными моделями организации, является ошибочным. Он отмечает, что топ-менеджеры не являются абсолютно рациональными существами,

что они могут испытывать эмоции, надежды или фантазии, что в значительной степени определяет то, как они управляют своими корпорациями (*De Vries, 1984*).

Надо понимать, что в результате работы возможна регрессия в детское состояние, клиент возвращается к своим чувствам, начинает понимать, о чем на самом деле для него эта ситуация с трансформационным процессом в организации.

В итоге работы большая трансформационная цель – перестройка бизнеса для преодоления кризиса – распадается на стратегию маленьких шагов, клиент понимает, что он может сделать здесь и сейчас как руководитель для себя и для организации, определяет, на чем лучше сконцентрироваться в текущем моменте.

Роль лидера и влияние его психодинамических процессов на организационную трансформацию

Степень активного позиционирования и втягивания в контекст трансформационных изменений на рынке зависит от того, кто стоит во главе компании. Что движет человеком, какие бессознательные процессы привели его к власти, что значит для него власть и какой «театр» разворачивается внутри организации.

Представляется важным уделить внимание руководителю организации, который сталкивается с проблемами, конфликтами, вызовами, сложностями в процессе управления компанией. Перед руководителем и перед психодинамическим консультантом встает множество вопросов: какие компетенции нужны руководителю в контексте трансформации организации с курсом на устойчивое развитие, есть ли они у него и, если нет, то планирует ли он их приобрести, готов ли тратить на это свое время и усилия? По сути, мы рассматриваем два живых организма в процессе взаимодействия – лидера и организацию. И бессознательное руководителя, его личностные конфликты, ограничения, убеждения, забирает ресурс не только у него как у индивида, но и у организации в целом, тормозит или даже делает невозможным трансформационный процесс.

Роль руководителя, который является формальным лидером, его модель управления, межличностной коммуникации и невербального общения оказывает самое непосредственное влияние на климат внутри организации и на ее эффективность. И здесь мы видим, что иерархия, установленная в организации, безусловно, важна, но, если что-то каждый раз происходит не по плану, не достигаются запланированные финансовые показатели, невозможно выйти на новые рынки, войти в топ компаний своей отрасли, это говорит о существовании чего-то в организации, что препятствует реализации задуманного. И поэтому крайне важно, помимо безусловно подробного изучения внешних условий, иерархической структуры и функционала каждой единицы в управлении, понимания разделения полномочий смотреть на организационный контекст с точки зрения театра эмоций, который разыгрывается ежедневно, видеть динамику происходящих процессов, смотреть и анализировать, кто на самом деле

является тем лидером в компании, кто тот агент изменений, который, если поддержит трансформационный процесс и переход на новый этап развития, станет проводником.

В основе лидерства лежит нарциссизм, который Фрейд (1914) резюмировал как поведение, варьирующее от нормального личного интереса до патологической эгоцентричности. Он дает лидерам уверенность в правоте своего дела, что, в свою очередь, вдохновляет на лояльность и групповую принадлежность. Нарциссизм же может быть как конструктивным, так и реактивным (Кетс де Врис и Миллер, 1985; Кетс де Врис, 2004).

В роли лидера конструктивные нарциссы, как правило, относительно хорошо сбалансированны, обладают жизненной силой и чувством собственного достоинства, способностью к самоанализу и эмпатии, вдохновляют других. Напротив, реактивные или чрезмерно нарциссические лидеры, как правило, заиклены на вопросах власти, статуса, престижа и превосходства. Их часто побуждает к достижениям потребность отомстить за предполагаемое пренебрежение, пережитое в детстве. Не желая мириться с разногласиями и критикой, такие лидеры редко советуются с другими. В результате реактивные нарциссы действуют в своей собственной реальности и могут нанести ущерб организации.

Организации создаются лидерами, у которых есть свое видение, идеи, ценности, ресурсы и возможности для воплощения их в жизнь. Лидер выстраивает организацию, организационную структуру в том ключе, в котором он ее видит, параллельно он стремится объяснить свое видение, свои планы своим сотрудникам, инвесторам, совету директоров и т. д. Ставя перед собой цель провести организацию через трансформационный процесс, чтобы преодолеть кризис и сохранить бизнес, руководитель может столкнуться с несколькими сложностями:

1. Изначальное представление руководителем процесса трансформации компании может не совпадать с его же видением развития организации.
2. Презентация процесса трансформации организации может отличаться от видения процесса руководителем.
3. Сотрудники организации могут совершенно по-иному трактовать процесс изменений, в который вступает организация.
4. Отсутствие в организации сотрудников, способных успешно внедрять план по трансформационным изменениям в компании.

В связи с этим представляется важным найти динамический баланс между всеми этими неопределенностями, возникающими при претворении в жизнь идей руководителя, и эффективным использованием ресурсов (Hutton, 2014).

Сотрудники организации, как и сам лидер, могут противиться процессу трансформации, как чему-то новому, неизведанному, так как это вызывает у них тревогу. Отметим, что абсолютно все организации имеют свои собственные защитные механизмы от тревоги, вызванной изменениями, нововведениями и даже выполнением своей первичной задачи (primary task). Защитные механизмы помогают сделать процессы более безопасными и приемлемыми для организации, ее сотрудников и руководителей. Но вспомним Ларри Хиршхорна, который отмечал, что избегание

тревоги требует своей эмоциональной платы, которая может привести к выгоранию, так как приходится удерживать некий неприятный факт (в нашем случае – трансформационный процесс) или чувство от его осознания (*Hirschhorn, 2010*).

Отметим, что защита от тревожной для руководителя трансформационной задачи приводит к его своеобразному бегству от этой задачи, что снижает эффективность функционирования организации в целом. Так как это можно рассматривать как некую защиту от реально существующих факторов как внешней, так и внутренней среды – своеобразную защиту от реальности происходящего.

Руководители, находясь в состоянии сильной тревоги, перестают качественно и эффективно выполнять свою организационную роль, поскольку они неспособны в данный момент учиться на своем опыте (*Bennis & Shepard, 1956*). Руководителям важно развивать умения анализировать как собственную тревогу, так и тревогу организации, отделять одну от другой, преодолевать все возникающие преграды для эффективного прохождения трансформационных процессов.

Практическое применение психодинамических методов в коучинге лидеров организаций

В рамках нашего исследования была выдвинута гипотеза о том, что бессознательные процессы лидеров в организации влияют на процесс ее трансформации; использование психодинамического подхода в работе с организациями и их лидерами помогает организации более эффективно проходить трансформационный процесс.

Объектом исследования являются отношения руководителя с сотрудниками компании и организацией как единым механизмом в условиях трансформационного процесса, а также пространство его личных взаимодействий внутри организации. Предметом исследования является психодинамический подход, применяемый организацией в целях успешного и более быстрого и эффективного прохождения трансформационного процесса и усиления внимания к особенностям перехода к стратегии устойчивого развития.

Для подтверждения гипотезы была проведена индивидуальная коучинговая работа в психодинамическом подходе с тремя клиентами-лидерами организаций. Особенности выборки клиентов было наличие курса на устойчивое развитие и интеграцию ESG-повестки в деятельность организации. С каждым руководителем было проведено три сессии, длительностью 50 минут. Первая и вторая сессии супервизировались в обязательном порядке у сертифицированных супервизоров.

В рамках исследования была использована проективная методика «Рисунок организационной роли». Этот подход основан на идее о том, что роль является тем, что связывает индивида с системой, и то, как индивид «берет» на себя роль, зависит, сознательно и бессознательно, как от личной, так и от организационной части системы (*Мерски, 2021*).

В рамках первой сессии осуществлялось знакомство с клиентом, с организационным контекстом и первичным запросом на работу. После завершения первой сессии клиенту предлагалось нарисовать рисунок своей организационной роли.

Вторая сессия в рамках исследования была посвящена разбору рисунка, который включал в себя детальное его описание самим клиентом и уточняющих вопросов консультанта. К концу сессии намечался план дальнейшей работы с клиентом.

В рамках третьей сессии происходило обсуждение реализации плана намеченных действий, возможные ограничения на пути и необходимые ресурсы, чтобы эффективно преодолеть барьеры.

В результате проведенного исследования было выявлено, что в процессе трансформации организации и в контексте внешней среды, которая выступает дополнительным источником изменений и неопределенности, возникают следующие явления:

1. Руководители испытывают сильную тревогу и бессознательно регрессируют в параноидно-шизоидную позицию. Они начинают расщеплять себя и других на «хорошее» и «плохое», что проявляется в идеализации одних факторов и обесценивании других, невозможности выносить противоречия и решать конфликты (Джабар-Заде, 2020).

2. В текущем контексте трансформационных изменений руководители склонны больше концентрироваться на своих внутренних проблемах и сложностях, своем внутреннем контексте, что подтверждает идею Лоуренса о том, что человек зажимается в своей внутренней реальности, чтобы исключить (или отрицать) пугающие реалии внешней среды (Lawrence, 2000).

3. Тревожность руководителя замедляет процесс трансформации.

4. Сложность адаптации руководителя связана с его внутренними конфликтами.

5. Одними из наиболее распространенных и важных конфликтов у клиентов являются сложность принятия нарциссических ран, невозможность принятия полностью своей руководящей роли, сложность идентификации с организацией.

6. «Застревание» на одной роли или частая смена ролей руководителя оказывают негативное влияние на адаптационные способности; снижают общую концентрацию руководителя на задачах компании; привносят хаос во все сферы жизни. На этой почве мы наблюдаем рост напряжения и тревоги; проявляются противоречивые чувства и желания, которые руководители вынуждены скрывать, чтобы подчеркнуть свою иерархическую позицию и статус (Гирнальзик и др., 2019).

Кроме того, показана целесообразность применения методики «Рисунки организационной роли», которая позволяет провести оценку глубинных переживаний клиента и запустить ассоциативный процесс. При анализе рисунков и аргументации клиента необходимо помнить и возвращаться к общим принципам функционирования организации и исходному запросу. Ассоциативный процесс добавляет нам изначально скрытый контекст и словно проливает свет на темную сторону организационных

процессов. Безусловно, интерпретация рисунка будет зависеть и от контекста встречи с руководителями, от того, что происходило в момент рисования, и от того, что происходило перед встречами. И здесь важно отделить истинные причины от реакционных проявлений в моменте здесь и сейчас. Отметим, что в процессе работы невозможно отрицать сильную зависимость от внешнего контекста.

По результатам работы с клиентами можно отметить, что консультант во всех исследуемых случаях выполнял три важнейшие функции: консультирующую, структурирующую, социально-представительскую. В результате проведенной работы клиенты смогли более объективно проанализировать свои рабочие ситуации и увидеть в них взаимосвязь со своими личными, как внутренними, так и внешними, процессами. В свой план действий, выработанный совместно с коучем, руководители внесли самоанализ чувств и эмоций, понимание своей роли в организации, отслеживание своих ограничивающих убеждений.

Подводя итог проведенного исследования, мы видим, что выдвинутые выше гипотезы нашли свое подтверждение.

Выводы

Основные конфликты, возникающие у организации и у руководителя в трансформационном процессе, связаны с прохождением важных этапов в их жизни, с их личностными конфликтами, особенностями формирования идентичности руководителя. В ходе исследования мы выявили, как психодинамика процессов лидера организации влияет на психодинамику процессов трансформации организации.

Руководитель оказывает существенное влияние на психодинамические процессы, происходящие в организации. Тревожность руководителя в процессе изменений накладывает отпечаток на всю организацию как на систему, на ее сотрудников, и в результате процесс трансформации замедляется или вообще перестает быть возможным. Одними из наиболее распространенных и важных конфликтов у клиентов являются сложность принятия нарциссических ран, невозможность принятия полностью своей руководящей роли, сложность идентификации с организацией.

Как отмечает Манфред Кетс де Врис, если руководящий фактор в организации не на должном уровне, компания не может быть успешной (Кетс де Врис, 2022).

Необходимо понять, что влияет на личность руководителя и на его стиль управления. При работе с руководителями ставилась задача помочь ему увидеть противоречивые позиции в его стиле руководства, принятии управленческих решений, которые существуют и мешают успешному и эффективному процессу прохождения трансформации. Та точка, в которой мы видим создающееся напряжение, как раз и может выступить новой возможностью для организации и ее руководителя.

Лидерам важно развивать способность изучать и анализировать свою собственную тревожность и тревожные процессы, происходящие в

организации, и, безусловно, преодолевать препятствия для эффективного общения между членами команды.

При работе с руководителями организаций психодинамический консультант выступает своеобразным контейнером для бессознательных негативных чувств, а также помогает руководителю развивать собственную способность контейнировать как свои негативные переживания, так и негативные переживания и тревоги своей команды.

Отметим, что руководство организаций само не раз отступает от заявляемых принципов устойчивого развития, выступая своеобразным инициатором разделения на группы влияния внутри компании. Такая политика является крайне пагубной для всего организационного климата, поскольку подрывает как авторитет самого руководителя, так и создает опасный прецедент для разрушения организации в дальнейшем.

В работе был проведен анализ влияния психодинамических процессов лидера на его поведение и руководство процессом трансформации. Обоснованы необходимость и эффективность применения психодинамического подхода. На примере руководителей раскрывается необходимость своевременного психологического диагностирования, выявления сильных и слабых сторон, определения запроса руководителя и первичной задачи организации.

В результате работы мы понимаем, что руководитель в организации должен стремиться занимать взвешенную, зрелую, взрослую позицию, быть стратегичным, высокоморальным, чувствующим, а значит, быть человеком с качественным Суперэго. Данный подход у лидера укрепляет его власть в группе и является основой его власти (Кернберг, 2018).

Таким образом, данная статья максимально широко и подробно освещает влияние психодинамического подхода на процесс трансформации организации при детальном рассмотрении роли лидеров и руководителей организаций через проективные методики с учетом внутреннего и внешнего контекста. Все это в комплексе служит фундаментом для подготовки рекомендаций по применению психодинамических инструментов и моделей при управлении организацией для выхода на уровень более качественного функционирования, позволяющего достичь стратегических целей организации и улучшить ее имидж в качестве сильной, экономически успешной, современной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гирнальзик Т., Катуржевский А., Ломер М.* Бессознательное в организации. М.: Издательство «Класс», 2019. 406 с.
2. *Джабар-Заде Е.* Командный коучинг: психодинамический подход [Электронный ресурс] // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2020. Т. 1 № 3. С. 131–148. URL: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru/article/view/11730> (дата обращения: 5.02.2022)
3. *Зазыкин В. Г., Чернышев А. П.* Менеджер: психологические секреты профессии. М.: Издательство «ЦИТП», 1992. 168 с.

4. Кернберг О. Конфликт, лидерство и идеология в группах и организациях. М.: Издательство «Класс», 2018. 424 с.
5. Кетс де Врис М. Мистика лидерства: развитие эмоционального интеллекта. М.: Альпина Паблишер, 2022. 278 с.
6. Мерски Р. Современные методологии диагностики и воздействия на бессознательную динамику в организациях: исследование дизайна методологии, парадигмы консультанта и ценности для организации // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2021. Т. 2 № 3. С. 77–102.
7. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. М.: Эксмо, 2022. 320 с.
8. Центр Executive-коучинга, развития и карьеры Московской школы управления СКОЛКОВО. Под давлением: лидерство в новых реалиях. Как руководители российских компаний встретили текущий кризис. Отчет по результатам исследования. [Электронный ресурс] 2022. URL: [https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/42da8a1f-b5c8-49cc-96e4-0bfb6796f514/Под_давлением._Лидерство_в_новых_реалиях_\(СКОЛКОВО\).pdf](https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/42da8a1f-b5c8-49cc-96e4-0bfb6796f514/Под_давлением._Лидерство_в_новых_реалиях_(СКОЛКОВО).pdf) (дата обращения: 20.04.2022).
9. Эриксон Э. Детство и общество. М.: Издательство «Прогресс книга», 2021. 448 с.
10. Bennis W. G., Shepard H. A. (1956). A Theory of Group Development. Human Relations. Vol. 9. № 4. P. 415–437. doi:10.1177/001872675600900403 (дата обращения: 3.03.2022)
11. De Vries M. F. R. K., Miller D. (1984). The neurotic organization: Diagnosing and changing counterproductive styles of management. Jossey-Bass Inc Pub. P. 212.
12. Hirschhorn L. (2010). The Tavistock Model of Organizational Psychodynamics: Bridging Psychoanalysis and Simulation in an Exploratory Study Introduction. 10.13140/RG.2.2.31735.88489. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/328253113_The_Tavistock_Model_of_Organizational_Psychodynamics_Bridging_Psychoanalysis_and_Simulation_in_an_Exploratory_Study_Introduction.
13. Lawrence W. G. (2000). Social dreaming illuminating social change. Organizational and Social Dynamics. Vol. 1. № 1. P. 78–93.
14. Hutton D. M. (2014). Preparing the principal to drive the goals of education for all: A conceptual case developmental model. Research in Comparative and International Education. Vol. 9. № 1. P. 92–110.
15. Neumann J. E., Hirschhorn L. (1999). The challenge of integrating psychodynamic and organizational theory. Human Relations. Vol. 52. № 6. P. 683–695.
16. Obholzer A. (1994). The Unconscious at Work: Individual and Organizational Stress in the Human Services. Routledge. 248 p.
17. Shekshnia S., Zagieva V., Ulanovsky A. (2018). Athletic CEOs: Leadership in Turbulent Times. London: Anthem Press.
18. Thornton C. (2016). Group and team coaching: The secret life of groups. Routledge. P. 354.

The influence of psychodynamic processes of a leader on the dynamics of organizational transformation

M. S. Yarina, E. V. Dzhabar-Zade

Yarina Maria S., Master of Psychology (NRU HSE), psychoanalytically oriented coach, organizational consultant, psychologist (NRU HSE), member of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

Dzhabar-Zade Ekaterina V., Master of Psychology (NRU HSE), organizational psychologist, psychodynamic organizational consultant and coach, teacher of the master's program "Psychoanalysis and Psychoanalytic Business Consulting" at the Higher School of Economics, member of the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations (ISPSO), member and certified coach of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

This article is devoted to the topic of the influence of the role of the leader on the transformational processes caused by the crisis, occurring in the using the psychodynamic approach. The interrelation of the unconscious processes of the head of the organization and the passage of the transformational process by the organization are considered in detail. The conclusions that were made in this article can be used when considering organizational cases.

Keywords: manager, leader, organization, primary task, psychodynamic processes, transformation process.

Психоаналитический взгляд на стили политического лидерства в подходе М. Кетса де Вриса на материале художественных кинофильмов

В. В. Разовский

Разовский Валериан Владимирович – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант.

В современном обществе и культуре лидерство рассматривается как сложный социально-психологический феномен. В современных психологических работах не выделяется единого понимания лидерства, что означает необходимость рассмотрения различных концепций лидерства в экономике и психологии. В данном исследовании сделан обзор указанных концепций, выделены их особенности. Особое внимание уделено рассмотрению психоаналитического понимания лидерства и руководства, в частности, клиническому подходу М. Кетса де Вриса. Обобщены его теоретические основания, логика понимания лидерства, его связи с эмоциональным интеллектом, приведенные типологии. На этой основе в данном исследовании проведен анализ трех художественных фильмов в клиническом подходе М. Кетса де Вриса. В ходе анализа получилось рассмотреть личные истории жизни политических лидеров, особенности их личности, характера, карьерного роста, общения и взаимодействия с коллегами, подчиненными и начальством. Полученные данные соотнесены с характерологическими особенностями личности по М. Кетсу де Врису, выделены их структурные соответствия. На этом основании данные персонажи рассмотрены в типологии лидеров, разработанной автором, соотнесены со стилями лидерства и типами организаций.

Ключевые слова: лидер, политическое лидерство, руководство, управление, психоанализ, стиль политического лидерства, тип политической организации, лидерские отношения, М. Кетс де Врис.

В сложной ситуации социокультурного развития современного общества возрастает общая неопределенность жизни, повышается влияние стрессогенных факторов и конфликтов, усиливается роль инновационных технологий, меняется рынок труда и профессиональных отношений.

В этих условиях усложняется система профессиональных и должностных требований, к которым относятся стрессоустойчивость, мобильность, коммуникабельность, креативность, ответственность, профессионализм, лидерские качества и т. д. При этом растет необходимость научного изучения и специального развития лидерских качеств будущих профессионалов и технологий работы с ними в социальных группах разного типа. С этой целью организуются многочисленные международные программы поддержки молодежи, отбора и подготовки лидеров в разных сферах деятельности и областях знания. Поэтому в глобальном обществе в условиях ускоренного инновационного развития и изменений на рынке труда и в мире профессий лидерский потенциал получает государственное значение.

Лидерство и руководство как психологические феномены активно рассматриваются в социальной, педагогической, семейной психологии, психологии управления и конфликтологии, политологии и других областях знания. В настоящее время в психологии нет единого понимания феноменов лидерства и руководства. Среди наиболее известных экономических концепций лидерства и управления выступают: теория лидерских качеств личности (Ригин и др., 2021), модель восходящего континуума лидерских стилей (*O'Shea et al.*, 2009), концепция ситуационного лидерства (*Sneddon et al.*, 2006), концепция эффективного взаимодействия лидера и его последователей (*Neal*, 2002).

Наиболее значимыми личностными качествами лидеров являются забота и проявление уважения к сотрудникам, личностная включенность и вовлеченность в рабочий процесс, управление на основе собственного примера, соблюдение традиций компании и празднование ее успехов вместе с другими (Ригин и др., 2021). Проявление таких личностных особенностей лидерского поведения и участия в профессиональной деятельности связано с изменениями в системе безопасности предприятия, развитии безопасного поведения, общения (*Neal et al.*, 2002; *Peterson et al.*, 2012) на основании здоровых личностных границ, стилей взаимодействия, ролей, должностных обязанностей и организации рабочих процессов и своевременного разрешения рабочих вопросов. Последнее связано с разрешением спорных вопросов, трудовых конфликтов, профессиональных и личностных дилемм (*Dierendonck*, 2010; *Pircher et al.*, 2014), а также организацией процессов профессионально-личностного роста и развития сотрудников (*Gibb*, 1969). В этом отношении громадное значение обретает система копинг-стратегий и обеспечения психологической безопасности, совладания со стрессами, тревогой, эмоциональными и физическими перегрузками, связанными с режимом многозадачности, мобильностью, коммуникабельностью и эффективностью организации профессиональной деятельности в трудовом коллективе (*Liu et al.*, 2020; *Okolie*, 2021), его развитию в разных моделях управления (*Jaworski et al.*, 2000; *Sendjaya et al.*, 2008).

В зарубежных теориях лидерства и управления особое значение придается охране труда и обеспечению прав и свобод работников (*Okulova*, 2020), восстановлению трудовых ресурсов, развитию личностного

потенциала сотрудников (*Okolie et al.*, 2021), отбору профессиональных кадров и их мотивации (*Lepeyko*, 2016; *Liden et al.*, 2014), социальной политике в области труда и обеспечения семейной жизни, образования, здравоохранения и отдыха сотрудников и членов их семей (*Sendjaya et al.*, 2008). Особое внимание уделяется гендерным особенностям поведения лидеров, их учету в процессе профориентации и развития лидерских качеств и управленческих навыков, стилей руководства и управления (*Okulova*, 2020; *O'Shea et al.*, 2009). Отдельно рассматриваются культурно-антропологические особенности имплицитного лидерства и официального руководства в организациях (*House et al.*, 2002), что в психологическом отношении может быть связано с детско-родительскими отношениями, семейным воспитанием будущих лидеров и управленцев, менеджеров и организаторов (*Freedman*, 1975).

В исследовании И. Байхан, О. Аковы показано эффективное влияние лидерских отношений с сотрудниками компаний, приводящих к созданию творческого климата на работе, инновационного климата на рынке труда и в области совместной трудовой деятельности профессиональных групп и трудовых коллективов (*Bayhan & Akova*, 2021). В отечественной психологии это связывается с развитием трудовой группы (Битянова, 1994) и системы межличностных и профессиональных взаимоотношений сотрудников. И. Байхан и О. Акова показывают, что, согласно имеющимся данным, эффекты лидерских отношений играют медитативную роль в развитии социального и интеллектуального капитала социальной группы и личности. Капитализация имеющихся ресурсов личности предстает в данном исследовании важнейшей стратегической линией развития человека в профессии и жизни (*Bayhan & Akova*, 2021). Это представляется относящимся к прагматической культуре полезности, в которой полезный результат профессиональной деятельности преобладает над личностным развитием и саморазвитием человека и группы (Асмолов, 2019).

Лидерство наиболее часто рассматривается как межличностное влияние, руководство – как система управления, основанная на административных полномочиях и власти руководителя, его личностных чертах, способностях, умениях, профессиональном опыте. Политическое лидерство понимается как межличностное влияние в политической системе, связанное с социокультурным феноменом политической власти. Стиль лидерства рассматривается как индивидуальный способ организации межличностного влияния на социальную группу или отдельных ее членов. В научной литературе наиболее часто выделяют такие стили руководства: авторитарный, демократический, либеральный. В различных психотерапевтических подходах, связанных с разными теориями лидерства, данные феномены рассматриваются на разной научно-теоретической основе. Среди наиболее актуальных выступают следующие подходы к лидерству и руководству: когнитивный, транзактный, гештальт-терапевтический, гуманистический, экзистенциальный, онтопсихологический, психоаналитический и др. (Битянова 1994; Кернберг, 2018).

В психоаналитическом подходе рассматриваемые социально-психологические феномены лидерства и руководства изучаются в логике сублимации подавленных детских переживаний, связанных с потребностями ребенка в авторитете, обретении власти и контроля, компенсации чувства неполноценности. В психоанализе лидерство связано с конструктивной (созидание, развитие социального чувства, удовлетворение потребностей, гуманистическая этика и др.) и деструктивной (разрушение, развитие чувства собственности, эгоизма, нарциссизма, неудовлетворение потребностей, авторитарная этика и др.) активностью руководителей организаций. В разных теоретических направлениях психоаналитического подхода объясняется логика выделения различных типов лидеров и руководителей в зависимости от социокультурных систем и условий, в которых они работали. С современной психоаналитической позиции на развитие лидерства оказывают влияние биологические, социальные, психологические, культурные и духовные факторы (Адлер, 2017; Кернберг, 2018; Кляйн, 2020).

Исследуя особенности развития сотрудников и руководителей различных организаций и компаний, М. Кетс де Врис показывает возможности изучения и развития лидерства, снижения стресса управленцев, повышения качества планирования профессиональной деятельности, командообразования, подбора кадров, тактико-стратегического развития компании, кросс-культурного управления, замены должностей и т. д. Автор полагает, что развитие эмоционального интеллекта сотрудников меняет уровень работы в организации, повышая их устойчивость, эффективность в современном обществе и культуре, на рынке инноваций и трудовых кадров. В этом смысле кадровый состав рассматривается как ключевой ресурс развития компании. Клинический подход, основанный на психоаналитических идеях, противостоит механистическим воззрениям многих лидеров и руководителей, полагая основания понимания живых систем компании, действующих по определенным законам и правилам. Компания имеет осознаваемую и неосознаваемую сторону, рациональный и иррациональный аспекты. Для успешного управления этой системой руководителю и лидеру требуются навыки психоаналитика (Кетс де Врис, 2008).

В типологии личностей руководителей М. Кетс де Врис выделил драматический, нарциссический, контролирующий, обособленный, жесткий, зависимый, самоуничтожительный, асоциальный, депрессивный, параноидальный, негативистский типы. На этом основании им выделена типология организаций в зависимости от типа личности их руководителей, освоивших соответствующий стиль руководства: мнительная, драматическая (циклотимическая), отстраненная, принуждающая, депрессивная. С опорой на эти идеи и положения выстраивается подтвержденная целым рядом исследований возможность описания, интерпретации и изучения связи детско-родительских отношений со стилем руководства лидера (Кетс де Врис, 2019).

Логика развития и поведения лидера основана, начиная с его детства, на системе детско-родительских отношений, сформировавших определенный тип личности, ведущий к соответствующему стилю руководства и последствиям его применения для компании. Для выявления данной логики в каждой жизненной ситуации необходимо анализировать личную историю лидера, особенности детского развития в семье, отношения с родителями и лицами, их замещающими, переживания, испытываемые в них, особенности воспитания и обстоятельства взросления, выработанные механизмы психологической защиты личности, аффективную жизнь, а также особенности профессионального самоопределения, построения карьеры, смены мест работы и должности, отношений с коллегами и руководством, переживаний по этому поводу (Кетс де Врис, 2011).

С целью эмпирического изучения стилей политического лидерства в подходе М. Кетса де Вриса и выявления психоаналитических особенностей их проявления на материале художественных кинофильмов был осуществлен выбор, просмотр и анализ трех тематически связанных с рассматриваемыми вопросами кинофильмов: «Опасная игра Слоун» (2016) режиссера Дж. Мэддена, «Темные времена» (2017) режиссера Дж. Райта, «Как не стать президентом» (2018) режиссера Дж. Райтмана.

На протяжении фильма Дж. Мэддена «Опасная игра Слоун» (2016) главная героиня переходит из одной профессиональной группы в другую, меняя место работы, что приводит к изменениям профессиональных отношений и ее политической жизни, но при этом остается связанной системой целей и задач, которые для нее определяются политической карьерой. Таким образом, можно говорить, что рассматриваемая в данном контексте команда, с которой она работает на протяжении всего сюжета, занимается лоббированием, решением деловых, рекламных и коммуникационных вопросов, связанных с легализацией огнестрельного оружия в стране (США), что означает возможность отнесения данной организации к политическим с соответствующими ей функциями.

Используемые Слоун технологии манипулирования приводят к снижению психологической безопасности сотрудников, газлайтингу, психологическому дискомфорту и отчуждению, утрате чувства компетентности, выяснению границ собственной компетентности, знаний, личности. Люди активным образом проясняют обстоятельства, при которых это возникает, и стараются устранить эти ошибки, даже достигая достаточно высоких результатов, выходя на уровень профессионального роста, достижения показателей, которые им устанавливает руководитель. Анализ полученных результатов показывает общую эффективность при отсутствии явного карьерного продвижения внутри политической команды Элизабет, их увлеченность ее харизматичностью, способностями и амбициями. Они явно подчинены авторитарному руководителю и доверяют ее профессионализму, боятся ее и считают необходимым быть готовыми полностью выкладываться в политической работе. Поэтому в самом начале вся группа быстро переходит на сторону Слоун.

Здесь просматривается общая потребность в отчуждении, отстраненности и независимости, ярком индивидуализме, подражании руководителю.

В этом смысле группа находится в состоянии психологической замкнутости, теоретической и практической заикленности на определенных способах работы при постоянном чувстве неадекватности и неполноценности, которое культивируется руководителем. Сотрудники понимают, что героиня знает о них практически все, оставаясь для них личностно непроницаемой, закрытой. На протяжении всего кинофильма «снятие маски» происходит всего один раз, когда с ней разговаривает Форд, при этом ей приходится прервать разговор, отказаться от удовольствия и оплатить его услуги, потому что действие касается ее самости, затрагивая нарциссическую часть личности, которая связана с эгоистической частью. На работе такого не происходит. Слоун никогда эмоционально-психологически и личностно не раскрывается перед подчиненными и начальством.

Даже в ситуации выигрыша, когда ее тайные планы начали реализовываться, ей удалось получить поддержку сенаторов, в разговоре с начальником она выпивает и открывает часть своего плана, он продолжает сомневаться в ее честности и искренности, в чем полностью прав, потому что своих целей и планов она никогда не раскрывает окончательно. Для этой цели она выстраивает авторитарное общение и стиль управления группой. Власть в политической команде Элизабет централизована, в группе развита атмосфера всеобщего недоверия при ориентации на деятельность, на продуктивную работу, что постоянно стимулируется общими собраниями трудового коллектива, индивидуальными разговорами, общей атмосферой ажиотажа вокруг достижений компании, политическим риском и сложностью разрешаемых ими задач, амбициями и т. д. При этом все понимают, что ситуация конкуренции с более развитым и финансово обеспеченным противником оставляет им все меньше шансов на выигрыш. В этом состоянии все достижения воспринимаются командой как большая удача и результат серьезной профессиональной работы. Поэтому никто и не подозревает о тайных манипуляциях и планах, раскрываемых потом на суде. Там команда узнает о своем лидере много нового.

Когда происходит разоблачение предателя в группе, начинают развиваться новые связи, поддерживающие и объединяющие вокруг работы и культа руководителя, при этом в фильме не описано и не показано межличностных взаимоотношений сотрудников за пределами политической работы, которую они проводят совместно. Команда представляется сработанной и действующей слаженно, но при детальном анализе можно заметить, что все участники чувствуют наличие скрытых угроз как внутри, так и снаружи. Они психологически и профессионально растут в присутствии Слоун, поэтому продолжают тянуться к ней, но не могут дотянуться. Вероятно, что в реальной ситуации такой суперпрофессионализм оказался бы невозможным, обнаружил бы бреши. В этой связи команда бы разошлась или стала делиться на подгруппы, конкурирующие друг с другом. Но в кинофильме личность руководителя меняет все, выделяясь на фоне всей команды, постоянно удивляя и восхищая всех.

Интересно, что грубые методы Слоун полностью разделяются ее командой и руководством, транслируя ее жизненную философию отчуждения.

Это позволяет остальным идентифицироваться с ней, оставаясь всегда на профессиональной дистанции. Обращаясь к типологии организаций М. Кетса де Вриса (Кетс де Врис, 2008; Кетс де Врис, 2019), можно сказать, что политическая группа Э. Слоун относится к подозрительному типу с элементами принуждающего. Такое сложное сочетание можно пояснить тем, что команда Слоун нанята более крупной фирмой противников оружейного лобби, где ей ставится задача остановить конкурентов. В этом смысле при переходе над ней сохраняются формальное руководство и описанная атмосфера, но центральным звеном этой деятельности является работа самой героини в системе ее взаимоотношений с членами ее политической команды. Поэтому ее контролирующий стиль лидерства и руководства, согласно указанной типологии М. Кетса де Вриса, дает возможность выстраивать принуждающий тип организации, где она становится лидером и руководителем, но при этом сама организация является дочерней частью более крупной фирмы с подозрительным типом организации, где Элизабет только подчиненная. С одной стороны, это дает возможность не замедлять, как это бывает в принуждающем типе организации, процесса работы и принятия решений, а с другой стороны, выстраивает атмосферу отчужденности, независимости и профессионального роста. Именно как подчиненную ее отстраняют от работы во время суда, но именно как руководитель она обходит свое руководство и соперников, разрешая поставленную политическую задачу ценой своей политической карьеры и личной свободы.

Можно сказать, опираясь на теорию Д. Винникотта (Винникотт, 2019), что политические игры, в которые она играет, создают атмосферу спонтанности и непредсказуемости, поскольку правила вводятся ей благодаря пониманию объектных отношений и рассматриваемого переходного пространства. Здесь она может свободно создавать то, что считает значимым, втайне от всех. Граница между разными типами политической организации, незримо присутствующая в одной политической команде, создает постоянную отчужденность и неопределенность при наличии четких правил работы и границ отношений с руководством. Таким образом, становится очевидной описанная здесь связь контролирующего стиля лидерства и политического руководства героини с выстроенным ей подозрительным типом политической организации с элементами принуждающего типа.

Политическая партия, возглавляемая главным героем кинофильма Дж. Райта «Темные времена» (2017), связана с вопросами ведения военных действий страны (Великобритании) с противниками и союзниками, а также с принятием государственных и общественно значимых решений, потому является политической организацией и выполняет соответствующие функции. Она имеет сложную бюрократическую структуру, выстроенную исторически, где конкурирующие политические партии представлены в парламенте, а принятие государственных решений требует большой поддержки со стороны представителей обеих. Поэтому, оказавшись на посту премьер-министра, Черчилль вынужден был заручиться поддержкой обеих партий, выдвигая такие решения, которые вдохновляли

бы соперников и были бы приняты союзниками. При этом авторитетные Чемберлен и Галифакс, настроенные против его кандидатуры, обладали крупным влиянием на остальных, что привело к выражению их негативной позиции во время первого выступления Черчилля, что тот посчитал неуважением к своей персоне.

При этом примечательно в рассматриваемом нами отношении понимание его коллег, соперников и врагов, открыто выражающих мнения по поводу его политических амбиций, карьеры, поведения, повседневных привычек, отношения к кабинету министров и т. д. В этих приводимых в качестве цитат фразах и отрывках из воспоминаний политиков и администраторов Черчилля называют чванливым, упрямым, не контролирующим себя и всю текущую ситуацию, выжившим из ума человеком, который выпивает крайне много алкоголя, что приводит их к мысли, что ему нельзя доверить даже управление велосипедом. Эти высказывания, а также наглядные отсылки к реальному поведению и образу жизни героя, в сценах завтрака и обеда, постоянных приемах виски, шампанского и т. д., ведут с разных сторон, т. е. со стороны собственной политической партии и соперничающей стороны, со стороны тайного военного совета, руководящего военными действиями, к пониманию, что общее отношение к его фигуре на данном посту крайне негативное.

Сам герой неоднократно признается, что получил столь желаемый им пост не из благодарности или добрых побуждений, но из желания подставить его, ввергнуть в безвыходное положение. Рассматривая эти многочисленные материалы более подробно, можно легко понять, что сопротивляющееся поведение Черчилля, включая возрастные и личностные особенности данного политического лидера с асоциальным стилем руководства, вполне объяснимо обстоятельствами: противостоянием двум партиям, открытым (для своих) и скрытым (для окружающих), мощным социально-политическим давлением, оказываемым на него с разных сторон, отсутствием реальной поддержки со стороны имеющих власть авторитетных лиц (Галифакса, Чемберлена, короля). Поэтому сцены принятия алкоголя здесь объясняются снятием колоссального напряжения и высокой ответственности, находящихся в его руках. Обращение за помощью к президенту США также не приносит успеха, а сама сцена их телефонного разговора представляется пиком политического унижения и возмущения, вызываемого фактическим отказом от технической и военной поддержки, предложением о гужевой доставке самолетов к канадской границе и т. д.

Здесь лидер оказывается в слабой позиции и соглашается с принятием этих условий, понимая, что даже в таком виде это сильное опоздание по времени в стратегическом отношении. Для данного стиля руководства характерно, придя к власти, производить реструктурирование ее организации, смены руководящих позиций, однако Уинстон прекрасно понимает особенности своего положения как политического лидера и той военно-стратегической ситуации, в которой он оказался. Это вызывает необходимость смириться с имеющейся политической структурой и приближать своих соперников, менять собственные решения и планы для достижения высоких государственных целей. При этом окружающие отмечают

внешние признаки его возраста, связанные с нарушениями режима работы и отдыха, как-то бормотание, импульсивность в речи, эмоциональные и – для них – непродуманные решения. Эти мнения создают почву для социальных слухов и политических интриг которые окружают героев и погружают в тревожную атмосферу.

Надо сказать, что в стрессовой ситуации У. Черчиллю удается переубедить короля и Н. Чемберлена, заставляя их – прямо или косвенно – изменить свою позицию, что затем приводит к изменениям в политическом курсе страны и переменам в идущей войне. Используя асоциальный стиль руководства, Черчилль работает с фактами и ценностями, пробуждая наиболее значимые для разных социальных групп ценностно-смысловые планы, используя ключевые слова: «свобода», «независимость», «слезы», «пот», «кровь», «война», «разрушение», «мужество», «труд» и др. Эти эмоциональные воздействия связаны с общим эмоциональным климатом в стране как большой социальной группе. При этом формулируемые им информационные сообщения по радио связаны с отображением положительных перспектив даже самых проигрышных моментов (отказа Франции от обороны, захвата немцами Бельгии и др.).

Таким образом создается необходимое эмоционально-психологическое напряжение, трансформирующее изначально депрессивную бюрократическую структуру организации в драматическую (циклотимическую) структуру. Эта не организационно-управленческая трансформация государственной системы, а изменение групповых представлений и общественных настроений, связанных с изменением поведения и активности представителей властных структур. Драматизация военной ситуации, созданная выступлениями премьер-министра, перевела настроения из депрессивно-пессимистических во вдохновенно-оптимистические. Именно в драматическом типе политической организации стали возможны принимаемые Черчиллем и его военным советом деловые решения, связанные с отказом от политической линии сотрудничества с Гитлером и заключения мира с Германией и Италией, продвигаемой Галифаксом и Чемберленом, и проведением операции «Динамо». Таким образом, внутри депрессивной организации Черчилль создал драматическую, действующую в течение военного времени и определенный период после него, когда оппозиционная политическая партия выбрала Уинстона в качестве своего лидера.

В кинофильме Дж. Райтмана «Как не стать президентом» (2018) политическая команда, которую возглавляет главный герой, оказывает влияние на процессы выборов президента страны (США) и потому является политической, выполняя соответствующие функции. Недостаток личного внимания со стороны материнской фигуры привели Харта к необходимости агрессивно завоевывать желаемый объект, а в ситуациях, где это невозможно, отстаивать себя как достойного для получения удовольствия и благосклонности публики, с которой он отождествляет женскую заботу и ласку. Поэтому политическая карьера для него является символическим завоеванием матери. Однако он чувствует себя недостаточно уверенным в себе, но скрывает это, боясь быть отвергнутым избирателями, поэтому

заручается поддержкой целой команды профессионалов, перед которыми выстраивает себя как авторитетную и социально благополучную фигуру, вызывающую всеобщее одобрение, принятие и удовлетворение. Он тратит на это все свои способности, сдерживаясь и привлекая внимание там, где это необходимо.

В кинофильме многократно показана реакция прессы и членов предвыборной команды на выступления Харта, где они радуются его импровизациям, провокациям конкурентов, успешным ответам и правильным реакциям. Все это создает для них образ, конструируемый совместно с ними, что позволяет Гарри скрывать собственную личность за ним, используя перечисленные механизмы психологической защиты, отстраняясь и создавая другую часть своей жизни, отличную от официальной. Это необходимо для более простого получения желаемого удовольствия, без приложения дополнительных усилий. Он отказывается от этих отношений, как отказывается от содеянного маленький ребенок, которого уличили в них неожиданно взрослые. Это воспринимается им как постыдное и опасное. Поэтому Харту приходится избегать общения на эти темы со всеми, даже с членами своей команды, замещать правду своей непричастностью, репутацией и т. д. Заметим, что это требует от него больших усилий, что затем сменяется необходимостью их разрядки, выражающейся в нервных срывах, агрессивных вспышках. Это вызывает подозрения и проблемы.

Для того чтобы это было незаметно, он выстраивает определенный тип отношений с коллегами и подчиненными, в котором не должно оставаться сомнения в его персоне и политических возможностях. В кинофильме детально показано, что Харт создает систему правил в команде, позволяющую ему оставаться защищенным от внешнего влияния, сохранять дистанцию от собственной команды и при этом решать личные вопросы своей двойной жизни. Он вводит сложную систему оценки персонала, благодаря которой в команду набираются исключительно профессионалы высокого уровня, что создает им определенный престиж, связанный с личной карьерой и возможностью участвовать в этой работе. Заметим, что среди членов команды нет неудачников или предателей. Работа всех членов команды крайне сложна, и для разрядки напряжения им устраиваются вечеринки, на которых они могут расслабиться. На них Харт предстает «добрым парнем», одним из многих, отождествляется в глазах команды с каждым из них, что вновь позволяет ему сохранять свою личную жизнь.

Постепенно в ходе просмотра кинофильма можно понять, что семья в его представлении тоже нужна для этой цели. Она в психоаналитическом смысле является частью команды и проективной идентификации как защиты Гарри от негативных воздействий социума, мешающих ему получить желаемое. Поэтому, используя жесткий стиль лидерства и политического руководства, Харт выстраивает авторитарные отношения с сотрудниками, позволяя себе говорить с ними только на профессиональные темы, не затрагивая личных вопросов, сохраняя дистанцию, держа под контролем всю команду и – через нее – избирателей. Привлекательность имиджа руководителя подкрепляется эффективной политической стратегией

Гарри как лидера, следующего социально приемлемым правилам и стереотипам. В этом смысле создается довольно сложная система сокрытия информации от членов команды, что означает выстраивание принуждающего типа политической организации в типологии организаций М. Кетса де Вриса (Кетс де Врис, 2008).

Разрушение данной организации и доверия по отношению к Харту происходит в ходе раскрытия его двойной жизни, во что члены команды политической поддержки долго не могут поверить, ожидая какого-то опровержения, официального заявления, объяснений и т. п. Однако ничего подобного Харт не делает, проявляя по описанным выше причинам детские формы поведения, что приводит к постепенному разрушению позитивного и социально одобряемого имиджа и образа деятельности данного политика. Поэтому, продолжая использовать данный стиль политического руководства, герой оказывается в проигрышной ситуации, теряя внимание и доверие со стороны подчиненных, теряет свой авторитет и уважение. Он не готов взять на себя большую ответственность, чем брал до этого, а подчиненные никак не могут принять изменившиеся обстоятельства, теряя ориентацию в ситуации неопределенности. Это замедляет политическую активность Харта, нарушает работу его политической команды и снижает ее результативность. Таким образом, можно заключить, что описанные связи жесткого стиля лидерства и политического руководства Г. Харта с особенностями его отношений с подчиненными и избирателями в указанных обстоятельствах свидетельствуют о выстраивании им принуждающего типа политической организации.

Таким образом, на основании проведенного исследования сделан ряд выводов:

1. Просмотр художественных кинофильмов позволяет проанализировать особенности характера и отношений главных героев, составляющих их личные истории. Полученные данные просмотра и анализа позволяют провести сравнительно-сопоставительный анализ и типологизацию сведений о главных героях как о лидерах и политических руководителях, установить стили их руководства в теории М. Кетса де Вриса, осуществить психоаналитическую интерпретацию каждого кинофильма для выявления логики связи стилей руководства и типа политической организации в типологии М. Кетса де Вриса.

2. У главной героини кинофильма «Опасная игра Слоун» установлен контролирующий стиль лидерства и политического руководства и подозрительный тип возглавляемой ей политической организации с элементами принуждающего типа в типологии организаций М. Кетса де Вриса. У главного героя кинофильма «Темные времена» выявлен асоциальный стиль лидерства и политического руководства и драматический тип возглавляемой им политической организации в типологии организаций М. Кетса де Вриса. У главного героя кинофильма «Как не стать президентом» обнаружен жесткий стиль лидерства и политического руководства и принуждающий тип возглавляемой им политической организации в типологии организаций М. Кетса де Вриса. Следовательно, стили руководства

лидеров основаны на их характере и особенностях взаимоотношений, связаны с типами возглавляемых ими политических организаций.

3. На основании обобщения результатов проведенного исследования в типологии лидерства М. Кетса де Вриса нашли подтверждение теоретические представления о: 1) логике освоения лидером стиля политического руководства через определенный тип характера и личности, сформированный в системе его детско-родительских отношений; 2) связи стиля лидерства и политического руководства с типом политической организации.

Подводя итоги, необходимо отметить, что профессиональные истории развития лидерства и построения политической карьеры различаются особенностями культурно-исторической ситуации, в которых они происходят, избранным стилем лидерства и политического руководства, социально-политическим типом организации, где работает лидер, его взаимоотношениями с подчиненными, коллегами и руководством. На основании проведенного анализа можно выделить сходные механизмы психологической защиты политических лидеров, среди которых проявляются избегание, идентификация, рационализация, замещение, сублимация. Это обозначает социокультурную ориентацию деятельности политических лидеров, необходимость уходить от травмирующих факторов, отождествляться с социальной группой и типом управления, легко переключаясь между разными социальными ролями и позициями, что позволяет активно строить политическую карьеру, создавая благоприятный имидж перед публикой и эффективно отражая нападки конкурентов, обретая социальный успех, престиж и уважение.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно заключить, что существуют психоаналитические особенности проявления личностных стилей лидерства в политической деятельности и построении политической карьеры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер А. Индивидуальная психология / Пер.с нем. СПб.: Питер, 2017. 256 с.
2. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2019. 448 с.
3. Битянова М. Р. Социальная психология. М.: МПА, 1994. 106 с.
4. Винникотт Д. В. Все мы родом из родительского дома. Записки психоаналитика / Под ред. К. Винникотт, Р. Шепарда, М. Дэвис. СПб.: Питер, 2019. 288 с.
5. Кернберг О. Конфликт, лидерство и идеология в группах и организациях / Пер.с нем. С. А. Комарова. М.: Класс, 2018. 424 с.
6. Кетс де Врис М. Ф. Р. Лидер на кушетке. Клинический подход к изменению людей и организации / Пер.с англ. И. Сергеевой. М.: Best Business Books, 2008. 336 с.
7. Кетс де Врис М. Ф. Р. Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта / Пер.с англ. И. Сергеевой. М.: Альпина Паблишер, 2019. 350 с.

8. *Ketcs de Врис М. Ф. Р.* Секс, деньги, счастье и смерть: в поисках себя / Пер.с англ. М.: Альпина Паблшерз, 2011. 312 с.
9. *Кляйн М.* Детский психоанализ / Пер.с нем. Д. Строганова. СПб.: Питер, 2020. 368 с.
10. *Ригин А. А., Елин А. М.* Понимание аспектов лидерства в структуре управления организацией // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 11. С. 2623–2636.
11. *Bayhan Is., Akova Orh.* (2021). The mediating role of social and intellectual capital in the effect of leadership on emotional labour and innovative climate. *The Manager*. Vol. 12. № 6. P. 2–19.
12. *Dierendonck D. van.* (2010). Servant Leadership: A Review and Synthesis. *Journal of Management*. No 37. 1228 originally published online 2 September 2010.
13. *Freedman D. A.* (1975). The Battering Parent and his Child: A Study in Early Object Relations. *Int. Rev. Psycho-Anal.*, 2.:189–198.
14. *Gibb C.* (1969). Leadership. In: Lindzey G., Aronson E. (eds.). *The Handbook of Social Psychology*. Addison-Wesley. Vol. 4. P. 205–282.
15. *House R., Javidan M., Hanges P., Dorfman P.* (2002). Understanding cultures and implicit leadership theories across the globe: an introduction to project GLOBE. *Journal of World Business*. № 37. P. 3–10.
16. *Jaworski J., Scharmer O.* (2000). Leadership in the New Economy: Sensing and Actualizing Emerging Futures. Working paper, Society for Organizational Learning. Cambridge, Mass., and Generon Consulting, Beverly. P. 48.
17. *Lepeyko T., Jamal Ya.* (2016). A modern approach to the leadership dimension. *Экономика развития*. № 3 (79). P. 41–48.
18. *Liden R. C., Wayne S. J.* (2014). Servant leadership and serving culture: influence on individual and unit performance. *Academy of Management Journal*. Vol. 57 (5). P. 1434–1452.
19. *Liu C H., Jiang J.F.* (2020). Assessing the moderating roles of brand equity, intellectual capital and social capital in Chinese luxury hotels. *Journal of Hospitality and Tourism Management*, Vol. 43. P. 139–148.
20. *Neal A., Griffin M. A.* (2002). Safety climate and safety behavior. *Australian Journal of Management*, № 27: 67–75.
21. *Okolie U. C., Omole O. G., Yakubu A.* (2021). Leadership and Effective Human Resource Management in Organization. *RUDN Journal of Public Administration*. 8 (3): 277–296.
22. *Okulova E. E.* (2020). Gender Aspects Of Leadership On A Global Scale: Gender Asymmetry Of Politics. *Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы*. № 1 (32). С. 52–56.
23. *O'Shea P. G., Foti R. J., Hauenstein N. M.* (2009). Are the best leaders both transformational and transactional? A pattern-oriented analysis. *Leadership*, № 5: 237–259.
24. *Peterson S. J., Galvin S. J., Galvin B. M., Lange D.* (2012). CEO Servant Leadership: exploring executive characteristics and firm performance. *Personnel Psychologies*, № 65: 565–596.

25. Pircher V., Peus C. (2014). Servant Leadership. In: J. Felfe (Hrsg.) Trends der psychologischen Führungsforschung. Neue Konzepte, Methoden und Erkenntnisse. Göttingen: Hogrefe Verlag. P. 67–77.
26. Sendjaya S., Sarros J. C., Santora J. C. (2008). Defining and Measuring Servant Leadership Behavior in Organization. Journal of Management. № 45 (2). P. 402–420.
27. Sneddon A., Mearns K., Flin R. (2006). Situation awareness and safety in offshore drill crews. Cognitive Technology Work, № 8: 255–276.

Psychoanalytic view on the styles of political leadership in the approach of M. Kets de Vries based on the material of feature films

V. V. Razovskiy

Razovskiy Valerian V., MPsych, psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic counsellor.

In modern society and culture, leadership is viewed as a complex socio-psychological phenomenon. In modern psychological works, there is no single understanding of leadership, which means that it is necessary to consider different concepts of leadership in economics and psychology. In this study, an overview of these concepts is made, their features are highlighted. Special attention is paid to the consideration of the psychoanalytic understanding of leadership and leadership, in particular, the clinical approach of M. Kets de Vries. Its theoretical foundations, the logic of understanding leadership, its connection with emotional intelligence, and the typologies given are summarized. On this basis, this study analyzes three feature films in the clinical approach of M. Kets de Vries. During the analysis, it turned out to consider the personal life stories of political leaders, the peculiarities of their personality, character, career growth, communication and interaction with colleagues, subordinates and superiors. The obtained data are correlated with the characterological features of the personality according to M. Kets de Vries, their structural correspondences are highlighted. On this basis, these characters are considered in the typology of leaders developed by the author, correlated with leadership styles and types of organizations.

Keywords: leader, political leadership, leadership, management, psychoanalysis, style of political leadership, type of political organization, leadership relations, M. Kets de Vries.

Лидер культа и его последователи на примере NXIVM: психоаналитическая перспектива

Т. А. Разумовская

Разумовская Татьяна Анатольевна – социолог, психолог, психоаналитически ориентированный бизнес-консультант, ментор и коуч; магистр психологии (НИУ ВШЭ).

Статья посвящена анализу феномена отношений лидера культа со своими последователями с использованием аппарата психоаналитической теории. Эмпирическое исследование проведено на материале культа организации NXIVM. Отношения лидера культа с его адептами имеют динамическую природу и чаще всего носят болезненный, патологический характер с чертами доминирования и подчинения. Используя оптику психоаналитической теории, в статье автор пытается разобраться, в чем заключается особенность психопатологии лидера культа; каким образом лидер получает безграничную власть над своими последователями; какова роль стыда в психологической истории лидера и последователей.

Ключевые слова: культ, лидер культа, последователи культа, патологический нарциссизм, селф-объектное обеспечение, магический помощник, моральная защита, мазохизм, доминирование и подчинение, соблазн, индоктринация, «бомбардировка любовью», контроль, преданность, стыд.

Культы существуют с начала времен, но в определенные периоды нашей истории они процветают. Когда в обществе происходят резкие перемены, когда люди чувствуют себя потерянными, наступает подходящее время для культов. Культы заменяют существующие системы верований и предлагают новые и альтернативные способы взглянуть на мир (Singer, Lalich, 1995). Они создают качественные смыслы и как бы показывают

короткий путь к тому, что естественным путем меняется в обществе годами, а может быть, и никогда не изменится. Часто культовое сообщество выглядит как своего рода утопия, небольшой изолированный мир со своим укладом и принципами, здесь часто можно встретить идеалистичных, хорошо образованных людей. Культи в момент привлечения новых последователей показывают себя с максимально привлекательной стороны, все, что принято ассоциировать с культовым абюзом, появляется на повестке значительно позже и обычно усиливается в зависимости от продвижения участника к кругу приближенных лидера культа. Актуальность темы связана в первую очередь с травматичностью опыта нахождения в культе, а также с неоднозначным отношением к нему общества, в которое возвращается бывший его участник. Исследование феномена культов с психоаналитической точки зрения проливает свет на природу происходящего с человеком начиная с момента первоначальной индоктринация и до момента исцеления от последствий произошедшего.

Проблемы насилия и эксплуатации в культах сегодня активно выходят на повестку дня в публичном дискурсе СМИ и социальных сетей. К примеру, в США за несколько последних лет кардинально изменилась судебная практика решения подобных дел, лидеров все чаще стали привлекать на основании обвинений в индоктринации и неправомерном влиянии. Суд над Китом Раньери, лидером культа NXIVM, который закончился обвинительным приговором с назначением наказания 120 лет тюремного заключения, несомненно, стал одним из значимых прецедентов. Мы надеемся, что понимание феномена культов на уровне их повторяющихся паттернов доминирования и подчинения, специфики отношений лидера культа с его последователями, техник манипулирования, с помощью которых лидеру удается добиться полной, почти фатальной лояльности от своего ближнего круга, приведенное в данной статье, – все это поможет сделать этот феномен менее загадочным, менее экзотически привлекательным для СМИ и не таким трудноуловимым для регулирования в правовом поле.

Культи и их привлекательность для последователей

Культи коварны по своей природе, у них есть отлично работающий механизм рекрутинга и максимально привлекательные послы. Культи и их лидеры не стесняются играть на уязвимости людей, на их тайных желаниях, на травмах детства. Лидеры культов не имеют совести, так как весь их стыд вытеснен и размещен в других. Именно это делает такие организации опасными, способными нанести своим членам физический, социальный, экономический, психологический и сексуальный вред.

Как пишет Хочман, культи используют чудо, тайну и авторитет, а обещают ни много и ни мало как спасение. «Вместо скуки – благородные и масштабные цели. Вместо экзистенциальной тревоги – структура и уверенность. Вместо отчуждения – сообщество. Вместо бессилия – солидарность, направляемая всезнающими лидерами» (*Hochman, 1990, p. 179*). Культи и их лидеры охотятся на идеалистически настроенных искателей,

предлагая ответы на остросоциальные проблемы и участие в добросовестных социальных изменениях. Вербовщики обращаются к тревогам и одиночеству людей, испытывающих личные проблемы, переходный период или кризис, обещая трансформационное исцеление в рамках заботливого и понимающего сообщества (*Lalich, 2004*). Вербовка в секту часто происходит в специально срежессированных условиях, в форме семинаров с участием убедительных, хорошо подготовленных лекторов, успешных профессионалов, уважаемых ученых или популярных артистов. Соблазнение при вербовке в культ обычно включает жесткий контроль и сокрытие информации о лидере, истории культа, судимостях и других значимых негативных фактах. Также используются приемы активного выражения любви и симпатии, так называемая «бомбардировка любовью» (*love bombing*) по отношению к новым членам группы (*Strutzenberg, 2016*).

Психопатология лидера культа, техники абьюза в отношениях с последователями

Рассматривая психоаналитические теории, проливающие свет на феномен культов, необходимо обратить внимание, что этот феномен, точнее, его психологическая природа не может быть адекватно описана или понята лишь с одной стороны. Нет культа без его лидера, нет лидера культа без фанатично преданных последователей. Учитывая принятую нами установку, что большинство лидеров культа обладают ярко выраженными чертами патологического нарцисса, мы обратились к психоаналитическим подходам и авторам, которые занимались этой проблематикой.

Опираясь на психоаналитическую терминологию, мы будем предполагать, что лидерами культа чаще всего становятся патологические или перверзные нарциссы. Надо признать, что очень редко лидером культа становится человек с одним из типов шизофренического расстройства, тогда он как бы заражает своими бредовыми фантазиями целую группу людей¹. В данной работе нам интересен первый тип лидера, так как именно патологический нарциссизм порождает то, что принято называть культовой динамикой в группе.

Хочу предложить, следуя профилю патологического нарцисса, описанного Розенфельдом (*Rosenfeld, 2003*), одной из ведущих фигур современной кляйнианской школы в Лондоне, обратить внимание на то, что лидер любого культа сильнейшим образом зависит от фанатичной преданности своих последователей. Эта зависимость глубоко постыдна для него, потому что основана на травматических аспектах его собственной истории развития, любая зависимость означает для него презренную слабость и унижение. История травмы развития у тех, кого в последующей жизни

¹ Однако представители этого типа лидера крайне редки, их культы ограничены в числе последователей и редко принимают тоталитарный характер, что тем не менее не делает их менее опасными.

можно назвать патологическими нарциссами, обычно заключается в том, что родители или другие ключевые фигуры воспитывали их в условиях крайнего доминирования и контроля, сопровождаемых повторяющимися переживаниями стыда и унижения. Патологический нарцисс идентифицирует себя с этой агрессией и приходит к презрению к любой форме собственной зависимости, которая приравнивается к слабости. Маниакально защищаясь от лишений и унижений, он приходит к убеждению, что ни в ком не нуждается, что он может доверять только себе, что те, кто зависит от других, слабы и презренны. Таким образом лидер культа, в значительной степени бессознательно, компенсирует свою неспособность доверять и зависеть от других и защищается от сильного стыда, который он испытывает в связи с нуждой и зависимостью, путем достижения контроля над своими последователями, сначала через соблазнительные обещания безусловной любви и принятия, а затем через запугивание, контроль и унижение (Rosenfeld, 2003). Все это служит одной простой цели: вызывая зависимость у последователя, лидер культа пытается откеститься от собственной зависимости, ощущаемой как отвратительная и постыдная. Психологически соблазняя, а затем унижая последователя, чтобы он стал позорно зависим, лидер культа сохраняет свое превосходное положение и может похвастаться тем, что он полностью освободился от всех мелких, мирских привязанностей. Эти процессы подчинения других и пробуждения в других того, что человек ненавидит и стремится отрицать в себе, являются крайними формами маниакальной защиты от стыда зависимости. В реальности же лидер культа не избавляется от зависимости. Наоборот, он (а также, во многих случаях, она) становится зависимым от своих последователей, которые поклоняются и обожают его, отражая его нарциссическую иллюзию совершенства.

Можно сказать, что лидер культа бессознательно так сильно стыдится своей потребности в зависимости, что возникает необходимость в иллюзии всемогущества, чтобы защититься от такого токсичного стыда. Это актуально для патологического нарцисса, который бессознательно знает, что подвержен такому стыду, от которого, кажется, можно умереть, и ему поэтому необходимо поддерживать собственную иллюзию всемогущества. Маниакальная защита помогает поддерживать эту иллюзию, но, кроме того, он испытывает потребность подчинять и соблазнять последователей, чтобы зависимость, к которой он испытывает яростное отвращение, могла быть экстернализирована, локализована в других и тем самым он смог бы ее «контролировать». Затем лидер может выразить свою бессознательную ненависть к себе через свое «сострадание» (часто тонко замаскированное презрение) к слабости своих последователей. Маниакально провозглашая собственное совершенство, лидер создает программу «очищения и прощения» для последователей. Определяя роль последователя как того, что призван стать носителем проецируемого стыда, лидер культа избавляет себя от всякого стыда, становясь, по сути, «бесстыдным». Он определяет свое бесстыдство как просветление, освобождение или самоактуализацию. Для лидера культа становится важным поддержание состояния бесстыдства, от которого зависит его психическое равновесие.

Это в свою очередь подразумевает уничтожение любой конкуренции, чтобы он один и никто другой в группе не чувствовал себя бесстыдным. Поэтому, предлагая другим достичь его состояния совершенства (бесстыдства), следуя за ним, лидер культа на самом деле постоянно индуцирует стыд в своих последователях, тем самым поддерживая свое господство и контроль. Дэниел Шоу называет этот эффект «садомазохистским танцем смерти», деструктивным аспектом стремления к совершенству или «темной стороной просветления» (*Shaw, 2000*).

Психоаналитические концепции, объясняющие участие в культах

Рассмотрев вклад лидера культа в формирование динамики доминирования и подчинения, лежащих в основе отношений с адептами, имеет смысл перейти к не менее значимому вкладу самих адептов в формирование и невероятную стабильность этих отношений.

Хайнц Кохут и концепция селф-объекта

Значимый вклад в разработку теории патологического нарциссизма, несомненно, внесли работы Хайнца Кохута, основателя школы селф-психологии, чьи идеи о нарциссизме были очень влиятельными. Кохут ввел термин «селф-объект» для обозначения провайдеров (первоначально родителей) основных психологических функций, необходимых младенцам для того, чтобы чувствовать безопасность, жизненную силу и привязанность, чтобы развиваться и обретать психическую целостность (*Kohut, 1972*). Преданные и любящие воспитатели, используя свои способности к эмпатическому сопереживанию, выполняют три важнейшие функции для самоощущения развивающегося ребенка: 1) отзеркаливая и принимая с радостью попытки ребенка установить связь и быть признанным, позволяют ребенку сформировать ощущение базовой самооценки; 2) предоставляя модель силы и эффективности, которую ребенок может идеализировать, помогают ребенку усваивать чувство безопасности; и 3) поощряя чувство принадлежности и одинаковости, то, что Кохут назвал «двойничеством», развивают у ребенка комфортное самочувствие в человеческом сообществе и ощущение себя его частью (он не изолирован и не отчужден). Успешное взаимодействие родителя и ребенка по этим селф-объектным потребностям приведет к тому, что у ребенка появятся переживание твердого чувства собственного Я как центра инициативы и уверенность в себе для развития амбиций, идеалов и их реализации. Достаточно хорошее селф-объектное обеспечение (инвестирование) является основой, на которой человек учится поддерживать и регулировать адекватную самооценку (здоровый нарциссизм) на протяжении всех перипетий взросления.

Для тех, чье развитие отмечено хронической нехваткой селф-объектного опыта, или для тех, кто даже временно был лишен этих инвестиций, предложение такого рода в момент уязвимости может быть необычайно

притягательным, от него практически невозможно отказаться, как от воды в пустыне. Именно этим и пользуются культы, предлагая некоторую имитацию селф-объектного опыта, повышенное внимание, безусловное принятие и одобрение на старте. Независимо от того, было ли селф-объектное инвестирование адекватным в процессе развития, все люди потенциально уязвимы для такого влияния, и обычно это связано либо с ранней депривацией, либо с более поздним опытом тяжелых жизненных событий, переживанием отчуждения и изоляции. Когда такая уязвимость присутствует, то притягательный, харизматичный лидер культа может стать для многих олицетворением желанного, идеального родителя-селф-объекта, который изгоняет бессилие и одиночество.

Рональд Фэйрбейрн и моральная защита

Решимость защищать лидера культа любой ценой, которую мы часто встречаем при анализе отношений лидера культа и его адептов, является одной из центральных тем в работе Рональда Фэйрбейрна, влиятельного британского психоаналитика школы объектных отношений. Фэйрбейрн говорил о «моральной защите», способе, которым развивающиеся дети, которые подвергаются пренебрежению или насилию со стороны (или получающих неадекватное селф-объектное обеспечение) своих воспитателей, подсознательно соглашаются «нести бремя плохого». Оправдывая и защищая своих обидчиков и обвиняя себя за пренебрежение/насилие, которому они подвергаются, эти дети выбирают, говоря метафорически, жить в мире, где правит благосклонный Бог («хорошие» родители), где есть хотя бы надежда на искупление, вместо того чтобы противостоять беспомощности и безнадежному отчаянию своей жизни в мире, которым правит дьявол («плохие» родители). Ребенок чувствует: «Если это я плохой, значит, есть надежда. Может быть, я смогу попытаться стать хорошим. Но если это мои родители плохие, то я ничего не могу сделать – я обречен» (Fairbairn, 1943, p. 330).

Последователи культа находятся в похожем положении, когда они становятся зависимыми от своего лидера. В культах лидер зависит от своей способности убедить последователей в том, что он всегда прав. Если что-то не так, в этом всегда виноват последователь, а не лидер, и лидер никогда не позволяет последователю забыть, что таковы правила. Отворачиваясь от коррупции и злоупотреблений своего лидера и принимая на себя чувство греховности, вины и недостойности, последователи поддерживают свою связь с лидером и вместе с этой связью – свои надежды на искупление и спасение. Члены секты постоянно зациклены на том, как их воспринимает лидер, хороши они или плохи в его глазах, поднялись или падают. Навязчиво стремясь к одобрению лидера, они также должны научиться принимать потребность лидера унижать других и быть готовыми в любой момент взять на себя вину и стыд, которые лидер постоянно пытается спроецировать на других.

Теория Эриха Фромма и волшебного помощника

Эрих Фромм рассматривает взаимосвязь процессов развития человека с социальными, религиозными, экономическими и политическими силами в окружающей среде. Он отмечает, что процесс индивидуации освобождает ребенка для «развития и выражения своего собственного индивидуального «я», не стесненного теми связями, которые его ограничивали. Но ребенок также становится более свободным от мира, который давал ему безопасность и уверенность» (Fromm, 2011, p. 46). Фромм описывает затруднительное положение человека, в жизни которого не хватает смысла и направления, в обществе, которое предлагает слишком много тупиковых направлений. Элис Миллер развивает идеи Фромма, он пишет о том, что развитие истинного «я» – цель сепарации и индивидуации – срывается, когда родители чрезмерно используют своих детей для удовлетворения собственных эгоистических желаний (Miller, Ward, 1981). Это не только психически больные, жестокие родители, хотя такие родители, безусловно, существуют. Это также и хорошо функционирующие, часто благонамеренные родители, которые, как и все люди, имеют недостатки, слабости и слепые пятна. Родители, в соответствии со своими собственными привычками, ценностями и эмоциональными потребностями, могут научить ребенка осуждать свои собственные естественные потребности, чувства и попытки самовыражения как греховные, разрушительные и постыдные. Такие дети учатся скрывать или подавлять эти отвергнутые части себя и развивать личность, которая отделена от их настоящих чувств, но которая сфокусирована вместо этого на искусном приспособлении к нуждам родителей – по сути, это акт самоуничтожения (Winnicott, 2018). Такие дети знают, что для поддержания необходимых связей с родителями они должны развивать способность удовлетворять потребности родителей за счет своих собственных. Хотя развивающийся конфликт между привязанностью и разлукой неизменно вызывает чувства изоляции и бессилия, эти чувства могут особенно обостряться, когда стремление ребенка к сепарации представляет угрозу для нуждающегося и нарциссически уязвимого родителя или когда ему препятствуют пренебрежительные или садистские родители.

Для человека, которого мучает сепарационная тревога, независимо от того, проистекает ли эта тревога от более крупных социальных сил или внутри одной индивидуальной семьи, мазохизм станет одним из основных механизмов бегства, считает Фромм. Когда родительское и/или социальное окружение не может обеспечить безопасность, необходимую для усилий по сепарации, то принятие мазохистской позиции, когда человек чувствует себя маленьким и беспомощным или переполненным болью и агонией, может быть способом избегания и защиты себя от необходимости бороться с тем, что победить зачастую практически невозможно. Между самоуничтожением, которое обеспечивает своего рода контроль, и не поддержанной сепарацией и независимостью, которые не поддаются контролю, самоуничтожение может показаться менее страшным из двух зол.

Те, кто занимается самоуничижением, часто обращаются к саморазрушительному и самоповреждающему поведению. Однако уничижение себя является лишь одной стороной попытки преодолеть невыносимое чувство бессилия. Существует альтернатива откровенному саморазрушению и деструктивности, которая имеет непосредственное отношение к теме культов: «Другая сторона – это попытка стать частью большего и более мощного целого вне себя, погрузиться и участвовать в нем. Этой силой может быть человек, институт, Бог, нация, совесть или психическое принуждение. Становясь частью власти, которая ощущается как непоколебимо сильная, вечная и привлекательная, человек приобщается к ее силе и славе. Человек отдает себя, собственное "я" и отказывается от всей силы и гордости, человек теряет свою целостность как индивидуальность и теряет свободу, но зато обретает новую безопасность и новую гордость в причастности к силе, в которую погружается» (Fromm, 2011, p. 177).

Фромм называет силу, в которую погружается человек, «магическим помощником». Когда человек чувствует себя беспомощным и безнадежным, чтобы выразить и реализовать свой индивидуальный потенциал, зависимость от волшебного помощника дает решение, которое смещает акцент с себя, переживаемого как пустое и никчемное, на волшебного помощника. Волшебный помощник, в наших фантазиях, имеет все ответы, может позаботиться обо всем, любит и принимает нас безусловно, тем самым подтверждая и обосновывая наше существование. Слияние с волшебным помощником изгоняет пустоту одиночества и тревогу, и устанавливается магическая безопасность. В этом случае сепарация, индивидуация и сопутствующие им ужасы могут быть полностью предотвращены. Можно присоединиться к культу и совершить своего рода отделение от своей семьи и происхождения, но реальная задача индивидуации не ставится. Попытка псевдосепарации превращается в регресс на более глубокие уровни зависимости и спутанности.

В отношениях с магическим помощником «вопрос заключается уже не в том, как жить самому, а в том, как манипулировать "им", чтобы не потерять его, и как заставить его делать то, что хочется, даже заставить его отвечать за то, за что ответственен ты сам» (Fromm, 2011, p. 199). Парадоксально, что послушание и доброта являются одними из самых распространенных методов, используемых для манипулирования и контроля над магическим помощником. Однако подобострастие перед волшебным помощником, которое испытывает человек, вызывает негодование и порождает внутренний конфликт. Этот конфликт должен быть подавлен, чтобы не был потерян волшебный помощник. Кроме того, люди, которые выдают себя за волшебных помощников, в конечном итоге неизбежно демонстрируют свое несовершенство, а то и свою полную несостоятельность. Таким образом, скрытая тревога о подлинности волшебного помощника или о том, что его можно потерять, будучи недостойным, постоянно угрожает безопасности, к которой стремятся отношения.

Это настоящий двойной узел, и ситуация никогда не будет преодолена. Как отмечает Бергер, «мазохистская установка по своей природе обречена на неудачу, потому что "я" не может быть уничтожено по эту сторону смерти, а другой может быть идеальным только в иллюзии» (*Berger, 2015, p. 24*).

Исследование отношений лидера культа и его последователей на примере NXIVM

В рамках разработки данной темы было проведено эмпирическое исследование, которое позволило проанализировать отношения лидера культа NXIVM Кита Раньери и его последователей. Для анализа были выбраны документальные материалы, созданные при участии бывших членов NXIVM, анализ был проведен с использованием системно-динамического подхода. Исследование отношений лидера культа и его последователей осуществлялось с нескольких точек зрения: был проанализирован организационный контекст NXIVM, который изначально оформлял отношения Кита Раньери и его последователей как руководителя и подчиненных; был проведен тщательный анализ психологической истории и психопатологии лидера культа Кита Раньери; а также проанализирован характер отношений Кита Раньери с его последователями на примере трех ярких эпизодов.

Подробно рассмотрен период первых 30 лет жизни Кита Раньери, а также его отношения со значимыми фигурами. Нам удалось сделать вывод, что этот период жизни содержит паттерны всех будущих злоупотреблений Кита Раньери: его эксплуатации уязвимых женщин, с которыми тот вступал в отношения, преступного принуждения к сексуальным связям, тотальной уверенности в собственной исключительности и гениальности, лжи, а также ярости и преследования тех, кто смог набраться смелости, чтобы покинуть его. Проанализировав первые бизнес-предприятия Кита Раньери, предшествующие созданию его наиболее успешной компании – NXIVM, мы можем сделать вывод о том, что именно он привнес динамику доминирования и подчинения, которая далеко выходила за границы рабочих отношений в каждом бизнес-начинании. Если бы было возможно убрать Кита Раньери из уравнения NXIVM, это была бы самая обычная компания, продающая тренинги личностного развития. Без лидера культа нет самого культа, а с лидером культа то, что снаружи может казаться бизнес-организацией, внутри становится подобием культа или непосредственно культом со всеми сопутствующими атрибутами.

Несомненно, что история NXIVM является одним из наиболее любопытных феноменов в мире современных культов. С одной стороны, это абсолютно легитимная организация с современной повесткой, действующая как ничем не выделяющаяся корпорация с харизматичным СЕО. Именно этим она была привлекательна для тысяч молодых профессионалов, желающих развития и улучшений качества своей жизни и не готовых за этим обращаться ни к религии, ни к каким-либо другим направлениям. Но после того, как все тайное в организации стало явным,

вскрылось существование внутри этой современной корпорации совсем другой, почти средневековой структуры, построенной на мизогинии, доминировании, рабстве и сексуальном принуждении. Сосуществование этих двух миров в некотором смысле поражает воображение и показывает, что при систематической и целенаправленной обработке, индоктринации и нормализации отдельных патологических элементов системы возможно заменить первичную задачу организации на абсолютно невыполнимую и трудно поддающуюся пониманию.

Далее мы сосредоточились на анализе характера отношений Кита Раньери с его последователями, для этого мы выбрали три ярких эпизода, хорошо представленных в материалах исследования. Каждый из выбранных эпизодов стал иллюстрацией того, какую власть имел Кит Раньери над своими адептами: с кем-то он получал эту власть мгновенно, как в случае с Эллисон Мак или Марком Висенте, с кем-то он получал ее позднее, после того как человек прошел индоктринацию определенными идеями о себе и о мире, заложенными в образовательные программы NXIVM. Один из выводов, которые мы можем сделать, – это то, что лидер культа, в данном случае Кит Раньери, использует техники, которые имитируют истинное внимание к личности человека тот самый селф-объектный опыт, которого, возможно, не хватило Эллисон и Марку. Чтобы покорить их и увлечь за собой, он уделяет им время, задает вопросы про их характер, их детство, он внимательно слушает их истории. В случае с Эллисон и Марком это создает почти мгновенный эффект узнавания: передо мной тот, кто меня видит, видит меня настоящего. В случае с Сарой Эдмундсон вербовка происходит на основании изменений ее представлений о себе, когда то, что раньше вызывало удовольствие и являлось источником для гордости, ее отзывчивость, вдруг превращается в нечто постыдное, то, над чем ей предстоит активно трудиться, чтобы стать лучшей версией себя: *«На этом интенсиве я узнала, что ни одна из моих ценностей не была настоящей, а была важна для меня только для того, чтобы скрыть мою неспособность по-настоящему узнать или полюбить себя»*.

Одним из значимых выводов проведенного исследования стало понимание того, насколько значимую роль играет стыд в отношениях между лидером культа и его последователями. Из историй отношений, выбранных для анализа в данной работе, видно, что стыд не только играет первостепенную роль в формировании отношений зависимости от лидера культа и лояльности ему, но также что он играет эту роль на протяжении всего культового опыта: от первичной индоктринации до проживания последствий пребывания в культе. Эллисон и Сара благодаря новым знаниям, полученным от учителя, открывают неприятную правду о себе, Эллисон соглашается с ней мгновенно, Сара сопротивляется и все же вынужденно признает себя побежденной. Далее отношения лояльности и та значительная и по большей части бесплатная работа, которую все трое делали для NXIVM много лет, также мотивируются их недостатками, их несовершенством и тем, как много еще предстоит сделать, чтобы их преодолеть. И в финале мы видим, каким тяжелым и глубоким может быть стыд того, кто осознал, что позволил втянуть себя в многолетний обман

нарциссического перверта Кита Раньери, все это время помогая ему строить его корпорацию зла и работая не покладая рук на ее процветание. Здесь будет уместно процитировать Марка Висенте в момент, когда образ благородного лидера Кита Раньери разрушился, как хрупкая иллюзия, которой он был так долго предан: *«Я был его слугой, я служил ему 12 лет... Это как если бы он ударил меня ножом в душу, а я ему это позволил, и он это со мной сделал, и с моими друзьями, моими близкими, моей женой...»*

Заключение

Рассмотрение отношений лидера культа со своими последователями с психоаналитической точки зрения, включая анализ кейса NXIVM, позволяет сделать следующие выводы:

– без лидера культа нет и самого культа, именно лидер культа, человек с ярко выраженными чертами патологического нарцисса задает деструктивную динамику и является «автором» травматического опыта, о котором свидетельствуют покинувшие культ бывшие участники. Если исключить Кита Раньери из его предприятий, с большой долей вероятности там останется лишь бизнес-составляющая; так, NXIVM могла быть обычной компанией, продающей тренинги личностного развития;

– лидер культа и его психическая целостность напрямую зависят от фанатичной преданности его последователей. Являясь для него болезненно постыдной, эта зависимость отсылает к травматическим событиям его детства. В случае с Китом Раньери, будущим лидером культа NXIVM, мы можем видеть, что еще в детстве он стал фигурой, проявляющей заботу о больной матери, следившей за ее «незрелыми» поступками, именно он был как бы старшей фигурой в этих отношениях, он не мог на нее положиться и поэтому не мог зависеть от нее, это было бы слишком болезненно. Таким образом Кит наделяет ее негативными чертами безответственной алкоголички и как будто отдаляется от нее задолго до ее смерти. Однако в его яростном преследовании всех «отвернувшихся» от него последователей мы можем увидеть ту невероятную значимость для него преданности его окружения, он борется за нее с такой яростью, как если бы от этого зависела его жизнь;

– стыд играет ключевую роль в отношениях лидера культа и его адептов, в психологической истории по обе стороны этих отношений и во всем болезненном опыте участия в культе: от момента вербовки до момента осознания того, что вместо спасения мира или другой большой и благородной идеи, ради которой человек принимал участие в работе «организации», он все время лишь помогал одному нарциссическому перверту реализовывать свои подлые планы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Berger P. L.* The sacred canopy. (2015). Sociology of religion. Routledge. P. 21–26.
2. *Fairbairn W. R. D.* (1943). The repression and the return of bad objects (with special reference to the 'war neuroses'). British Journal of Medical Psychology.
3. *Fromm E.* (2011). Escape from freedom. IshiPress.
4. *Hochman J.* (1990). Miracle, mystery, and authority: The triangle of cult indoctrination. Psychiatric annals. Vol. 20. №. 4. P. 179–187.
5. *Kohut H.* (1972). Thoughts on narcissism and narcissistic rage. The psychoanalytic study of the child. Vol. 27. №. 1. P. 360–400.
6. *Lalich J.* (2004). Bounded choice: True believers and charismatic cults. Univ of California Press.
7. *Miller A., Ward R. T.* (1981) Approach to the psychoanalytic theory of the life and death instincts. Melanie Klein Today. Vol. 1: Mainly Theory: Developments in Theory and Practice. T. 7. C. 239.
8. *Shaw D.* (2000). The dark side of enlightenment: sadomasochistic aspects of the quest for perfection. National Membership Committee on Psychoanalysis.
9. *Singer M. T., Lalich J.* (1995). Cults in our midst. Jossey-Bass/Wiley.
10. *Strutzenberg C.* (2016). Love-bombing: a narcissistic approach to relationship formation.
11. *Winnicott D. W.* (2018). Ego distortion in terms of true and false self . The Person Who Is Me. Routledge. P. 7–22.

Cult Leader and his Devotees in the NXIVM Case: A Psychoanalytic Perspective

T. A. Razumovskaya

Razumovskaya Tatiana A., sociologist, psychologist, psychoanalytically oriented business consultant, mentor and coach; master of psychology (National Research University "Higher School of Economics").

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of relations of the cult leader with his followers using the apparatus of psychoanalytic theory; the empirical study is conducted on the material of the cult NXIVM. The relationship between the cult leader and his followers has a dynamic nature and most often has a painful pathological character of domination and subordination. Using the optics of psychoanalytic theory in the article the author tries to find out what is the peculiarity of psychopathology of the cult leader; how the leader gets unlimited power over his followers; what is the role of the shame emotion in the psychological history of the leader and followers.

Keywords: cult, cult leader, cult devotees, pathological narcissism, Selfobject investment, magical helper, moral defense, masochism, dominance and submission, seduction, indoctrination, "love bombing", control, devotion, shame.

ПСИХОАНАЛИЗ ИСКУССТВА

Психоанализ творчества Сальвадора Дали

Э. М. Разовская

Разовская Эльмира Мазахировна – магистр психологии (НИУ ВШЭ, Москва), психоаналитически ориентированный психолог, сертифицированный профессиональный бизнес-коуч Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК).

Сальвадор Дали – настоящий культурный феномен XX века. Его творчество внесло неоценимый вклад в мировое искусство. Славу великому испанцу принесли не только его выдающиеся картины, но и эксцентричное поведение, вызывающие высказывания о себе и окружающих и в целом – тщательно выстроенный скандальный образ. Сальвадор Дали пробовал себя в различных стилях – от юношеского кубизма и импрессионизма до неоклассицизма в зрелом возрасте, но все же наиболее известен как потрясающий мастер сюрреализма. Его творчество многогранно и разнообразно – он автор рекламных логотипов, иллюстраций и литографий, сценариев и мемуаров, художественных и кулинарных книг. Картины Сальвадора Дали – это открытая дверь в таинственный мир бессознательного. Изучение и интерпретация его творчества являются ценным вкладом в психоанализ искусства и понимание символов бессознательного. Данная статья представляет собой попытку психоаналитической интерпретации символов бессознательного в избранных художественных произведениях Сальвадора Дали.

Ключевые слова: Сальвадор Дали, творчество Сальвадора Дали, психоанализ художественного творчества, творчество и бессознательное, сюрреализм.

Анализом творческих произведений занимались философы и ученые на протяжении всей истории человечества. Благодаря трудам З. Фрейда в XX веке в изучении проблем творчества определился новый вектор. Начали изучаться механизмы творческого мышления, творческий потенциал личности, психика и ее роль в процессе творчества, роль социального в творчестве художника. Психоаналитическое учение З. Фрейда давало различную трактовку творчества, в том числе как бессознательного иррационального процесса, имеющего вневременной характер и социальный контекст (Stuart, 2018).

Исходной позицией в концепции творчества З. Фрейда являлось следующее утверждение: человек, имея желание удовлетворить свои влечения, вступает в конфликт с обществом, которое через моральные и/или правовые ограничения вынуждает его гасить их в себе. В творческом процессе участвует вся психика человека, структурно представленная тремя компонентами: сознательный (Эго – Я; регулятор действия), бессознательный (Ид – Оно; либидо, инстинкты, влечения), предсознательный (сверхсознательный; Эго – Сверх-Я; нормы, память, мышление). Это положение было обосновано в работе «Недовольство культурой». В понимании З. Фрейда западноевропейская культура представляет собой совокупность традиций, нравственных и правовых норм, которые, выступая регулятором отношений в обществе, выступают также и как ограничительный механизм, «табу» природных инстинктов человека – эроса и танатоса (Фрейд, 1995). В результате формируется негативное (враждебное, агрессивное) отношение человека к социуму, препятствующее реализации влечений. Обоснованием влияния общества на человека как подавляющего его желания является работа Кена Гемеса «Фрейд и Ницше о сублимации».

Представление о принципе удовольствия (исключение боли, страдания) и принципе реальности, или регулятивности (запреты, ограничения в удовлетворении влечений), легло в основу конструктивной поведенческой модели Фрейда. Суть ее заключается в том, что человек стремится реализовать программу действий в соответствии с принципом удовольствия, минимизировать через механизмы психологической защиты (вытеснение, регрессия, рационализация, проекция, сублимация) естественно возникающие напряжения, обеспечить себе уравновешенное состояние, состояние удовлетворенности. Регулирующий принцип формирует Эго, стремящееся, с одной стороны, избежать недовольствия, а с другой – учитывать действительность и понимать пользу от этого (Фрейд, 1995).

Таким образом, в ситуации вытеснения нереализованных влечений в силу существующих социальных ограничений или запретов в сферу бессознательного негативные эмоции трансформируются в другие виды общественно одобряемой или лично значимой деятельности, например науку, искусство, спорт, творчество. Механизм сублимации, иначе трансформации и перенаправления сексуального (агрессивного, асоциального) влечения, открытый З. Фрейдом, понимается как ключевая позиция в творчестве: «Мы должны довольствоваться подчеркиванием того факта,

который вряд ли вызовет сомнение – в том, что то, что создает художник, дает в то же время выход его сексуальному желанию» (Фрейд, 1995, с. 95).

Сублимация, здоровая и творческая, а не репрессивная и патологическая, – это работа памяти художника в широком смысле. Это нарциссическая память в действии, создающая символы и, в более широком смысле, благоприятную культурную среду, пробуждая забытые ресурсы внутри себя. Идея сублимации возникает у З. Фрейда в результате анализа творческого процесса и выявления зависимости творчества от социальной среды: подлинная сублимация должна быть не чем иным, как эйфорией либидинозных порывов, интимно созвучных культурным исканиям и социальным институтам (Bollas, 2017).

З. Фрейд избрал художественное творчество образцом для обоснования роли бессознательного в творческом процессе. По мнению З. Фрейда, понять «смысл и содержание того, что изображено в художественном произведении, то есть интерпретировать его», можно благодаря психоаналитическому методу (Фрейд, 1995). Таким образом, в каждом произведении как будто сокрыты «тайные следы» творца, ведущие в сферу бессознательного. Так, изучая творчество Леонардо да Винчи как художника и исследователя, З. Фрейд обнаружил не только раннюю склонность к наблюдательности, но и тотальное вытеснение реальной сексуальной жизни, которое не создает наиболее благоприятных условий для осуществления сублимированных сексуальных тенденций, что и привело к регрессии и отразилось на его творчестве. Леонардо, по Фрейду, перестав получать от искусства требуемое удовольствие, погрузился в техническое творчество. Здесь, как отмечал З. Фрейд, просматривались черты, отличающие деятельность бессознательных инстинктов: ненасытность, непреклонная ригидность и отсутствие способности адаптироваться к реальным обстоятельствам. На примере великого Леонардо психоаналитик Фрейд показывает, что переход энергии либидо в сферу бессознательного и перенаправление ее на творчество является важнейшим свойством сублимации. Джина Мазуччи Маккензи подчеркивает идею Фрейда, что сублимация полового влечения приносит большее удовлетворение, чем его временное насыщение. Более существенным, с точки зрения Фрейда, является перенаправление отрицательной или сексуальной энергии в область творчества: сублимация влечений в пользу творческой деятельности (Priel, 2019).

Биография Сальвадора Дали в контексте его творчества

В 1901 году в Фигерасе у мужчины по имени Сальвадор Дали и его жены родился сын. По обычаю его жена назвала своего старшего сына в честь отца. В возрасте двадцати одного месяца их ребенок умер по неясным причинам. Возможно, это была желудочно-кишечная инфекция, менингит или, самое вопиющее, венерическое заболевание, унаследованное от отца. Девять месяцев и десять дней спустя, 1 мая 1904 года, у Сальвадора Дали и его жены родился второй сын. Скорбя по поводу

недавно пережитой трагедии, они назвали и второго сына Сальвадором. Это Сальвадор Дали, прославившийся в мире искусства и популярной культуры. Можно пофантазировать о том, что то, что он был назван в честь своего покойного брата, было зловещим началом в жизни.

Его родители постоянно говорили о его покойном брате, и существовало местное поверье, гласящее, что называть одного ребенка именем умершего ребенка – к несчастью. Следовательно, Дали жил с чувством вины за то, что он каким-то образом украл существование своего брата (Петряков, 2008). На протяжении всего его детства родители демонстрировали свою любовь и привязанность к первому сыну, держа его фотографию на видных местах, называя его гением и часто беря нового Сальвадора на могилу его брата. Как и любой ребенок, юный Дали испугался, увидев собственное имя на надгробии. Преследуемый этим, он разработал для себя альтер эго – своего брата. Позже Сальвадор приписывал большую часть своей эксцентричности этим необычным обстоятельствам, в то время как другие считают, что его эгоцентризм также был результатом данного события. В детстве ему приходилось бороться, чтобы «подтвердить» свое существование для родителей, это поведение сохранялось во взрослом возрасте и на протяжении всей его жизни (Петряков, 2008).

Однако его детство было не таким уж плохим. Ему посчастливилось быть частью семьи высшего сословия в своем городе с отцом, который был местным нотариусом и, следовательно, очень влиятельным гражданином. Дали был просто еще одним членом семьи с длинной родословной успешных людей. Кроме того, некоторые члены его семьи занимались искусством, что, возможно, способствовало интересу Дали и его способности войти в мир искусства. Когда Дали было три года, у его родителей родился еще один ребенок – Анна Мария. В доме жили сестра Дали, мать, бабушка, тетя, горничные и медсестра, женщины доминировали в домашнем хозяйстве. Отец Дали всегда был на работе, и, таким образом, мальчика очень баловали женщины дома. Он часто закатывал истерики и имел детские недомогания, с которыми могла справиться только его мать, поддававшаяся его желаниям, например переодеваться королем (Гайеман, 2006).

Дали боготворил свою мать, которая всегда прощала его проступки. Он восхищался ее характером и хорошим поведением, считая, что она всегда права. Мать явно была «хорошим объектом» для Дали, на который было направлено его либидо в детском возрасте.

Роман «Скрытые лица», который Дали написал в более позднем возрасте, раскрывает поистине тревожное детство, которое он пережил, когда у него действительно были необычные отношения со своей матерью (Рожин, 1992). В книге главная героиня – женщина по имени Вероника, но она представляет Дали. Он писал (Дали, 2020, с. 54): «Мы спим вместе, когда ей хочется плакать. Это происходит примерно два раза в неделю. Она вбегает в мою постель и заставляет меня что-то надеть; иначе ей было бы стыдно; затем я должна прижаться к ней сзади, крепко обнять и прислониться к ее затылку, чтобы согреться. Это позволяет ей уснуть. Затем немедленно выскальзываю из пижамы и избавляюсь от нее; а если

она просыпается посреди ночи, то кричит от страха, как будто мое тело принадлежит демону».

Мы видим в этом отрывке и в последующем творчестве Дали его явное инцестуозное стремление к своей матери. В то время как Дали обожал свою мать, он относился к отцу как к своему врагу. Он приписал несчастью своей матери ему. Ряд поступков дома и в школе совершался преднамеренно, чтобы рассердить отца. Он намеренно производил акт дефекации в свою кровать, будучи ребенком, и испражнялся по всему дому, чтобы еще больше усугубить ситуацию. Это переросло в копрологическую одержимость, которая продлилась всю его жизнь и стала очевидной в его творчестве.

Дали и его отец продолжали ссориться на протяжении всей его жизни, так как сын чувствовал, что тот слишком контролирует его, а его отец чувствовал, что ему просто нужно больше руководства. Оба были невероятно сильными личностями, что увековечило конфликт. Дали был эксцентричен и свободолобив; его больше заботили искусство и собственная воля, чем реальность. Это раздражало и пугало его отца, прагматика, который не мог его понять (Гайеман, 2006).

Между тем уже в детстве Дали проявлял свой природный художественный талант. Он с необычайным упорством покрывает рисунками скатерти и другие импровизированные холсты. Он часто включал свои странные навязчивые идеи в свое искусство и поведение. Например, в возрасте семи лет он заиклился на образе Наполеона и принял его как идола, желая быть как он. Когда Дали начал ходить в школу, это вызвало у него большой протест (Петряков, 2008). Как и дома, его пребывание там было связано со странными и сложными отношениями. Он проводил много времени с одним профессором, С. Д. Эстебаном Трейтером, что наводило некоторых биографов на мысли о том, что их связывало нечто большее, чем просто отношения ученика и учителя (Гайеман, 2006). Дали проводил с ним много времени, часто сидя у него на коленях. Позже у Дали появится необоснованный страх прикосновений; возможно, его общение с сеньором Трейтером породило отвращение к нормальному контакту. Здесь Дали познакомился с рядом необычных предметов, которые профессор собирал в своем офисе. Многие из этих предметов, такие как мумифицированная лягушка, медицинские принадлежности и оптический театр, можно увидеть в его сюрреалистических картинах. Некоторые критики считают, что картины Дали раскрывают секреты его жизни в большей степени, чем его автобиографии (Петряков, 2008).

Даже в этом возрасте Дали выделялся среди одноклассников своими яркими нарядами. Это привело к издевательствам со стороны его одноклассников – факт, который Дали позже отрицал. У него была только одна подруга, Джоан Буксакек, к которой Дали испытывал сексуальное влечение. Возможно, одежда подруги вдохновила Дали на одержимость карманами и ящиками, которые неоднократно встречаются на полотнах и скульптурах художника. В этом возрасте он проводил большую часть своего времени в мечтах, настолько, что начал изобретать то, что позже назвал «ложными воспоминаниями». Однако на самом деле он умел фантазировать,

научился правильно использовать это умение, которое слишком очевидно в его творчестве.

Детство Дали, психологический климат, в котором он вырос, такие фигуры, как Гитлер и Ленин, пришедшие к власти при его жизни, мировые события, новые теории из области психоанализа и сюрреалистическое движение – все это нашло весьма своеобразное преломление в его уникальном жизненном опыте, наложившись на странности характера. Эта эксцентричность сохранится в его взрослой жизни и отразится как в его творчестве, так и в поведении и жизни в целом. Так же как и его произведения искусства, его личная жизнь сама по себе была явно странной.

Судьба практически не предоставила будущему кумиру миллионов никакого выбора – внешние обстоятельства и внутренний мир были скроены таким образом, что Сальвадор с раннего возраста впитывал и переосмысливал окружающий его мир особым, одному ему присущим образом. В немалой степени благодаря влиянию его чувственных, артистичных, склонных к магическому реализму родителей.

Психоаналитическая интерпретация символов бессознательного в творчестве Сальвадора Дали

Много читавший З. Фрейда, Сальвадор Дали постоянно пытался воспроизвести в своих картинах образы сновидений. По словам самого художника, его рабочий процесс был организован весьма своеобразно: он засыпал прямо на рабочем месте, у мольберта, зажав в кулаке какой-то предмет, например ключ. Когда Дали начинал проваливаться в глубокий сон, он ронял ключ на специально подставленную тарелку, пробуждая себя этим звуком. Некоторое время Дали работал в состоянии полусна, а затем все повторялось сначала.

Картина «Сон, вызванный полетом пчелы вокруг граната, за секунду до пробуждения» (рис. 1) – о звуке, готовом вырвать героиню из объятий сна, но вызывающем у спящей цепь ассоциативных образов. Картина, хранящаяся сегодня в Мадриде в музее Тиссена-Борнемисы, была написана в США, где Дали с Галой провели несколько лет в эмиграции.

Через 18 лет Дали скажет, что целью написания картины была попытка впервые отобразить открытый Фрейдом тип долгого связного сна, прерванного мгновенным воздействием чего-то. На языке психоанализа это значит, что героиня видит классический фрейдистский сон о противостоянии мужского и женского начал, о подавленном сексуальном желании, страхе перед мужским началом. Именно это и подразумевал художник.

Женщина. Здесь художнику позировала Гала, бывшая для Дали и вдохновительницей, и вторым «я». Ей снится сон, который автор отобразил на полотне как пограничье двух миров – реального и иллюзорного, в которых она присутствует одновременно. Пчела. Насекомое – плод реального мира; жужжание пчелы является первопричиной и сна, и пробуждения. Полет. Спящая парит над скалой, не касаясь ее. С точки зрения классического психоанализа – признак подавленного желания. Дали подчеркивал, что нам известно об эротическом значении всего, что связано с полетами,

Рисунок 1. «Сон, вызванный полетом пчелы...»

именно благодаря Фрейду. Гранат. Античная и христианская символика связывает данный образ с плодородием и возрождением. По словам самого Дали, из лопнувшего граната возникает вся жизнетворящая биология. Тигры. Полосатые рычащие хищники – это преобразованные сном в образы жужжание и окрас пчелы. Образ, «подсмотренный» Дали на цирковой афише. Ружье со штыком. Трансформированный образ пчелиного жала, разрушения сна, угрозы пробуждения. Фрейд считал это символом мужских гениталий. Страшные сны девушек часто наполнены преследованием мужчины с ножом или ружьем. Рыба. Чешуйчатый покров, вероятно, отражает в снах фасеточные глаза пчелы из реального мира. Слон. Говоря о том, что слон Бернини на заднем плане несет на себеobelisk и атрибуты папы, Дали намекал на сон о похоронах папы римского, увиденный Фрейдом под колокольный звон. Этот случай психиатр

приводил в качестве примера причудливой связи сюжета с внешним раздражителем. Слон, созданный мастером эпохи барокко Джованни Лоренцо Бернини в качестве пьедестала для древнеегипетского обелиска на площади Минервы в Риме, неоднократно использовался Дали на картинах и в скульптуре. Тонкие суставчатые конечности – символ зыбкости и ирреальности сновидений. Обелиск. Камень на спине слона символизирует доминирование, ярко выраженное мужское начало. Луна. Символизирует женское начало, являясь также атрибутом ночи – времени сна. Море. В построениях Дали это вечность. Фрейд говорил о психике человека как об айсберге, на девять десятых погруженном в море бессознательного. Историк и искусствовед Натаниэл Харрис считает, что на картине изображено именно это.

Таким образом, символика сновидения действует как форма суперструктуры картины Дали «Сон, вызванный полетом пчелы...». Дали мог хотеть показать, что у всех живых существ есть потребности, будь то человек, животное или даже насекомое (как показано на примере тигра), которые даже в состоянии покоя (здесь Гала спит на кровати или куске скалы, при этом она женщина, спящая рядом с тигром) есть иерархия, сила, которой хочется властвовать над другим человеком, с помощью которой сильный хочет одолеть слабого и невинного (как предполагается сильным). «Сила всегда проявляется в подсознательном, выраженная через действия, а <...> те, кто претендует на власть, имеют свою так называемую силу, проистекающую из их прошлых действий, которые повлияли на них психологически, т. е. они слабы, и только демонстрацией силы они могут доказать, что они существуют» (Langer, 2021).

Среди наиболее скандальных по названию и интересных по содержанию произведений выделяется работа Сальвадора Дали «Великий мастурбатор» (рис. 2). Вопреки откровенному названию картины, в ней отражены глубокая подсознательная борьба, страх и ненависть. Давайте разбираться, каким образом отображены эти скрытые, но важные детали.

Написанная одним из наиболее противоречивых и гениальных мастеров – Сальвадором Дали, картина «Великий мастурбатор» сначала производит впечатление сумбура, она непонятна, что, впрочем, можно сказать о многих произведениях Дали. На полотне выделяются два профиля, мужской и женский. Мужской, изображенный крупным планом и смотрящий вниз, – центр композиции. Касающийся земли нос отбрасывает тень. Женщина, помещенная автором в правый верхний угол, отдаленно напоминает Галу, музу Дали. Ее лицо близко к мужским гениталиям на обрешеченной нижней части тела мужчины.

В произведении мы узнаем сразу несколько излюбленных мотивов автора: скала близ Каркадеса, превратившаяся в огромную голову, яйцо – плодородие и символическое изображение самой жизни, муравьи, символизирующие тление и разложение, саранча – вечная, необъяснимая фобия художника. Есть Гала, единственная в мире женщина, разбудившая воображение мастера. Столько любимых деталей в одной работе делают ее особенной и очень важной в творчестве художника.

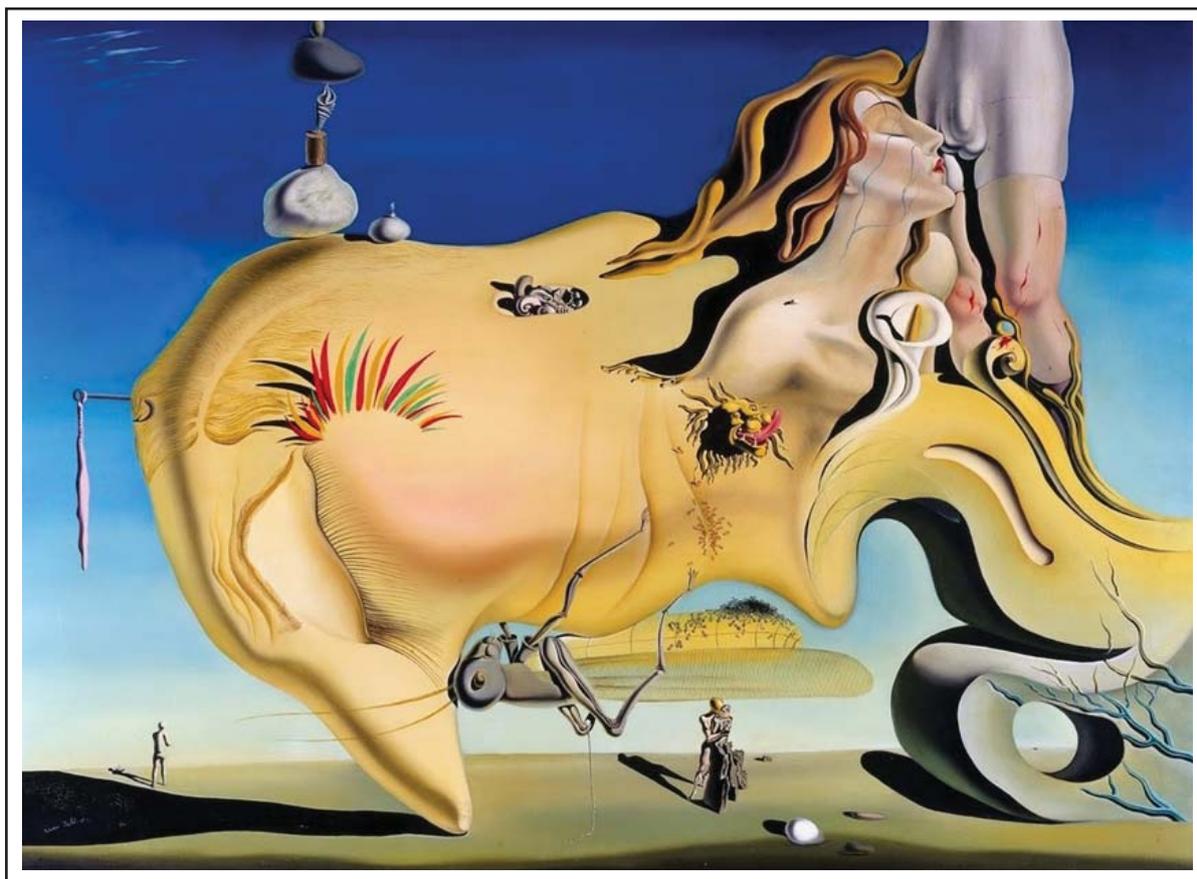

Рисунок 2. «Великий мастурбатор»

Внизу, на песке или земле, можно видеть несколько силуэтов мужчин, с которыми тоже не все так просто. В левом нижнем углу – мужчина, олицетворяющий удаляющееся одиночество. А центр картины под мужским лицом отдан двум фигурам. Необычно то, что у них одна на всех общая, одинаковая тень, что можно трактовать как прямой символ единства или единения благодаря чему-то, объединяющему их.

На центральном мужском профиле сидит саранча – символ глубинного страха самого Дали перед смертью и разложением, на что указывают ползущие по телу саранчи муравьи.

Густой коктейль из странствий, плодородия и похоти, разложения и гниения, страха и отвращения в работах Дали неслучаен, он зарождался в подсознании художника еще с юных лет и долгие годы существовал в голове. В детстве художника случился эпизод, когда его отец оставил на фортепиано книгу, в которой во всех подробностях были изображены поврежденные и сильно изувеченные жуткими болезнями человеческие гениталии. Эти картинки сильно впечатлили молодого Дали – вплоть до того, что даже на какое-то время отвратили его от полового влечения.

Страдание и секс, секс как страдание, страдание как секс. Это главная мысль автора. Всю свою жизнь художник так и не смог побороть ужас, который испытал, увидев в медицинском альбоме снимки, посвященные венерическим заболеваниям. Эта травма заставляла артиста каждый раз во время секса испытывать физическую боль. Его не спасла любовь к

Гале, не исцелили его постоянная творческая рефлексия и избавление от самых сокровенных мыслей и желаний. Картина – великая тайна психики каждого человека (*Obholzer, 1996*).

Дали не хотел расставаться с картиной до конца жизни, она постоянно находилась перед его глазами, заставляя каждый раз анализировать особенности его сознания. Четкие, понятные и реалистичные детали произведения собраны в такое необъяснимое сочетание, что приобретают совершенно необычный смысл. Взгляд зрителя скользит по полотну, задерживаясь сначала на крупных предметах, переходя на более мелкие и наконец начиная схватывать самые мелкие изображения полотна.

Эротика, граничащая с непристойностью, переводит произведение в особую категорию – интимное искусство, очень личное, за пределами индивидуальное. Общая атмосфера разрушения, распада и упадка противоречит той страсти, которая легко различима в человеческих образах. Всякий раз, когда зритель видит картину, его взгляд улавливает все новые микродетали, меняющие впечатление от содержания полотна.

Картина Сальвадора Дали «Приспосабливаемость желаний» (рис. 3) – еще один образчик пугающе-притягательного таланта художника. Приверженность к расчленению деталей на мелкие фрагменты здесь ярко прописана в виде вкусного блюда из коконообразных сфер. Сочная подложка с приторно-арбузной гаммой указывает на присутствие чего-то кровавого и зловещего.

Рисунок 3. «Приспосабливаемость желаний»

Явные признаки сексуального подтекста отсутствуют, однако полотно все же содержит завуалированную эротическую символику – обнаженный женский торс, кормящий голову мужчины исполинских размеров. Как и в большинстве своих работ, в «Желаниях» Дали обращается к теме бренности всего сущего. Символами разложения и распада здесь служат муравьиный рой и разобранная на фрагменты голова льва – образ, фигурирующий на многих полотнах Сальвадора Дали.

Картина ярко иллюстрирует прыжки разных вариаций льва с одного булыжника на другой. Здесь львиная сила однозначно интерпретируется как неистовство желаний. Изображения разнофактурных фрагментов – это фрагментация желаний. В реальности желания людей подстраиваются под действительность, и в результате мечта фрагментируется, измельчается, и от нее остаются только кусочки целого – только грива или силуэт. Спорной деталью остается камень-сфера, на которой изображена то ли улитка, то ли раковина моллюска. Можно предположить, что это символ ума, мудрости либо просто человеческого мозга. Такая интерпретация вполне уместна, учитывая трепетное отношение Сальвадора к работам Фрейда, мозг которого сюрреалист воспринимал в виде раковины улитки: чтобы добраться до истины, нужно пройти не один виток. Каждый виток – непереваемая игра образов, отдельно стоящие головы, зачатки идей. И бедняга, обхвативший голову руками, – можно предположить, что ему удалось докопаться до истины и к нему пришло осознание тщетности его попыток в реализации желаемого.

«Приспосабливаемость желаний» – полотно, относящееся к раннему периоду творчества Дали. Работа хоть и сочная, но нарочито безвоздушная, с резкими тенями и бескрайней космической перспективой. Ее написание совпало с окончательным осознанием автором того, что он истинный сюрреалист: семь лет спустя он поставит точку в своих сомнениях, заявив: «Сюрреализм – это я».

«Лебеди, отражающиеся в слонах» (рис. 4) – картина написанная Сальвадором Дали вдали от Испании в 1937 году. Художник вынужден был покинуть горячо любимую Испанию из-за затяжной Гражданской войны 1936–1939 годов. И неудивительно, что изображенный на картине пейзаж – бухта мыса Креус в Каталонии, малой родине Дали, – однозначно указывает на то, что в мыслях художник был там, в Испании, терзаемой братоубийственной войной.

Во Франции и в Италии, куда перебрались Сальвадор и Галя, конечно же, много писали и обсуждали массовые аресты и расстрелы в Каталонии, набирающий силу террор – и, как уже не раз отмечалось, солнечный свет начинает постепенно покидать картины мастера, уступая место все более мрачным, холодным тонам.

Как заявлял сам Дали, «Лебеди, отражающиеся в слонах» (51×77 см, холст, масло), как и созданные в том же году «Метаморфозы Нарцисса», – относятся к числу самых первых работ, созданных художником знаменитым «всеобъемлющим параноидально-критическим методом». И это один из наиболее удачных «двойных образов» из всех

Рисунок 4. «Лебеди, отражающиеся в слонах»

созданных Дали. Тут для лучшего понимания предмета следует пояснить суть «параноидально-критического метода».

Картина отображает одну из бухт мыса Креус. В центре бухты – островок, покрытый мертвыми, давно лишившимися листьев деревьями. Расщепленные стволы, засохшие, скрюченные, змееподобные ветви, ассоциирующиеся с чем-то «мокро-скользящим», холодным, опасным и тревожным. В грозно-неподвижной глади воды рядом с древесными стволами отражаются лебеди, превращающиеся, если повнимательнее приглядеться к их отражению, в слонов. Это и есть не просто двойной образ, а образ-перевертыш: на перевернутой вверх ногами картине ничего не меняется, только слоны будут отражаться в лебедях.

Этот образ-перевертыш, конечно же, совсем не случаен. Война способна удивительным образом обнажать подлинную сущность человека – и суть эта зачастую способна удивить даже его самого. Тишайший клерк из какой-нибудь пыльной конторы, вздрагивавший от любого окрика начальника, оказавшись по призыву на фронте, превращается в бесстрашного воина.

Ничтожный пьяница, не просыхавший, не вылезавший из пивных, получив мандат от новой власти, наделяется почти божественным правом карать и миловать, становится кровожадным тираном. Закадычный друг превращается в смертельного врага, добряк – в злодея, а герой – в предателя.

Война проявляет изначально заложенную в человеке суть, которая в каждом из нас неизменна, подобно предельно объективным в своем бесстрастии и жестокости лучам рентгена. Именно это делает образ-перевертыш в картине «Лебеди, отраженные в слонах» в высшей степени удачным с символической точки зрения – как в данном контексте, так

и в любом другом. Можно вполне благополучно прожить половину жизни, ощущая себя грациозным лебедем, но приходит война, и выясняется, что ты – слон.

Свисающий с одной из веток кусок сырого мяса – красноречивое свидетельство торжества жестокости, жажды крови, захлестнувших тогда Испанию. Особняком стоят антропоморфные облака, аллюзия Сальвадора Дали на Винсента Ван Гога, и одиноко расположившаяся в левой части холста мужская фигура, от которой веет абсолютным бесстрашием, погруженностью в себя. Этот образ резко контрастирует с общим напряженным настроением картины, и это не кто иной, как сам автор, несмотря на явные внешние различия.

Мужчина, находящийся внутри картины, но при этом и «вне композиции» – это сам Дали, исторгнутый войною из чрева Испании и сознательно отказавшийся принимать чью-либо сторону. Может сложиться мнение, что Дали и Галя жили в башне из слоновой кости, довольствуясь ролью сторонних наблюдателей. Но это не так – художник переживал период переосмысления, поиска ответов на главные вопросы, поиска возможностей хоть как-то влиять на ситуацию.

Свои «Метаморфозы Нарцисса» (рис. 5), написанные в 1937 году, Сальвадор Дали сопроводил большим поэтическим комментарием. Картина стала симбиозом восхищавших художника «Метаморфоз» Овидия, испанской пословицы о проросшей в голове луковице (речь о навязчивых мыслях, комплексах) и, конечно же, идей Фрейда, автора понятия «нарциссизм» в психиатрии.

Прекрасный юноша Нарцисс, как известно, влюбивший в себя многих юношей и девушек, открыто пренебрегал ими. Но влюбленность в Нарцисса была у некоторых столь сильна, что это заканчивалось печально. Влюбленный в Нарцисса юноша Амений был отвергнут и покончил с собой, а горная нимфа Эхо так иссохла от безответной любви, что от нее остался лишь голос. Были и другие отвергнутые – они-то и обратились к богам с просьбой наказать 16-летнего красавца: «Пусть же полюбит он сам, но владеть да не сможет любимым!»

И боги услышали их: однажды увидев в реке собственное отражение, Нарцисс влюбился в самого себя и вскоре умер от голода и душевных мук – не в силах уйти от реки (есть версия, согласно которой он утонул). Нимфы, пришедшие за его телом, нашли лишь цветок – нарцисс.

Сальвадор Дали написал картину, в каждой детали описывающую подробности поэмы. Ничего лишнего, случайного. Здесь художник отошел от основ сюрреализма с его автоматическим извлечением из подсознания набора образов, придя к сюрреализму «систематизированному и поясненному». По словам самого Дали, картина и поэма «Метаморфозы» стали первыми, созданными по только что разработанному им параноидально-критическому методу. Дали определял его как метод иррационального познания, основанный на пояснительно-критической интерпретации параноидальных (бредовых, галлюцинаторных) явлений – фокус и его разгадка одновременно.

Рисунок 5. «Метаморфозы Нарцисса»

Так Сальвадор Дали обозначил свой подъем на еще более высокий уровень, оторвавшись от иных, «автоматических» сюрреалистов – он глубже их и разум ни при каких обстоятельствах, подобно Бретону, не отключает. Но к его работам необходимо найти ключ. Иначе ему всякий раз придется для объяснения сочинять поэму.

Дали создал «Мягкую конструкцию с вареной фасолью» (рис. 6), чтобы представить ужасы гражданской войны в Испании. Дали нарисовал это за шесть месяцев до того, как началась гражданская война в Испании, а затем заявил, что знал, что война должна произойти, чтобы казаться обладающим пророческими способностями из-за «пророческой силы его подсознания». Дали, возможно, изменил название картины после войны, чтобы доказать это пророческое качество, хотя это не совсем точно.

Сейчас картина находится в Художественном музее Филадельфии. Дали нарисовал ее в 1936 году, но были обнаружены его исследования, датированные 1934 годом. Это изображение существа типа геометрического монстра, связанного с подобным же монстром. Два существа кажутся двумя частями одного и того же существа, так что кажется, что оно борется само с собой. По всему фону и на частях монстра видны вареные бобы, которые выглядят так, будто тают. Монстр стоит на деревьях и коричневом деревянном ящике. Фон – голубое небо с облаками, местами темнее, местами светлее.

Рисунок 6. «Мягкая конструкция с вареной фасолью»

Дали и его жена Гала оказались в ловушке посреди всеобщей забастовки и вооруженного восстания каталонских сепаратистов в 1934 году в Каталонии, и это, возможно, повлияло на выбор темы и сюжета картины. Дали и Гале пришлось бежать в Париж, где они и поженились. Дали и Гала наняли эскорт, чтобы он благополучно доставил их в Париж, но человек, сопровождавший их, умер по его возвращении из-за стрессов гражданской войны в Испании. Когда Дали наконец вернулся домой, его дом в Порт-Льигате был разрушен войной. На него также сильно повлияло то, что его друг был казнен на войне, а его сестра Анна Мария была заключена в тюрьму и подвергнута пыткам.

Ужасные, причудливые и мучительно дотошные в технике, картины Сальвадора Дали считаются одними из самых убедительных изображений бессознательного. Дали описал эту конвульсивно захватывающую картину как «огромное человеческое тело, разрывающееся на чудовищные разрастания рук и ног, рвущих друг друга в бреду самоудушения». Осквернение человеческого тела было большой заботой сюрреалистов

вообще и Дали в частности. Здесь же экстатическая гримаса фигуры, напряженные мышцы шеи и окаменевшие пальцы рук и ног создают видение отвратительного очарования.

Исследуя творческое наследие Дали, ловишь себя на мысли, что патологичность его бредового мышления объясняется созданием иллюзии собственного бессмертия и исключительности, реализованной через воспроизведение кровосмесительного контекста. Вождевленное бессмертие определялось не границами его шедевров, но в самоощущении божеством. Он себя так и называл – «Божественный Дали».

Произведения Сальвадора Дали часто выглядят настолько шокирующими, что было бы легко навесить на него какой-нибудь ярлык. Неспециалисты могли бы назвать его шизофреником или полностью оторванным от реальности, потому что его искусство кажется именно таким, совершенно не связанным с реальностью. Однако его картины действительно глубоко укоренены в его собственной реальности и вещах, которые повлияли на него в детстве и молодости. Таким образом, кажется, что работы Дали действительно являются лучшим местом для определения того, что двигало этим уникальным художником. В произведениях искусства, которые часто носят сексуальный и тревожный характер, легко найти темы, наводящие на размышления о психологическом движении, поклонником которого был сам Дали, – теории психоанализа Фрейда.

Анализируя творчество Дали, можно выдвинуть предположение о его фиксации на анальной стадии. Возможность того, что у Дали была анальная фиксация, можно увидеть в его раннем детстве, когда он намеренно испражнялся по всему дому, чтобы досадить своему отцу (Гайеман, 2006). Когда он присоединился к сюрреалистическому движению, многих пугала его копрологическая одержимость. Лучше всего это видно на картине «Страшная игра», на которой среди прочих фигур изображен мужчина в испачканном экскрементами нижнем белье (Rose, 2020). Изображение подобных образов на картинах в дополнение к действиям, которые он совершал в детстве, дает возможность предположить у Дали анальную фиксацию.

Кроме того, многие историки думают, что у Дали было сильное инцестуозное влечение к своей матери, о чем он сам намекает в своем романе «Скрытые лица». Это, конечно, прекрасная иллюстрация фрейдистской концепции эдипова комплекса.

То, как Дали обращался со своей матерью, возможно, свидетельствовало о том, что он действительно был влюблен в нее. В свою очередь, он действительно сильно не любил своего отца, что подтверждает, что эдипов комплекс не был разрешен.

Влечение Дали к своей матери ясно показано в картине «Загадка моего желания (Моя мать, моя мать, моя мать)». Его неприязнь к отцу иллюстрируется картиной «Загадка Вильгельма Телля» (рис. 7). Картину, на которой изображен странный образ мужчины, между ягодицами которого торчит большой кусок плоти и поддерживается костылем, Дали объяснил так: «Вильгельм Телль – мой отец, а маленький ребенок на его руках – я сам; вместо яблока у меня на голове сырая котлета. Он собирает меня

Рисунок 7. «Загадка Вильгельма Телля»

съесть. Крошечный орех у его ноги содержит крошечного ребенка, образ моей жены Галы. Ей постоянно угрожает его нога. Потому что, если нога шевельнется только совсем немного, он может раздавить орех». Однако, как обычно, Дали еще больше усложнил ситуацию, придав Вильгельму Теллю отцу черты Ленина (исключительно для того, чтобы разозлить сюрреалистов). Несмотря на это, картины и биографические свидетельства, предоставленные Дали и другими, определенно указывают на неразрешенный эдипов комплекс.

Чтобы защитить свое Эго от последствий анальной и фаллической фиксации, Дали, возможно, использовал защитные механизмы. Наиболее очевидный защитный механизм, который можно применить к Дали, – это сублимация. Фрейд предположил, что сублимация – это трансформация желания, которое невозможно исполнить в приличном обществе. Таким образом, неприемлемые желания и импульсы перенаправляются в социально желательный выход. Сам Фрейд предполагал, что акт создания произведения искусства часто является сублимацией сексуальной энергии. Среди работ Дали есть много сексуальных и даже откровенно сексуальных картин, которые указывали на то, что он сублимировал свое сексуальное желание в творчество.

Кроме того, в своей жизни Дали продемонстрировал защитный механизм рационализации, который, по словам Фрейда, возникает, когда кто-то пытается «рационализировать» отдельные обстоятельства, переформулируя их в своем уме. Ярким примером этого в жизни Дали стал случай, когда он был исключен из сюрреалистического движения. Вместо того чтобы сожалеть о произошедших событиях, он сказал другим,

что действительно хочет покинуть движение, чтобы достичь нового этапа в своем художественном стиле и карьере. Хотя это может быть правдой, тот факт, что он продолжал рисовать в том же стиле, предполагает обратное, что может указывать на то, что он действительно использовал защитный механизм рационализации.

Что касается его влечения к матери и ненависти к отцу, Дали продемонстрировал смещение, плохо учась в школе, чтобы раздражать своего отца, а не открыто нападать на него. Кроме того, можно утверждать, что в своей картине «Загадка Вильгельма Телля» Дали переносит часть своего гнева по отношению к отцу на более узнаваемое в обществе подставное лицо – Ленина. Кроме того, Дали продемонстрировал этот же защитный механизм, обратив свою сексуальную энергию в привязанность к сестре, когда его мать больше не была доступна в качестве «сексуального объекта».

В произведениях Дали есть место в равной степени и эросу, или сексуальному влечению, и танатосу, инстинкту смерти. Хотя Дали заявлял, что он импотент, из его собственных автобиографий очевидно, что он вступал в сексуальные отношения со многими мужчинами (включая Гарсиа Лорку и Эдварда Джеймса) и женщинами (скорее всего, включая и его сестру, и его жену Галу). Его непреодолимое сексуальное желание можно увидеть на многих его картинах.

Среди наиболее ярких примеров сексуально откровенных работ Дали – «Великий мастурбатор», «Молодая девственница, изнасилованная собственным целомудрием» и «Призрак сексуальной привлекательности». Уже сами названия этих картин весьма говорящие, и они являются очевидным примером сублимации сексуальной энергии. В «Великом мастурбаторе», созданном Дали в 1929 году, когда он только входил в сюрреалистическое движение и группу, он изображает графически сексуальную сцену. Большая часть картины и часть, которая в первую очередь бросается в глаза зрителю, представляют собой мягкий автопортрет Дали, образ, который он использовал в нескольких картинах, в том числе в известном «Постоянстве памяти». Однако зритель быстро замечает кузнечика, брюшко которого покрыто муравьями.

Несмотря на это, картина становится еще более тревожной и еще более сексуальной. Из верхней правой части портрета возвышается женская голова. Ее глаза закрыты, она запрокидывает голову, поджимает губы, готовясь к фелляции нижней части тела мужчины (Rose, 2020). Другие упомянутые картины также откровенно сексуальные. В «Призраке сексуальной привлекательности» Дали изображает изуродованное и расчлененное женское тело, на которое смотрит мальчик на пляже. В других работах сексуальные темы затрагиваются более тонко.

Однако танатос представлен в творчестве не менее ярко. Среди картин, отображающих этот мотив, – «Портрет моего мертвого брата», «Апофеоз Гомера», «Гробница Джульетты» и «Мягкая конструкция с вареной фасолью». Первая из них, очевидно, связана с событием, которое, возможно, спровоцировало его одержимость смертью – смертью его брата, которая привела к необычному появлению Дали в этом мире. «Апофеоз Гомера»

и «Гробница Джульетты» содержат литературные отсылки к теме смерти. Обе картины мрачные по своей природе. На первой из двух изображены изуродованные женские формы. Эта картина и несколько других были созданы в ответ на взрыв атомной бомбы в Хиросиме. Они составили новую технику, которую он назвал «ядерной» или «атомной живописью», над которой он работал в 1940-х годах. Последняя картина, отражающая его инстинкт танатоса, – «Мягкая конструкция с вареной фасолью» («Предчувствие гражданской войны»). На этой картине изображены изувеченные тела, изуродованные столь ненастным эффектом. Сам Дали утверждал, что был очарован болезнью и разложением. Он также признался в одержимости смертью, что является ключевой характеристикой фрейдовского «инстинкта смерти» (Raab, 2020).

Анализируя его работы, легко увидеть, что у Дали действительно мог быть ряд диагностируемых психических расстройств. Он не только продемонстрировал ряд защитных механизмов и психосексуальных фиксаций, но также поддался и своим сексуальным, и агрессивным/смертоносным влечениям. Фрейд считал, что обычно Эго человека подавляет эти побуждения, однако кажется, что он пытается, как может, их преодолеть посредством сублимации; Дали не мог подавить свое половое влечение. Возможно, из-за своих анальных и фаллических фиксаций он так и не достиг полной половой зрелости. Это может объяснить его влечение к причудливым стимулам, как показано в его работах, а также его множественные сексуальные связи.

В древней мифологии рождение богов было результатом инцестных связей ближайших родственников. По мотивам этих мифов даже была придумана кровосмесительная концепция для объяснения его творчества, частично заимствованная у Леонардо да Винчи и Милле. Для рождения нового «божественного» Сальвадора Дали необходима воскресшая мать.

Профессиональный систематический анализ отдельных картин художника и его творчества в целом позволяет сделать ряд важных выводов.

Контекст живописи Дали является инцестуозным. Для него характерны патологические чувства к матери. Мифом следует считать возвеличенную любовь к Гала. Во многих работах проявляется злокачественная агрессия к ней, ненависть, ирония.

Несколько осознанных целей пронизывают все творчество художника.

а) Идея «воскрешения матери и вознесение вместе с ней на небеса через образ Иисуса Христа к состоянию Сверх-Женщины». В ее основе лежит рождение нового Солнца, то есть достигается более высокий божественный статус;

б) написание работ как сублиматорный прием и конечная стадия психоанализа, предполагающая создание искусственным путем контекста кровосмешения.

Желание перевоплощения соседствует с маниакальным, болезненным состоянием инцестуозной любви к матери. Художник вынуждал людей верить в то, что конкретика в его работах отсутствует.

Патологическая особенность всячески пестовалась Дали; хотя он и пытался вылечиться, но продолжал испытывать завистливую ненависть

к известным личностям и выдающимся художникам. Он сумел преодолеть компенсаторную агрессию к женщине, страх, трусость, импотенцию.

Имея достаточный багаж знаний об арт-символизме, даже не зная биографии гения, можно быть уверенным в его инцестоподобных отношениях с матерью, в неконтролируемом увлечении мастурбацией, этим детским способом уберечься от безотчетной тревоги. В страхе перед жестоким, деспотичным отцом. В паническом страхе перед женщиной, страхе гетеросексуальных отношений и венерических заболеваний, перед женским половым органом с одновременным, схожим с состоянием транса, притягательным интересом к нему. В гомосексуальных наклонностях. В созерцательном отношении к явлениям человеческой сексуальности, в вуайеризме, эксгибиционизме, маниакальности, в страстном желании манипулировать вниманием и мнением людей.

Именно этими чувствами во всем их многообразии наполнил свои полотна художник. Явное и скрытое становление сексуальности стало синонимом становления феноменальной личности Сальвадора Дали. Изучая щепетильные вопросы осмысленного существования живописца, мы попадаем на территорию человеческой природы, о которой не принято говорить вслух. Эту формулу и использовал Гений, сделав «приличность» людей щитом, оберегавшим его произведения от аналитического толкования, сохраняя «постоянство инцестуозной памяти».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гайеман Ж.-Л. С. Дали. Великий параноик.* М.: Астрель, 2006.
2. *Дали Г. Гала Дали. Жизнь, придуманная ей самой.* М.: Яуза, 2017.
3. *Дали С. Дневник одного гения.* М.: Азбука-Аттикус, 2015.
4. *Дали С. Моя тайная жизнь.* М.: Попурри, 2020.
5. *Москотинина Г. В. Взаимоотношения искусства и психоанализа.* [Электронный ресурс] // Прикладная психология и психоанализ: электрон. науч. журн. 2010. № 1. URL: <http://ppir.su> (дата обращения: 25.04.2022).
6. *Огден Т. Мечты и интерпретации.* М.: 2001.
7. *Петряков А. М. Сальвадор Дали: Божественный и многоликий.* СПб.: Питер, 2008.
8. *Рожин А. И. Сальвадор Дали: Миф и реальность.* М.: Республика, 1992.
9. *Спинелли Э. Творчество и бытие: экзистенциально-феноменологический вызов психоаналитическим теориям художественного творчества.* М., 1990.
10. *Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии.* М.-Л., 1924.
11. *Фрейд З. Художник и фантазирование.* М.: Республика, 1995.
12. *Bollas C. (2017). The Shadow of the Object: Psychoanalysis of the Unthought Known.* Routledge.
13. *Huizinga J. (2019). Homo ludens: A study of the play element in culture.* Boston: Beacon Press.
14. *Hutcheson F. (2017). Inquiry into the original of our ideas of beauty and virtue.* Boston: Beacon Press.

15. *Langer S.* (2021). *Philosophy in a new key. A study in the symbolism of reason, rite and art.* Cambridge: Harvard Univ. Press, 2021.
16. *MacKenzie G.M.* (2018). *Why Freud Now?* American Book Review. Vol. 39. No 2/3. P. 5.
17. *Matthews E.* (2014). *Revisiting Freud.* Philosophy, Psychiatry, & Psychology. Vol. No 3. P. 243–245.
18. *Obholzer A.* (1996). *The unconscious at work.* London: Routledge, 1996.
19. *Priel B.* (2019). *Who killed Laius?* Int J Psychoanal, No 83. P. 433–443.
20. *Rose G.* (2020). *Necessary illusion: Art as witness.* Madison: Int. Univ. Press, 2020.
21. *Raab K.A.* (2020). *Creativity and Transcendence in the Work of Marion Milner* // American Imago. No 57.2. P. 185–214.
22. *Stuart J.* (2018). *Teaching Freud Today?* American Imago. Vol. 75. No 2. P. 287–296.
23. *Schafer R.* (2017). *Retelling a life: Narration and dialogue in psychoanalysis.* New York: Basic Books.
24. *Segal H.* (2020). *Dream, phantasy and art.* London: Routledge.
25. *Semprun J.* (2018). *Literature or life.* London: Penguin, 2018.

Psychoanalytic research of Salvador Dali's artwork

E. M. Razovskaya

Razovskaya Elmira M., Master of Psychology (NRU HSE, Moscow), psychoanalytically oriented psychologist, certified professional business coach of the Association for Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC)

Salvador Dali is a true cultural phenomenon of the 20th century. His work has made an invaluable contribution to world art. The glory of the great Spaniard was brought not only by his outstanding paintings, but also by his eccentric behavior, provoking statements about himself and others, and in general – a carefully constructed scandalous image. Salvador Dali dabbled in a variety of styles, from youthful Cubism and Impressionism to Neoclassicism in adulthood, yet he is best known as a stunning master of Surrealism. His work is multifaceted and varied – he is the author of advertising logos, illustrations and lithographs, scripts and memoirs, art and cookbooks. Paintings by Salvador Dali are an open door to the mysterious world of the unconscious. The study and interpretation of his work makes a valuable contribution to the psychoanalysis of art and the understanding of the symbols of the unconscious. This article is a psychoanalytic interpretation of the symbols of the unconscious in selected works of art by Salvador Dali.

Keywords: Salvador Dali, Salvador Dali's artwork, psychoanalysis of artwork, creativity and the unconscious, Surrealism.

Буковски. Психобиографический абрис

И. Ю. Никитин

Никитин Илья Юрьевич – организационный психолог (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия), магистр искусств в области интегральной психологии (Университет Джона Ф. Кеннеди, США), студент программы «Психоанализ» (Восточно-Европейский институт психоанализа, Россия).

Статья представляет собой краткий психобиографический очерк, посвященный раннему детству немецко-американского писателя и поэта Чарльза Буковски, основанный на автобиографическом романе писателя «Хлеб с ветчиной» и ряде опубликованных биографий субъекта исследования, выполненный в междисциплинарном психоаналитическом ключе.

Ключевые слова: Чарльз Буковски, психобиография, психоанализ, развитие личности.

Генри Чарльз Буковски (1920, Андернах, Германия – 1994, Сан-Педро, США) – немецко-американский писатель, новеллист и поэт, представитель «грязного реализма», североамериканской литературной традиции, сложившейся в 80-х годах XX века, характерными чертами которой является стилистически минималистское, до предела скупое и неприкрашенное, нарочито гиперреалистичное описание рутины повседневной жизни деклассированных социальных элементов в ее несовершенстве и неприглядной природе, изобилующее темами алкоголизма, случайных половых связей, безработицы и – в случае Буковски – творческого поиска.

Литературное наследие Буковски формирует корпус из более 40 книг прозы и поэзии, большая часть из которых носит выраженный автобиографический характер (Sounes, 1999; Cherkovski, 1991; Charlston, 2010). В контексте настоящего очерка наибольший исследовательский интерес представляет литературный антигерой Буковски, протагонист значительного

количества его работ – Генри Чинаски, подчеркнуто грубый маргинализованный изгой, неудачливый писатель-одиночка, любитель женщин и пьяница, альтер эго самого Буковски. Художественное жизнеописание Чинаски открывает наиболее просторный пласт для анализа личности автора в романе 1982 года «Хлеб с ветчиной» (англ. *Ham on Rye*), посвященном детству и юношеству писателя, прошедшему в травмирующей и недружелюбной среде, как будет далее продемонстрировано в настоящей работе.

Семья Буковски – Генри Чарльз Буковски и Катарина Буковски, выходцы из Германии, переехали в Соединенные Штаты Америки в 1924 году и обосновались в Лос-Анджелесе. Этим годом, согласно «Хлебу с ветчиной», датированы первые воспоминания Буковски о своем детстве (что соответствует четырехлетнему возрасту). Немировский отмечает: «Винникотт и Кохут придерживались мнения, что ранние травмы не обязательно должны быть обусловлены какими-то "действиями". Нездоровое окружение может "сделать свое дело" через неуловимые нарушения в атмосфере формирования психики младенца <...> достаточно хронического пребывания в патологической атмосфере» (Немировский, 2010, с. 180). В свете данного представления раннее окружение Буковски можно обоснованно обозначить как «нездоровое» – потребность в межличностном общении ребенка регулярно фрустрировалась, так как Чарльзу было запрещено общаться с другими детьми (*Cherkovski*, 1991), которых отец считал недостойными общения из-за их принадлежности к беднейшим слоям общества (Буковски, 2021). Отец неоднократно применял физические наказания к сыну (частыми были порки ремнем (Буковски, 2010) и регулярно избивал мать (*Cherkovski*, 1999; *Sounes*, 1999). «Людей мой отец не любил. Не любил и меня» (Буковски, 2021, с. 17), «я рос на пинках и подзатыльниках» (Буковски, 2010, с. 102). Материнской любви Чарльз не получал, его мать Катарина была всецело посвящена мужу и не уделяла ребенку достаточного внимания или родительской теплоты, регулярно принимая сторону супруга в вопросах воспитания ребенка. Лейтмотивом отношения Генри Чарльза к сыну была на длительное время позиция, приведенная Буковски в первых главах «Хлеба с ветчиной»: «Детей должно быть видно, но не слышно» (Буковски, 2021, с. 17). Пренебрежительность и в некоторой степени брезгливость – это то, что молодой Чарльз испытывал на себе со стороны отца, к которому уже в раннем возрасте начал испытывать отвращение из-за его склочного характера (Буковски, 2021).

В «Хлебе с ветчиной», утверждает Черковски, Буковски «раскрыл воспоминания, с которыми было тяжело жить» (*Cherkovski*, 1991, р. 275); аналогичного мнения придерживался и Соунс: «Об этой части своей жизни (раннем детстве и юношестве. – И. Н.) он, кажется, рассказал неприкрашенную правду» (*Sounes*, 1999, р. 10). Так, с рядом допущений принимаемое за автобиографические сведения описание раннего детства писателя и наличие ряда биографических материалов о данном периоде его жизни за авторством третьих лиц позволяют нам выдвинуть предположение о возможности проведения ограниченного психобиографического анализа,

своей целью преследующего умозрительную реконструкцию этапов психического развития личности автора посредством анализа его литературных текстов и иных доступных источников информации.

Рассмотрение раннего этапа психического развития в данном очерке будет вестись с позиций классической психоаналитической теории с рядом заимствований из трудов неопрейдистских аналитиков. Чтобы очертить границы для понятия «раннее психическое развитие», под данным термином будет пониматься возраст от рождения до пяти лет, который выступит основным предметом исследования по ряду нижеизложенных причин. Фрейд рассматривал возраст до пяти лет и развитие эдипова комплекса, ему соответствующее, «ядерным комплексом невроза» (Фрейд, 2010а), а Адлер, определяющий поведение человека его уникальным «жизненным стилем», аналогично видел последний завершающим свое формирование к пятилетнему возрасту (Адлер, 2011). Возраст до пяти лет, а точнее, специфику протекания эдипова комплекса в данный период видела базовой причиной будущих внутриспсихических конфликтов А. Фрейд (Фрейд А., 2000), пять важнейших этапов с соответствующими эмоциональными кризисами Эриксон относил к детству и подростковому периоду – от рождения до восемнадцати лет (Эриксон, 2000). Винникотт и Кохут рассматривали первые годы жизни как первопричину всех конфликтов личности (Немировский, 2010), также данная мысль поддерживалась Малер (Малер, Пайн, Бергман, 2011) и Салливаном (Салливан, 1999).

Изложенные в романе «Хлеб с ветчиной» сведения в настоящем очерке берутся за основу интрапсихической реальности Буковски, выраженного интровертного мыслительного типа¹, подспорьем к указанным данным

¹ В типологической модели организации психики Юнга выделяются две личностные установки – интроверсия и экстраверсия, а также четыре функции (типа организации) – мышление, ощущение, интуиция и чувство, таким образом формируется восемь типологических групп (Юнг, 2007). Функции в свою очередь делятся на две группы – рациональную (мышление и чувство) и иррациональную (ощущение и интуиция). Одна из функций, непременно являющаяся ведущей, соответственно, ставит свою пару в положение подчиненности, остальные две занимают вспомогательную позицию (Шарп, 2008). В случае Буковски отчетливым лейтмотивом психической организации является ориентация на внутренние личностные факторы, что соответствует отличительной черте интроверсии. Шарп пишет: «Интроверт связан главным образом с впечатлениями, вызываемыми объектом у субъекта (внутренняя реальность)» (Шарп, 2008, с. 89). Так, интроверт занимает отстраненную позицию по отношению к миру и обществу, сторонится их и даже противоречит им (Юнг, 2007). По форме мышления для человека интровертного мыслительного типа факты как таковые играют второстепенную роль (не являются причиной или целью мыслительного процесса), доминирует же развитие и изложение личных идей – таким образом, происходит следование идеалам, которые ориентированы на себя, а не на других (Франц, Хиллман, 1998). Интровертный мыслительный тип, отдаляясь от общества, слабо поддается его влиянию и сам не стремится влиять, представляя исключительно субъективную оценку реальности и проявляя к мнению окружающих безразличие. Шарп также отмечает, что в крайних случаях подобная установка по отношению к людям приводит к замыканию человека на самом себе и полному отчуждению от других (Шарп, 2008), что может быть названо характеризующей Буковски чертой личностной организации. Следовательно, для интровертного мыслительного типа важнейшими структурными элементами, формирующими внутреннюю реальность, являются именно переживания и восприятия событий – пережитое как таковое, – но не события сами в себе, обособленные биографические факты. С учетом изложенного, приведенные в «Хлебе с ветчиной» сугубо личные, субъективные сведения по своей ценности для исследования личности Буковски играют ощутимо большую роль, чем любые данные, которые возможно извлечь из объективных биографических источников.

выступит информация из различных сборников малой прозы и поэзии, в которых писатель описывает свое детство и семью. Сопоставление же субъективной реальности с реальностью объективной, таким образом, будет вестись посредством привлечения информации из биографий Буковски.

Таким образом, наличие разнородного материала в отношении раннего детства Буковски позволяет нам говорить об относительно удовлетворительном соответствии *a*- и *b*-критериям² в отношении субъекта психобиографического исследования, подробно описанным в отдельной работе в ходе рассмотрения фундаментальной проблемы психобиографического исследования (Никитин, 2023).

При учете вышеизложенного допущения, однако, следует одновременно признать и отдельно отметить ограниченность методов психобиографии по вопросу воссоздания этапов раннего психического развития и, соответственно, очертить нижнюю границу исследования в настоящей статье. Значительное количество психоаналитически ориентированных авторов отводят ключевую роль в вопросе формирования психики человека временному диапазону от момента рождения человека до достижения им (ей) возраста 24 месяцев и, иногда, даже перинатальному периоду. Так, к примеру, основную причину возникновения неврозов и основной же фактор развития человека видел в травме рождения Ранк (Ранк, 2009), чьи исследования были позднее развиты Грофом (Гроф, 2008), а также нашли отражение в работах Верни в русле пренатальной и перинатальной психологии (*Verny, Kelly, 1982*). Также, в одном ряду с вышеупомянутыми концепциями стоит расположить теорию «сепарации-индивидуации» Малер, постулировавшей три фазы развития индивидуума – фазу аутизма (1–3 мес.), симбиоза (1–6 мес.) и отделения-индивидуализации (6–30 мес.), которые являются фундаментом для возникающих позднее объектных отношений (Малер, Пайн, Бергман, 2011) – т. е. «отношений человека к окружающему его миру людей и вещей, основанных на восприятии реальных или воображаемых объектов и возможных способах взаимодействия с ними» (Лейбин, 2010). Принимая во внимание существование феномена инфантильной амнезии – утраты воспоминаний детства в период от рождения до пяти-шести лет (Фрейд, 2010а), которые становятся недоступными для взрослого человека, но продолжают играть важнейшую роль в его (её) жизни (Лейбин, 2010), мы вынуждены признать тот факт, что точное воссоздание данных периодов жизни психобиографическими методами будет носить спекулятивный характер.

Воспоминания же, охватывающие возраст до пяти-шести лет (если таковые наличествуют), при всем разнообразии диагностического инструментария психобиографа могут оказаться совершенно бесполезны – представляющие из себя так называемые «покрывающие воспоминания»

² Имеются в виду наличие значительного массива автобиографических свидетельств (материалов), описывающих ранние этапы развития исследуемой личности, и наличие разносторонней биографической информации об аналогичном периоде, позволяющей производить сопоставление двух указанных групп данных, соответственно.

(воспоминания, благодаря процессам сгущения и смещения скрывающие наиболее существенное, аффективно богатое и замещающее это незначительными, неважными и зачастую не имеющими смысла образами), они являются возможными для интерпретации с выявлением истинного смысла исключительно при традиционном анализе (Фрейд, 2010б). Предметно на данный счет выражается и Салливан, отмечая, что в раннем возрасте (до пяти лет) вызывающие негативно окрашенные реакции взрослых действия ребенок ассоциирует не с собой, а с ощущением, описываемым понятием «не-я» – т. е. с диссоциацией, которая в более позднем возрасте ведет к нарушениям состояния самоидентификации; таким образом, «ребенок вообще отказывается осознавать или признавать что-либо, в результате диссоциированный материал остается вне сознания, и воспоминание о таком опыте обычно невозможно» (Салливан, 1999, с. 2). В соответствии с изложенным с определенной оговоркой нижней границей для исследования личности Буковски выступит возраст, которым датируются его первые воспоминания, а именно возраст четырех лет.

I. Анально-задерживающая стадия (Фрейд), повторное сближение (Малер), автономия против стыда и сомнения (Эриксон), младенчество (Салливан)

Первые воспоминания Буковски относятся к 48-му месяцу жизни, что в теории психоанализа соответствует позднему периоду фаллической фазы, граничащей с анально-задерживающей стадией, с одной стороны, и с латентным периодом, с другой стороны. З. Фрейд, А. Фрейд, Томпсон, Салливан, Винникотт, Кохут и Клейн сходились во мнении, что индивидуальной характер протекания эдипова комплекса (который вступает в права в фаллической фазе) тесно связан с доэдиповой историей субъекта, обуславливающей закономерности протекания самого комплекса (Фрейд З., 2006; Фрейд А., 2000; Блум, 1996; Немировский, 2010; Тайсон, Тайсон, 2006). В свете данного представления видится важным утверждение Черковски, отметившей: «То малое, что нам известно о детстве Чарльза, нельзя узнать ни от кого, кроме него самого» (*Cherkovski*, 1991, p. 11). Принимая во внимание наложение фаз психосексуального развития друг на друга, которое в равной степени принимали и Фрейд, и Эриксон, становится возможным частично рассмотреть период времени, который не покрывается воспоминаниями Буковски, отталкиваясь исключительно от проявившихся позднее особенностей характера. Этап жизни, который в данном случае мы намереваемся рассмотреть, соответствует «анально-задерживающей» стадии по Фрейду, третьей субфазе «отделения-индивидуализации» по Малер, стадии «автономия против стыда и сомнения» по Эриксону, а также второй половине этапа «младенчества» по Салливану – т. е. датирован приблизительно семнадцатью месяцами жизни субъекта исследования. В данном возрасте, считал Салливан, важнейшим человеком для ребенка выступает мать, отношения с ней играют ключевую роль вплоть до двухлетнего возраста ребенка, когда значимую роль начинает играть отец (Салливан, 1999). Сделать

определенные выводы о характере взаимоотношений Генри Чарльза с матерью нам позволяет следующее воспоминание Буковски: «Меня мучила одна проблема – я не мог ходить в туалет. Я хотел писать, хотел какать, но стыдился, что другие узнают об этом, и из последних сил сдерживал все в себе. Это было ужасно» (Буковски, 2021, с. 31).

На «анально-задерживающей» стадии психосексуального развития ребенок получает удовольствие от затягивания процесса экскреции (Блум, 1996). Комментируя Фрейда, Абрахам пояснял базовый психологический конфликт, проявляющийся в ответ на приучение к чистоте и навык отправления выделительных функций в определенное время: «Ребенок должен отказаться от своей копрофилии и от получения удовольствия в процессе дефекации» (Абрахам, цит. по Абрахам, Гловер, Ференци, 2009, с. 25). Таким образом, мы можем выдвинуть предположение о психической природе задержек в опорожнении кишечника, которые самим Буковски болезненно воспринимались. Линдсей и Холл, комментируя Фрейда, в частности, связывали нарушения акта дефекации с жесткими и репрессивными методами взаимодействия матери с ребенком (Линдсей, Холл, 2008). Абрахам, с другой стороны, рассматривал не обусловленные физиологическими причинами запоры как показатель ущемленной гордости (Абрахам, 2007). В это же время у ребенка начинается развитие важнейшего с точки зрения Фрейда внутриспсихического конфликта – эдипова комплекса. Основополагающим данный конфликт также считал и Абрахам, проводя прямую зависимость между нарушениями в разрешении комплекса и формированием объектных отношений (Абрахам, Гловер, Ференци, 2009). На второй субфазе анальной стадии в объектных отношениях к отцу происходит первичная идентификация – состояние, когда индивид еще не окончательно осознал свою идентичность (чувство непрерывности своего бытия) от идентичности другого, т. е. различия между «я» и «ты» не существует. Параллельно с этим в объектном отношении к матери происходит вторичная идентификация – т. е. процесс идентификации, в ходе которого идентичность матери уже является обнаруженной и осознанной (Райкрофт, 1995).

В рассматриваемом возрасте, согласно теории сепарации-индивидуации Малер, ребенок проходит субфазу «повторного сближения», которая вступает в свои права одновременно с обучением ходьбе. Здесь, опять же, ключевую роль для индивидуума играет мать – ребенок интересуется ее местоположением и стремится приблизиться, что становится фундаментом для понимания матери как отдельного от самого ребенка существа. По Малер, на данной субфазе, характерной еще не полным разграничением между своими и материнскими желаниями, появляются страх потери объекта, в частности страх потери любви объекта, и зарождается кастрационная тревога. Текущие взаимоотношения с матерью, считает Малер, играют ключевую роль в развитии умения дифференцировать и проводить интеграцию, контролировать агрессию и развивать здоровый вторичный нарциссизм (т. е. «направленность сексуальности взрослого человека на собственное Я» (Лейбин, 2010, с. 416), что в значительной мере способствует бесконфликтному разрешению наступающего позднее

эдипова комплекса (Малер, Пайн, Бергман, 2011). Поскольку мы находимся в ситуации дефицита, а точнее, полного отсутствия информации о ранних взаимоотношениях Катарины Буковски с сыном, на текущем этапе сделать какие-либо выводы с позиций Малер является невозможным, однако с рядом допущений подобная возможность нам представится позднее.

Эриксон рассматривал данный аспект развития личности в рамках «элиминирующего модуса» во второй стадии жизни человека, названной «автономия против стыда и сомнения». Согласно Эриксону, проявляющиеся на данном этапе стыд, неуверенность в себе и слабОВОлие являются результатом конфликта между стремлением к автономии и ограничениями, накладываемыми ранним окружением (Эриксон, 2000), – т. е. в рассматриваемом случае стыд, о котором говорит Буковски, является следствием определенным образом сложившихся отношений с ранним окружением. Томпсон также рассматривала «анальную фазу» в срезе отношений с родителями (Блум, 1996) – что, в случае Буковски, может указывать на нарушения в сфере формирования межличностных отношений. В подтверждение данного предположения также будет уместно привести описание «анальной фазы» Лейбином: «У ребенка могут возникнуть различного рода страхи, связанные с неспособностью осуществления контроля за дефекацией <...> На этой почве у ребенка возникают внутриспсихические конфликты, разрешение которых может сопровождаться проявлением садомазохистских тенденций и агрессивных импульсов» (Лейбин, 2010, с. 61). Эриксон был убежден, что как разрешенные, так и неразрешенные конфликты, соответствующие каждой стадии развития, с новой силой вспыхивают по ходу прохождения установленных этапов жизни человека, своим уникальным сочетанием формируя уникальность жизненного пути индивидуума (Эриксон, 2000). В свете данного представления упоминание Лейбином агрессивных импульсов станет очевидно, когда мы рассмотрим следующую стадию психосексуального развития.

В интерперсональной теории психиатрии Салливана описываемый период жизни младенца называется «младенчество» и продолжается вплоть до появления артикулированной речи; на данной стадии важнейшей фигурой для индивидуума является мать. Ключевой потребностью для ребенка на данной стадии является снижение уровня тревоги, что самостоятельно проделать младенец не в состоянии, поскольку его тревога возникает исключительно в ответ на появление тревоги у матери (Салливан, 1999). Также на описываемой стадии появляются персонификации (т. е. «организации переживаний, формирующие внутренний образ других людей» (Лейбин, 2010, с. 544), которые Салливан обозначил «мать-плохая» и «мать-хорошая». Обозначают они представления, основанные на опыте взаимодействия с «плохим соском» – т. е. не удовлетворяющим потребность в пище, и, соответственно, «хорошим соском», такую потребность удовлетворяющим (Фрейджер, Фейдимен, 2008). Происходят ранние персонификации Я – т. е. самовосприятия «я-плохой», как следствие наказания и неодобрения, «я-хороший» – как результат переживаний, связанных с одобрением, и «не-я», основанное на сильных

переживаниях, вызывающих диссоциацию и не принимаемых в качестве имеющих отношения к Я. В дополнение к этому происходит постепенный переход от прототаксического уровня знаний (ранних и примитивных переживаний) к уровню паратаксическому, т. е. зачаткам логического мышления, когда строятся первые причинно-следственные связи между событиями (Салливан, 1999). Салливан отводит на рассматриваемой стадии наиболее значимую роль процессу кормления и тем способам, которыми мать уменьшает тревожность ребенка, взаимодействуя с ним – по данной причине в силу известных обстоятельств рассмотрение этапа жизни, предшествующего первым воспоминаниям субъекта исследования, становится невозможным. К следующему за «младенчеством» «детству» мы обратимся предметно несколько позже.

Похожих с Салливаном взглядов на раннее психическое развитие придерживались Винникотт и Кохут, считающие его происходящим исключительно в матрице «мать – ребенок». Так, парадигмой основных работ первого была уверенность в том, что «не существует такой вещи, как младенец» – т. е. существует неотделимая связь между ребенком и матерью, способствующая развитию врожденного потенциала или, в случае разрыва ощущения непрерывности существования, приводящая к травме (Немировский, 2010). В числе основных задач данной связи, отмечает Винникотт, включаются персонификация и контакт с реальностью – реализация. Формирующаяся самость ребенка – ощущение самого себя и своих пределов – появляется благодаря поддержке, руководству и презентации объекта со стороны матери. Данное всецело относится исключительно к потребностям и, в случае «провала» функций раннего окружения, в дальнейшем приводит к патологическим нарушениям в противодействии разрушительной силе инстинктов (Винникотт, 2008), изучением которых в рамках теории психосексуального развития занимался Фрейд. Аналогичного мнения придерживался и Кохут, считавший фрейдовское ядро невроза (эдипов комплекс) следствием ранней заброшенности. Согласно Кохуту, «развитие происходит за счет эмпатической связи объектов и субъекта» (Немировский, 2010, с. 71), а самость формируется во взаимодействии с ранним окружением (объектами самости) – постепенно интернализируясь (путем постепенного неудовлетворения потребностей, которое в конечном итоге становится легкопереносимым), образуя ядерную самость ребенка (Кохут, 2002). Согласно мнению ученого, в период жизни до шести месяцев ребенок не может отличить свою зарождающуюся самость от самости объектов – используя термин «фрагментированная самость», Кохут подразумевает, что на данном этапе от матрицы «мать – ребенок» индивидуум неотделим. С достижением второй половины первого года жизни объекты самости ребенка катектируются (т. е. получают вложение психической энергии) нарциссическим либидо и подразделяются на две группы: отражающие объекты (которые своим откликом подтверждают идею о могуществе младенца) и родительское идеализированное имаго (предметы восхищения и слияния). Оба вида объектов самости интернализируются ребенком, формируя «архаичную грандиозную целостную самость», которая, в модели Кохута, поляризована.

В результате взаимодействия с объектом образуются два полюса – собственные идеалы и амбиции с устремлениями, между которыми устанавливается дуга напряжения, область которой содержит таланты и способности. Соответственно, если процесс интернализации не прошел необходимых этапов – переживания удовлетворения своих потребностей и оптимального разочарования в раннем окружении, то вместо ядерной самости последняя становится фрагментированной, т. е. в состоянии гипертрофированности начинают пребывать или собственные идеалы, или амбиции с устремлениями (Немировский, 2010; Кохут, 2002).

Нарушения в процессе формирования самости ребенка, ведущие к фрагментированности (Кохут) или ложной самости (Винникотт), в качестве симптомов выдают депрессию, сомнения относительно своей идентичности, ощущение собственной никчемности, апатии, бессмысленности существования, что в конечном итоге ведет к промискуитету, т. е. сексуальному безразличию (Немировский, 2010). Последний пункт данного умозаключения особенно важен в контексте психобиографического исследования Буковски, однако вернуться к его детальному обсуждению мы сможем только несколько позже, предварительно рассмотрев развитие эдипова комплекса.

II. Фаллическая стадия (Фрейд), консолидация (Малер), инициатива против чувства вины (Эриксон), детство (Салливан)

Согласно представлениям Фрейда, на фаллической стадии психосексуального развития проявляются чувства, «концентрирующиеся вокруг желания обладать родителем противоположного пола и устранить родителя своего пола» (Райрофт, 1995, с. 231). На данной стадии первой субфазой идет появление амбивалентного чувства к отцу, в рамках которого любовь сосуществует с ненавистью (Лейбин, 2010).

С точки зрения психологии самости по Кохуту, главенствующая роль в эдипальной стадии развития отводится реакциям родителей на инцестуозно-сопернические стремления ребенка. В частности, «правильным восприятием» Кохут называл реакцию родителя одного пола, выражающуюся в ответе «сдержанной в отношении цели <(ребенка). – И. Н. > встречной агрессии на враждебность», и реакцию родителя противоположного пола, выражающуюся в эмпатичном и «сдержанном в отношении цели ответе на заигрывания» (Кохут, 2002, с. 220). Таким образом, рассмотрение эдипальных переживаний Буковски в рамках неэмпатических ответов со стороны окружения дает возможность критически оценить выдвигаемое в настоящем очерке предположение о патогенном влиянии нездорового окружения на психику Генри Чарльза.

Первые чувства к Генри Чарльзу, которые Буковски упоминает, характеризуются отвращением – формальной причиной для подобного отношения было вечное недовольство, которое отец испытывал по отношению к чему бы то ни было: «Я начал испытывать отвращение к своему отцу. Его все и всегда злило» (Буковски, 2021, с. 29). Отношение к отцу претерпевает в дальнейшем изменение от желания его смерти (что связано

с семейным скандалом, когда Катарина застала Генри Чарльза с другой женщиной) к презрению. На фоне процесса сексуализации отношения к матери, которая остается на всем протяжении раннего детства ребенка эмоционально отстраненной и индифферентной к его потребностям (Cherkovski, 1999; Sounes, 1999), пиком эдипова комплекса становится порка ремнем, которую отец устраивает сыну за плохое поведение в школе. Буковски описывает диалог со своей матерью, произошедший спустя несколько минут после этого: «— Это неправильно, — сказал я. — Почему ты меня не защитила? — Отец всегда прав, — ответила мать и удалилась» (Буковски, 2021, с. 49). Ценное замечание здесь делает Черковски: «Он так и не простил свою мать за то, что она не встала на его защиту — в этот и многие другие разы» (Cherkovski, 1991, p. 19).

Согласно Малер, в рассматриваемом периоде ребенок проходит субфазу консолидации. Ранее мы уже отмечали, что на предшествующей субфазе происходит развитие здорового вторичного нарциссизма, что обуславливает безболезненное протекание эдипова комплекса — так, в частности, ребенок начинает осознавать мать как отдельное от него существо. Малер считала, что консолидация, по сути, не имеет окончания и продолжается на протяжении всей жизни человека. Следствием нарушения процесса индивидуации — т. е. процесса формирования чувства своей идентичности, ощущения себя как уникального субъекта (Лейбин, 2010) — являются нарциссические фантазии о всемогуществе, трудности и проблемы в эмоциональном и интеллектуальном развитии (Малер, Пайн, Бергман, 2011). К аналогичным выводам приходил и Винникотт, говоря, что, если на этапе индивидуации мать неоднократно подведет своего ребенка, последний будет «цепляться» за свое всемогущество, что может стать основой для психопатологии и различных асоциальных психопатий (Винникотт, 2008).

По Эриксону, в рассматриваемый период ребенок проходит стадию под названием «инициатива против чувства вины». В данный период развития ребенок наиболее остро нуждается в игре и фантазии для способствования растущему чувству любопытства и открытости обучению. Одновременно с этим в ответ на ощущение свободы и упрочение собственной власти возникает чувство вины, порождающее беспокойство. Социальный компонент, считал ученый, на данном этапе полностью подконтролен родителям ребенка — в конечном итоге из-за их содействия или несодействия и будет зависеть, унесет с собой человек во взрослую жизнь ощущение вины или нет (Эриксон, 2000). Аналогичного мнения придерживались Винникотт и Кохут, утверждая: «Недостаток адекватного эмоционального ответа на потребности развивающегося ребенка вызывает травму» (Немировский, 2010, с. 91).

Позиция Эриксона, выдвинувшего игру как элемент социального взаимодействия с другими людьми на первый план в описываемой стадии, весьма близка к взглядам Салливана. В периоде, названном последним «ювенильной эрой», ученый аналогичным образом обозначил самыми важными межличностными отношениями для ребенка отношения с друзьями и равными по статусу (Салливан, 1999). Здесь важно сделать отсылку

к биографам Буковски, отметившим, что ребенка одевали в традиционную для Германии национальную одежду, что служило поводом для многочисленных насмешек со стороны соседских детей. Дополнением к этому служил акцент матери Буковски (на момент переезда в Соединенные Штаты плохо говорившей на английском) – имя сына в ее произношении стало еще одним поводом для насмешек над Чарльзом, что болезненно им переносилось (*Cherkovski, 1991; Sounes, 1999*). Картину дополняла непримиримая позиция отца по отношению к уличным играм детей, сводившая на нет любые попытки сына сблизиться с кем бы то ни было. Черковски отмечает: «Мальчишка <(Буковски). – И. Н.> отчасти винил своего отца, что создал раскол между ним и этими ребятами» (*Cherkovski, 1991, p. 4*). Таким образом, на период, когда отношения со сверстниками должны были стать основой для формирования представлений о соперничестве, компромиссе, сотрудничестве (по Салливану) и начать формировать самостоятельность (инициативу по Эриксону), Буковски оказался изолирован от какой-либо активной социальной жизни, что имело непосредственное влияние на формирование объектных отношений.

Отдельного рассмотрения заслуживает развивающаяся в данном временном периоде (согласно «Хлебу с ветчиной») привязанность к мастурбации – что, согласно психоаналитической теории, весьма закономерно, поскольку концентрация интереса на половых органах и вытекающий из этого онанизм являются ядром фаллической стадии (Линдсей, Холл, 2008). Придерживаясь хронологии описания Буковски, мастурбацию уместно будет рассмотреть как составную часть вуайеризма, который постулируется самим автором. Тайсон и Тайсон отмечают: «Кастрационная тревога <(как одно из проявлений развития эдипова комплекса). – И. Н.> может проявляться в фаллическом эксгибиционизме, вуайеризме, унижающем отношении к женщине и идеализированном преувеличении мужской сексуальности, что указывает на неадекватный нарциссический вклад, продолжающееся беспокойство о своем теле, а также на некоторые нарушения объектных отношений» (Тайсон, Тайсон, 2006, с. 315). Разделяя вуайеризм на нормальный (проявление любопытства) и перверсный (навязчивая потребность), Лейбин отмечал: «Возникновение перверсного вуайеризма <связано. – И. Н.> с разрывом отношений между ребенком и матерью в раннем детстве» (Лейбин, 2010, с. 150), что может рассматриваться в качестве дополнительного подтверждения выдвинутого предположения о наличии нарушений в процессе формирования ранних объектных отношений. Отнести навязчивый характер вуайеризма Буковски к вуайеризму перверсному становится возможным в соответствии с упоминаниями о самоудовлетворении, которые представлены в «Хлебе с ветчиной»: «Я стал заниматься этим <(мастурбацией). – И. Н.> регулярно» (Буковски, 2021, с. 123), и в другом месте: «Почти каждый день миссис Андерсон появлялась на ступеньках своей веранды, и каждый раз я брал бинокль и удовлетворял себя» (Буковски, 2021, с. 153).

Апеллируя к «Очеркам по психологии сексуальности» Фрейда, становится также возможным вывести закономерную связь данных ранних

примеров мастурбации и перверсного вуайеризма с проявившимся уже в зрелом возрасте фетишизмом. Фрейд отмечал, что выбор фетиша обуславливается влиянием воспринятого в раннем детстве сексуального впечатления, уточняя: «Направленное первоначально на гениталии влечение к подглядыванию <...> задержалось на своем пути благодаря запрещению и вытеснению и сохранило поэтому ногу или башмак как фетиш» (Фрейд, 2010б, с. 30). Согласно автобиографическим романам «Почтамт», «Женщины» и «Фактотум», описывающим позднюю юность и зрелые годы Буковски, у последнего устойчивым фетишем были женские ноги, длительное разглядывание которых было обязательной прелюдией к половому акту. Принимая ценность последнего для Буковски, таким образом, мы не можем говорить о патологии (иначе фетиш выступал бы в роли конечной цели) или о перверсном фетишизме (иначе страсть к разглядыванию вытеснила бы нормальную сексуальную цель). При этом, однако, с уверенностью можно сделать предположение о имевшихся в раннем детстве запретах, связанных с сексуальной сферой жизни ребенка.

Фактически на данном этапе занимавшие практически весь текст описания разнообразных конфликтов с родителями практически обрываются, и повествование переходит в область личной жизни Буковски. С точки зрения теории психоанализа, кульминацию эдипова комплекса, о которой говорилось выше, мы можем назвать переходным этапом к латентному периоду, который характеризуется подавлением сексуального влечения к матери, происходящим параллельно с процессом принятия отца в качестве Я-идеала (Тайсон, Тайсон, 2006). Последнее, согласно А. Фрейд, происходит посредством «идентификации (отождествления) с агрессором»: «Процесс отождествления с агрессором взаимодействует с <...> восприятием вины <за инцестуозные желания к матери. – И. Н.>. Я воспринимает критику авторитетов и синтезирует ее в Сверх-Я. <...> Усиление нетерпимости по отношению к окружающим <...> перевешивает требовательность к себе. Негодование по поводу чужих недостатков заменяет собственное чувство вины. <...> Данная ступень формирования Сверх-Я является подготовительной стадией нравственности. <...> На данном этапе Я должно пройти через сильное неудовольствие, возникающее при жесткой самокритике. Промежуточная стадия формирования Сверх-Я может не завершиться усвоением внешней критики. Агрессия к другим может не уменьшиться» (Фрейд А., 2008, с. 97). Успешная идентификация, таким образом, ведет к развитому Сверх-Я, что является фундаментом для генитального характера, рассматриваемого в классической теории в качестве гипотетического или идеального характера человека, полностью разрешившего свой эдипов комплекс и свободного от инфантильных зависимостей (Райкрофт, 1995). Аналогичным образом, в случае возникновения трудностей с разрешением эдипова комплекса, в новообразованном Сверх-Я возможны изъяны: Сверх-Я сохранит характер отца, и чем сильнее был эдипов комплекс, чем быстрее <...> произошло его вытеснение, тем строже Сверх-Я будет позже царить над Я как совесть, а может быть, как бессознательное чувство вины» (Фрейд, 2009, с.122). В отношении Буковски мы можем предположить, что внешняя критика не была

усвоена таким образом, чтобы привести к генитальному характеру – согласно утверждениям Черковски и Соунса, отношения Буковски с противоположным полом на протяжении большей части жизни характеризовались агрессией и иногда даже насилием (*Cherkovski, 1999; Sounes, 1999*), что с высокой вероятностью является идентификацией со схожей моделью поведения его отца, продемонстрированной Генри Чарльзу в раннем детстве.

Фрейд писала: «Утрирование мужского поведения с проявлением буйной агрессивности является сверхкомпенсацией и выдает кроющийся за ним страх кастрации» (Фрейд А., 2000, с. 23). Здесь мы можем допустить отклонения в процессе разрешения эдипова комплекса – отшельнический образ жизни Буковски и невозможность долго поддерживать дружеские отношения с кем бы то ни было, а также склонность к агрессии по отношению к женщинам и мужчинам, берущая начало из детства (Буковски, 2010; *Cherkovski, 1999; Sounes, 1999*), также служат подтверждением предположения о нарушениях в разрешении эдипова комплекса.

По части разнообразной и достаточно фривольной половой жизни Буковски важно сделать определенное замечание. Так, говоря о выборе объектов любви людьми с нарушениями в психосексуальном развитии, Фрейд отмечал: «Влюбленные нашего типа относятся к женщинам именно такого разряда <(проституткам). – И. Н.> как к наиболее ценным объектам любви. Любовным связям с этими женщинами они отдаются всеми силами своей души, со страстью <...> и могут любить только таких женщин и всякий раз предъявляют к себе требование неизменной верности, как бы часто ни нарушали ее в действительности» (Фрейд, 2010б, с. 147, курсив мой. – И. Н.). Так, неудивительным фактом является то, что, по словам самого Буковски, он всегда сожительствовал исключительно с порочными женщинами, однако каждой из них был верен до конца (Буковски, 2010). Последнее, впрочем, никакой критики не выдерживает – так, оба биографа писателя в однозначной манере утверждают, что в подавляющем большинстве отношений Буковски не отличался верностью и не пренебрегал изменами (*Sounes, 1999; Cherkovski, 1991*). Объясняя такую странность в выборе объектов любви, Фрейд пояснял: «Влечение к матери и после наступления половой зрелости имело место так долго, что у выбранных объектов любви оказываются ясно выраженные материнские признаки, и в них легко узнать замену матери» (Фрейд, 2010б, с. 149). Поясняя метафоричность понятия «проститутка» в связи с образом матери, Фрейд уточнял, что данная связь обуславливается тем, что женщина обязательно должна быть несвободна и должна наличествовать пострадавшая сторона: «Очевидно, что мать принадлежит отцу, и "пострадавшим третьим" является не кто иной, как отец» (Фрейд, 2010б, с. 149).

Дополнительным фактом, говорящим в пользу правильности выдвинутого предположения, служит упоминание Фрейдом любви к зрелым женщинам в качестве показателя сохранившихся инцестуозных фиксаций эдипова комплекса и, как следствие, неудачного разрешения одного (Фрейд, 2010б) – что, как можно судить из работы Соунса, было актуальным и для

Буковски, на протяжении длительного периода своей жизни отдававшего предпочтение исключительно женщинам, значительно превосходящим его по возрасту (*Sounes, 1999*).

Степень нарушений эдипальной стадии развития мы можем критически оценить исходя из рассмотрения единожды имевшего место случая гомосексуального полового акта с женщиной. Сам Буковски, много лет спустя признавшись в этом своему биографу, упирал на случайный характер произошедшего – проснувшись одной ночью и обнаружив в постели кого-то помимо себя, он решил воплотить в жизнь давнюю мечту о занятии анальным сексом, что и совершил в силу отсутствия сопротивления со стороны партнера, которым на поверку – по утверждению Буковски – оказалась не женщина, как он полагал, а мужчина (*Sounes, 1999*). Соунс пересказывает данную историю со слов самого Буковски, не внося опровержений или доказательств ее правдивости, что позволяет скептически отнестись к вышеизложенному. Фрейд писал: «Автобиографические данные инвертированных о времени наступления их склонности к инверзии не заслуживают доверия» (Фрейд, 2010б, с. 11), что, однако, не ставит под сомнение сам факт имевшего место гомосексуального опыта у человека, на протяжении всей жизни бывшего гетеросексуальным (*Sounes, 1999*). Подобная ситуация позволяет отнести Буковски к типу «случайно инвертированных» – т. е. людей, «при известных внешних обстоятельствах <способных>. – И. Н.> избрать сексуальным объектом лицо одинакового с ними пола и в таком сексуальном акте получить удовлетворение» (Фрейд, 2010б, с. 10). При том что вопрос происхождения гомосексуальности (врожденность в противопоставлении приобретенности) остается открытым, в свете выявленных нарушений в развитии эдипова комплекса уместно будет привести следующее объяснение случайной инвертированности субъекта исследования: «Инвертированные в более позднем возрасте <(как в случае Буковски)>. – И. Н.> проделали в детстве фазу очень интенсивной <...> фиксации на женщине (большей частью на матери) <...> ищут мужчин в юношеском возрасте, похожих на них самих, которых хотят любить так, как любила их мать» (Фрейд, 2010б, с. 18). Весьма схожей позиции в отношении гомосексуализма придерживался и Юнг, рассматривая его в качестве остатка полиморфной и детской сексуальности и видя в гомосексуальности выражение ранних взаимоотношений с родителями. Так, одной из причин перверсии (такой точки зрения придерживался ученый) Юнг видел сверхчувствительность и слишком развитый комплекс (иными словами фиксацию) матери (Сэмьюэлз, Шортет, Плот, 2009). Современные исследования аналогичным образом не дают однозначного ответа на вопрос о психических истоках гомосексуальности, однако часть психоаналитиков сходится в едином мнении, отводя разрешению эдипова комплекса одну из главенствующих ролей для позднейшего выбора индивидуумом объектов своей любви – то есть влечений гомосексуальных или гетеросексуальных (Мур, Файн, 2000).

В соответствии с вышеизложенным, у нас снова появляется возможность вернуться к теме проблемы с дефекацией. Уже при имеющихся в достатке основаниях для обоснованного допущения о нарушениях в разрешении

эдипова комплекса представляется шанс рассмотреть нарушения дефекации как показатель отклонений в развитии объектных отношений и провалов функций всего раннего окружения (не только одной матери), оперируя терминологией Винникотта (Немировский, 2010). Утверждаемый здесь провал выражается в двух аспектах: в дефиците эмпатии со стороны матери и во фрустрации потребности в межличностном общении со стороны отца. На фоне нездоровых отношений в семье (Cherkovski, 1991; Sounes, 1999), которые признавал и сам Буковски (Буковски, 2021; Буковски, 2010), уместно будет постулировать патогенное влияние раннего окружения на ребенка и до начала «Хлеба с ветчиной» (т. е. до достижения Буковски четырехлетнего возраста). Кохут, комментируя различия в терминах «эдипальная фаза развития» (как составная часть «фаллической фазы» в ортодоксальной теории) и «эдипов комплекс», утверждал, что если фаза представляет собой норму, то комплекс является патологией (Немировский, 2010). «Если развитие ребенка проходило благодаря нормальным отношениям со средой, ребенок пройдет через нормальную эдипальную фазу, или период, в своем развитии, в которой будут преобладать сотрудничество и межпоколенческая кооперация над соперничеством и ненавистью. Ребенок и его отец будут чувствовать гордость друг за друга и не будут желать друг другу смерти» (Кохут, цит. по Немировский, 2010, с. 76). Однако, как показал вышеприведенный анализ, в терминах Кохута иначе как «эдиповым комплексом» назвать сложившуюся ситуацию представляется невозможным.

В завершение рассмотрения данного периода жизни Буковски будет уместным в краткой форме рассмотреть положения Адлера о раннем развитии личности. Так, Адлер считал неполноценность врожденным качеством любого индивидуума и полагал, что существуют три основных влияющих фактора, определяющих дальнейшую судьбу этой самой неполноценности; он выделял неполноценность органов, чрезмерную опеку и отвержение со стороны раннего окружения – при благоприятном стечении обстоятельств жизнь человека становится обусловленной стремлением к превосходству, которое является базисом для саморазвития, личностного роста и компетентности (Хьелл, Зиглер, 2003). В случае же если раннее окружение не способствует развитию ребенка, то чувство неполноценности последнего приобретет патологический характер, трансформировавшись в комплекс неполноценности – человек «становится неспособным к позитивному развитию своих творческих способностей, верх в нем берут надменность и самодовольство, высокомерие и коварство» (Лейбин, 2010, с. 344). В соответствии с предшествовавшими событиями и переживаниями, связанными в особенности с собственной неполноценностью, к описываемому возрасту (4–5 лет) у ребенка окончательно формируется стиль жизни. Под последним Адлер понимал индивидуальный способ достижения поставленных целей, позволяющий ребенку приспособиться к действительности. Так, в частности, ученый полагал, что к данному периоду личность кристаллизуется – происходит утверждение значения, придаваемого жизни, укрепляются способы достижения искомого, фиксируются эмоции. В дальнейшем кардинальное изменение

стиля жизни крайне затруднительно и происходит крайне редко (Адлер, 2011). Стиль жизни, соответственно, напрямую связан с выработанным отношением к своей неполноценности (Хьелл, Зиглер, 2003). Приступив к рассмотрению следующего этапа в развитии Буковски, мы сможем критически оценить субъект нашего исследования с позиций адлерианской индивидуальной психологии.

III. Латентный период (Фрейд), трудолюбие против неполноценности (Эриксон), ювенильная эра (Салливан)

Одним из важнейших фактов в биографии Буковски, относящихся к рассматриваемому периоду, является развившееся воспаление сальных желез. Он пишет: «Это было чудовищно. Самый тяжелый случай в городе. Прыщи и фурункулы кучно усыпали мое тело, спину и частично грудь» (Буковски, 2021, с. 165). Психосоматическую природу данного заболевания мы можем предполагать, исходя из установленных ранее нарушений, связанных с разрешением эдипова комплекса. В латентном периоде, согласно психоаналитической теории, при помощи сублимации либидо индивидуума направляется на виды деятельности, не имеющие с сексуальностью ничего общего (Хьелл, Зиглер, 2003). Принимая же во внимание неразрешенные конфликты генитальной стадии, мы вправе предполагать наличие конфликта между требованиями влечения и отрицанием этого влечения, вызванным внутренними (вторичная идентификация и вытеснение сексуализированного желания) и внешними (ориентация на иные виды деятельности) причинами. Именно таковой конфликт, считал Фрейд, является основной причиной для «выхода в болезнь, старающегося уклониться от разрешения конфликта путем превращения либидинозного стремления в синдром» (Фрейд, 2010б, с. 39).

Выраженный характер отрицания сексуальной компоненты в конечном итоге признает и сам Буковски, отмечая при этом факт наличия указанной компоненты как таковой. Так, Буковски писал, что всем нужна любовь, но не такая, которую «практикуют» большинство людей (Буковски, 2021). Контекст данного утверждения позволяет сделать предположение, что «не такая» любовь, о которой говорит писатель, здесь подразумевает любовь платоническую – т. е. мы имеем дело с принятием роли сексуальной компоненты. Обратившись к другой части повествования, идущей хронологически до приведенного выше фрагмента, мы сможем понять, что отрицание вероятнее всего имело место быть – Буковски приводит диалог со своим приятелем, в котором утверждает, что «думать о девочках» бесполезно (Буковски, 2021).

Подтвердить выдвинутое выше предположение становится возможным в соответствии с провалом функций раннего окружения (по Винникотту), который нам удалось с высокой степенью вероятности выявить в предыдущей главе, и нарушениями во взаимодействии с объектом самости в матрице «мать – ребенок» по Кохуту, который мы аналогично постулировали в части настоящей статьи, посвященной разбору фаллической

стадии. Как уже было указано выше со ссылкой на Немировского, и первое, и второе в большинстве случаев ведет к сексуальному промискуитету (Немировский, 2010), что мы и можем наблюдать в биографии Буковски (даже выходя за хронологические рамки «Хлеба с ветчиной»).

В соответствии с психоаналитической теорией, латентный период характеризуется затуханием сексуальной активности и перемещением акцента деятельности на социальную сторону жизни, т. е. на расширение круга контактов. В данном периоде жизни, считал Фрейд, берет начало развитие важнейшего процесса – сублимации, разряжения инстинктивных энергий в неинстинктивные формы поведения (Райкрофт, 1995). Ортодоксальная теория придерживается мнения, что именно на данном этапе развития происходят затухание эдипова комплекса, десексуализация отношения к родителю противоположного пола, идентификация с родителем одного пола (Лейбин, 2010).

Ранее упоминавшееся утверждение Абрахама об уникальном симбиозе черт личности, являющемся производным от специфичности прохождения каждой из стадий психосексуального развития (Абрахам, 2007), приводит нас к кажущемуся противоречию между теоретической базой и «практикой» (биографией Буковски) в вопросе взаимоотношений Буковски со сверстниками в латентном периоде. Аналогичным диссонансом проявившиеся особенности характера предстают и с точки зрения Эриксона, рассматривавшего фрейдовский латентный период в рамках стадии «трудолюбие против неполноценности». Согласно Эриксону, на данном этапе развития ребенок, попадающий за пределы узкого семейного круга, обучается новым навыкам и учится добиваться успеха в выполнении поставленных задач, с одной стороны, и становится продуктивным членом общества – с другой, обучаясь взаимодействию с другими его членами. Здесь, соответственно, кроется возможность или стать частью социума, или же замкнуться в себе, стать в определенной мере затворником и отшельником (Эриксон, 2000). Схожих с Эриксоном взглядов придерживался и Салливан, отводя ювенильной эре формирующую роль для межличностного процесса ориентации в жизни среди равных людей, выражающуюся посредством развития навыков соперничества, компромисса и сотрудничества (Салливан, 1999).

Противоречие, о котором говорится выше, заключается в манифестируемом «Хлебом с ветчиной» высоком уровне социализации Буковски – последний обретает большое количество друзей, активно принимает участие в коллективных видах спорта, перестает быть пассивным членом общества. Однако в описаниях Соунса мы видим коренным образом отличающуюся от версии Буковски картину разворачивавшихся событий. Биограф приводит мнения бывших одноклассников Чарльза и его родственников – в однозначной манере они утверждают, что юноша был скованным, замкнутым, сторонился людей и ни с кем не поддерживал близких отношений (*Sounes*, 1999). Также обративший внимание на расхождение между объективной реальностью и той, которую рисовал Буковски, Чарлстон рассматривал данные расхождения в рамках «личного мифа» писателя. Под данным термином Чарлстон подразумевал планомерное

замещение ряда важных биографических фактов вымышленными событиями, служащее в конечном счете для создания образа пьяницы, балагура и *enfant terrible* современной литературы (Charlston, 2010). В рамках эвристической модели развития личности по Салливану данное противоречие объясняется селективным игнорированием, то есть отказом признавать события или явления, которые произошли в прошлом, однако не укладываются в уже сформировавшуюся Я-систему (возникающий из межличностного общения паттерн поведения, основной целью которого является защита личности от тревоги) и, соответственно, в определенной мере сознательно удаляются из памяти (Фрейдджер, Фейдимен, 2008).

Рассматривая данное противоречие в качестве производного от специфики протекания эдипова комплекса и неразрешения ключевых интрапсихических конфликтов, характерных для данного периода, допустимо будет в общих чертах охарактеризовать следствия нарушений в отношениях со сверстниками для становления психики субъекта исследования. Абрахам утверждал: «Завершение развития характера каждого человека зависит от истории его эдипова комплекса, особенно от развития его способности переносить свои дружественные чувства на других людей или на все окружение в целом. Если он не добился в этом успеха, если ему не удалось достаточно развить свои социальные чувства, то прямым следствием будет заметное нарушение характера» (Абрахам, цит. по Абрахам, Гловер, Ференци, 2009, с. 46).

Позднейшие исследования психоаналитиков подтверждают концепцию Абрахама. Так, в частности, Мур и Файн отмечают, что проходящая в данном периоде организация защитных механизмов личности (как следствие затухания эдипова комплекса) преследует цель общей гармонизации психики, то есть нивелирования конфликта между желаемым и допустимым (Мещеряков, Зинченко, 2009), – соответственно, при наиболее удачном для ребенка стечении обстоятельств последний «получает возможность направлять внимание на внешний мир, развивать психические, когнитивные и социальные навыки контактов с богатством воспринимаемых объектов» (Мур, Файн, 2000, с. 101), то есть сексуальная активность «замораживается» вплоть до вступления в генитальную фазу развития. В случае же наличия тех или иных нарушений в формировании отношений со сверстниками (то есть преобладания неполноценности в противовес трудолюбию по Эриксону) влияние вытесненных психических дериватов предшествующих стадий психосексуального развития особенно остро скажется в последующем, генитальном периоде. Мур и Файн указывают: «Если в этом возрасте <(латентном периоде). – И. Н.> обнаруживаются не полностью изжитые остатки детской сексуальности, зрелая генитальная сексуальность может оказаться либо заторможенной, либо искаженной. Кроме того, психические дериваты ранней сексуальности нередко способствуют образованию невротической симптоматики или характерологических нарушений» (Мур, Файн, 2000, с. 167).

Проследив закономерность отчуждения субъекта исследования от активной социальной жизни, на данном этапе работы необходимо вернуться к упомянутым в конце предыдущей главы рассуждениям Адлера

о раннем развитии личности. Так, в соответствии с основными положениями индивидуальной психологии, три базовых препятствия для личностного роста заключаются в избалованности, заброшенности и органической неполноценности (Адлер, 2011). Согласно рассмотренному правилу функций раннего окружения (заброшенность по Адлеру), у Буковски не развились чувства сотрудничества, или преобладания межпоколенческой кооперации над соперничеством и ненавистью по Кохуту и преобладания трудолюбия над неполноценностью по Эриксону. Таким образом, считал Адлер, отсутствие уверенности в возможности приносить пользу и завоевывать признание окружающих приводит к культивированию внутриличностных качеств, которые на бытовом уровне характеризуются определением «холодный» или «жесткий» человек (Адлер, 2011). Для дополнительной ясности по вопросу «признания окружающих» нам необходимо вернуться к упомянутому в начале данной главы воспалению сальных желез, развитие которого пришлось на начало латентного периода. С определенной уверенностью мы можем предположить, что органическая неполноценность, носившая – вероятнее всего – психосоматический характер, стала одной из ключевых причин избегания любого социального взаимодействия, другой причиной была произошедшая ранее идентификации с агрессором, асоциальным отцом соответственно.

Настоящий очерк сделал попытку реконструкции некоторых этапов развития личности Буковски, рассмотрев на имеющемся биографическом и автобиографическом материалах пороговые переходы от одного этапа развития к другому. Подводя черту под обсуждением, мы можем суммировать результаты исследования в нескольких обобщающих заключительных положениях.

В период прохождения анальной стадии психосексуального развития потребность в межличностном общении Буковски не была удовлетворена в достаточной мере (в первую очередь – в общении с матерью), что послужило источником возникновения фрустрации, выразившейся в трудностях при опорожнении кишечника. Впоследствии, на анально-задерживающей субфазе, индифферентное отношение матери к потребностям ребенка подкрепило отчуждение ребенка от нее. Общая заброшенность и провал функций раннего окружения обусловили формирование фрагментированной самости и выразились в позднейшем проявлении промискуитета (беспорядочных половых связей), а также гипертрофизации амбиций и устремлений (графомании, подробно описанной в цикле автобиографических романов Буковски и отмечавшейся обоими биографами писателя).

В ходе фаллической стадии реакции раннего окружения на инцестуозно-сопернические стремления ребенка придали идентификации с агрессором форму, при которой неусвоенная внешняя критика усилила кастрационную тревогу и стала основой сверхкомпенсаторного и утрированного мужского поведения (агрессии в отношениях с женщинами и мужчинами),

на неопределенный период отложила развитие генитального характера, создав прочную фиксацию дериватов эдипова периода для последующих регрессий (сожителства с «порочными» женщинами, превосходящими Буковски по возрасту) и обеспечив развитие перверсной сексуальности (вуайеризма, фетишизма, случайной инвертированности).

Неразрешенные конфликты эдипова комплекса и патогенная обстановка в семье к началу латентного периода привели к психосоматическому расстройству в виде тяжелого воспаления сальных желез. Суммируясь с ранней заброшенностью, данная органическая неполноценность стала причиной возникновения комплекса неполноценности, упрочившего кристаллизацию жизненного стиля, для которого центральным стало стремление к личному превосходству. Проявившийся комплекс неполноценности стал основным психологическим подкреплением для озлобленности, неполноценности (в числе прочего девиантного поведения в зрелом возрасте, алкоголизма и гемблинга писателя) в противовес трудолюбию и обеспечил недостаточно развитые регулятивные функции Сверх-Я (и, как следствие, асоциальное поведение на протяжении всей сознательной жизни). Буковски оказался не способен на близость, его самость не обрела целостности (что характеризовалось саморазрушительным и рискованным поведением, что являлось чертой жизненного стиля писателя), и, как следствие, не была достигнута идентичность Эго (что проявилось, например, в частой смене работ как следствии отсутствия целостности). Утвердилась фиксация на эдиповом периоде, социальный интерес не проявился.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрахам К.* Характер и развитие. М.: ERGO, 2007, 180 с.
2. *Абрахам К., Гловер Э., Ференци Ш.* Классические психоаналитические труды. М.: Когито-Центр, 2009. 223 с.
3. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Академический проект, 2011. 240 с.
4. *Блюм Г.* Психоаналитические теории личности. М.: КСП, 1996. 370 с.
5. *Буковски Ч.* Интервью: Солнце, вот он я. СПб.: Азбука-классика, 2010. 384 с.
6. *Буковски Ч.* Хлеб с ветчиной. М.: Эксмо, 2021. 400 с.
7. *Винникотт Д.* Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008. 240 с.
8. *Гроф С.* Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти. М.: АСТ, 2008. 520 с.
9. *Кохут Х.* Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002. 316 с.
10. *Лейбин В. М.* Словарь-справочник по психоанализу. М.: АСТ, 2010. 956 с.
11. *Линдсей Г., Холл К. С.* Теории личности. М.: Психотерапия, 2008. 656 с.
12. *Малер М., Пайн Ф., Бергман А.* Психологическое рождение человеческого младенца. Симбиоз и индивидуация. М.: Когито-Центр, 2011. 416 с.

13. *Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П.* Большой психологический словарь. М.: АСТ, 2009. 816 с.
14. *Мур Б., Файн Б.* Психоаналитические термины и понятия. М.: Класс, 2000. 304 с.
15. *Немировский К.* Винникот и Кохут: Новые перспективы в психоанализе, психотерапии и психиатрии: Интерсубъективность и сложные психические расстройства. М.: Когито-Центр, 2010. 217 с.
16. *Никитин И. Ю.* Психобиография: некоторые размышления о кризисе жанра // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2023. Т. IV. № 1. С. 110–124.
17. *Райкрофт Ч.* Критический словарь психоанализа. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1995. 288 с.
18. *Ранк О.* Травма рождения и ее значение для психоанализа. М.: Когито-Центр, 2009. 240 с.
19. *Салливан Г. С.* Интерперсональная теория психиатрии. М.: КСП+, Ювента, 1999. 352 с.
20. *Сэмьюэлз Э., Шортет Б., Плот Ф.* Словарь аналитической психологии К. Юнга. СПб.: Азбука-классика, 2009. 288 с.
21. *Тайсон Ф., Тайсон Р. Л.* Психоаналитические теории развития. М.: Когито-Центр, 2006. 408 с.
22. *Франц М.-Л., Хиллман Д.* Лекции по юнговской психологии. Подчиненная функция, чувствующая функция. М.: Б.С.К., 1998. 198 с.
23. *Фрейд А.* Психопатологии детства. М.: Nota Bene, 2000. 224 с.
24. *Фрейд А.* Эго и механизмы психологической защиты. М.: АСТ, 2008. 160 с.
25. *Фрейд З.* Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 2010. 608 с.
26. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. Минск: Попурри, 2010. 480 с.
27. *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. 400 с.
28. *Фрейд З.* «Я» и «Оно». СПб.: Азбука-классика, 2009. 288 с.
29. *Фрейджер Р., Фейдимен Д.* Большая книга психологии. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. 704 с.
30. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 2003. 608 с.
31. *Шарп Д.* Типы личности. Юнговская типологическая модель. СПб.: Азбука-классика, 2008. 288 с.
32. *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000. 416 с.
33. *Юнг К. Г.* Проблемы души нашего времени. М.: Академический проект, 2007. 288 с.
34. *Charlson D.* (2010) Charles Bukowski: Autobiographer, Gender Critic, Iconoclast. KY.: Trafford Publishing.
35. *Cherkovski N.* (1991) Hank: the life of Charles Bukowski. NY.: Random House.
36. *Sounes H.* (1999) Charles Bukowski: locked in the arms of a crazy life. NY.: Grove Press.
37. *Verny T., Kelly J.* (1982) The Secret Life of the Unborn Child. Dell.

Bukowski. A psychobiographical outline

I. Yu. Nikitin

Nikitin Ilya Yu., Organizational psychologist (Higher School of Economics, Russia), Master of Arts in Integral psychology (John F. Kennedy University, USA), student of the "Psychoanalysis" program (Eastern European Institute of Psychoanalysis, Russia).

The article is a brief psychobiographical outline, devoted to the early childhood period of German-American writer and poet Charles Bukowski, based on the writer's semi-autobiographical novel "Ham on Rye" and a number of published biographies of the subject of the study, performed in an interdisciplinary psychoanalytic fashion.

Keywords: Charles Bukowski, psychobiography, psychoanalysis, personality development.